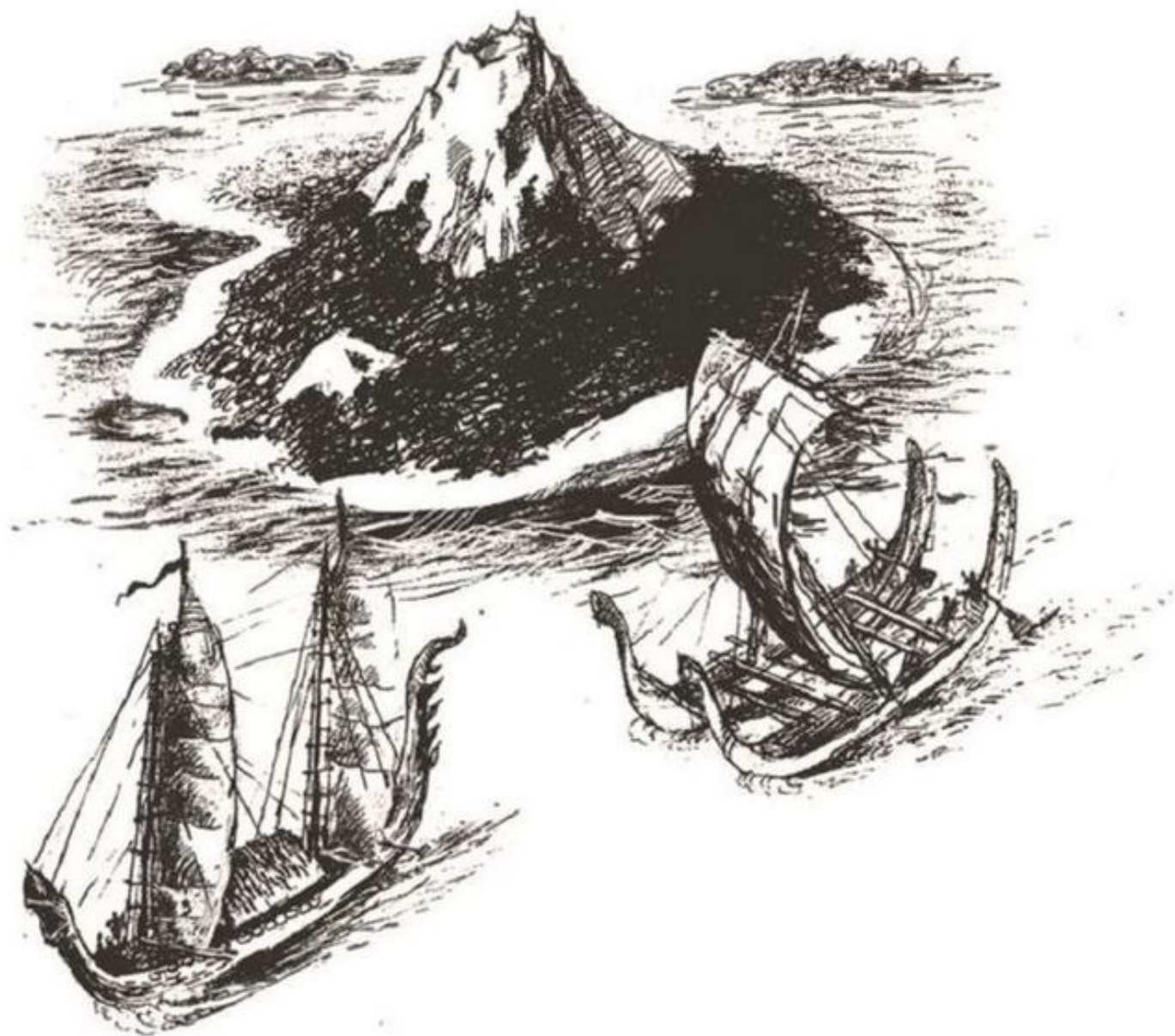

18+

ГЕРМАН МЕЛВИЛЛ

МАРДИ

И

ПУТЕШЕСТВИЕ ТУДА

Герман Мелвилл
Марди и путешествие туда

«Издательские решения»

Мелвилл Г.

Марди и путешествие туда / Г. Мелвилл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513827-9

Первый крупный роман Германа Мелвилла впервые с 1849 года предстаёт в русском переводе. Это соединение памфлета и мелодрамы, этники и эзотерики, психологии и мемуаров, детектива и путевых заметок, философии и поэзии, вплетённых в историческую канву середины XIX века. Главный герой попадает в метафорический мир, отражающий облик стран Старого и Нового Света в зеркале социумов условной Океании, где каждый остров имеет свой прототип или общественную модель. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-00-513827-9

© Мелвилл Г.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие переводчика	8
Том первый	10
Предисловие	10
Глава I	11
Глава II	15
Глава III	17
Глава IV	20
Глава V	22
Глава VI	24
Глава VII	26
Глава VIII	27
Глава IX	29
Глава X	31
Глава XI	33
Глава XII	34
Глава XIII	35
Глава XIV	38
Глава XV	40
Глава XVI	41
Глава XVII	43
Глава XVIII	44
Глава XIX	46
Глава XX	50
Глава XXI	52
Глава XXII	54
Глава XXIII	58
Глава XXIV,	60
Глава XXV	62
Глава XXVI	64
Глава XXVII,	65
Глава XXVIII	67
Глава XXIX	70
Глава XXX	74
Глава XXX I	76
Глава XXX II	78
Глава XXX III	80
Глава XXX IV	81
Глава XXXV	84
Глава XXXVI	86
Глава XXXVII	88
Глава XXXVIII	89
Глава XXX IX	91
Глава XL	94
Глава XLI	95
Глава XLII	97
Глава XLIII	98

Глава XLIV	100
Глава XLV	102
Глава XLVI	103
Глава XLVII	104
Глава XLVIII	106
Глава XLIX	109
Глава L	110
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Марди и путешествие туда

Герман Мелвилл

Переводчик Роман Михайлович Каменский

Иллюстратор Егор Лаптарев

© Герман Мелвилл, 2020

© Роман Михайлович Каменский, перевод, 2020

© Егор Лаптарев, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-3827-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

HERMAN MELVILLE

MARDI:

and

A VOYAGE THITHER

in two volumes

NEW YORK
HARPER & BRATHERS, PUBLISHERS,
82 CLIFF STREET
1849

К 200-летию Германа Мелвилла

Предисловие переводчика

В 1984 году мне в руки попала маленькая книжка Германа Мелвилла «Израиль Поттер» – небольшая повесть о жизни участника войны Соединённых Штатов Америки за независимость от английской короны. Но мне запомнилась не она, а предисловие к ней, где рассказывалось про другие произведения Мелвилла, а точнее, про не переведённый на русский язык роман «Марди и путешествие туда».

Из рассказа про «Марди» мне запомнилась такая фраза:

«... толпы людей под красными знамёнами с серпами и молотами штурмуют королевский дворец. Но после штурма шесть красных масок предают штурмующих, и повстанцы терпят поражение».

Меня удивила связь пролетарских символов с предательством. Одно вытекало из другого. Книга заинтересовала меня, и я стал собирать о ней информацию.

При царской цензуре, действующей на фоне европейских революций середины XIX века, о содержании книги в русском журнале «Библиотека для чтения» за 1849 год не сообщалось почти ничего, кроме того, что её автор – американский авантюрист и что лучше всего её вообще не читать. А большинство советских критиков откровенно переверило её содержание. Это я узнал уже после того, как перевёл книгу. Но самое интересное заключалось в том, что мнения большинства как русских, так и американских критиков о том, что «книга неудачная», совпадали. Чтобы узнать, наконец, в чём тут дело, мне пришлось перевести книгу, а потом и издать её. И я рад, что все эти критики очень сильно ошибались. И понял, почему книгу боялись и не представляли русскому читателю почти сто семьдесят лет. И боятся до сих пор. Быть может, и дальше будут бояться. Недаром от её публикации отказалось около четырёхсот (!) российских и русскоязычных издательств.

Следует заметить, что через два года после выхода в свет в 2018 году этой книги одно из российских издательств, отвергнувших мой перевод еще в начале 2010-х годов, выпустило свой перевод, до неузнаваемости искажив текст удалением из него множества фрагментов и вставкой в него новых названий томов и глав. Поэтому, дабы не испортить себе удовольствие от чтения, рекомендую всем читателям приобретать мой перевод, отпечатанный в издательстве «Российского союза писателей» или опубликованный в электронном виде на сайте ridero.ru, amazon.com и ozon.ru

Перед вами, с моей точки зрения, самое великое произведение Мелвилла, в чём-то сходное с «Путешествиями Гулливера» Свифта, «Гаргантюа и Пантагрюэлем» Рабле и «Моникинами» Купера. Книга, открывшая космизм как направление. Книга, оставшаяся актуальной и в наши дни. Книга на все времена. Книга для всех.

P.S. Mardi – вторник (франц.). Под этим словом также подразумевают «обжорный» вторник на перед Пепельной средой и началом католического Великого поста (в некоторых источниках – вторник на Пасхальной неделе). Праздник и карнавал «Mardi gras», буквально – «жирный вторник»

**Посвящается моему брату,
АЛЛАНУ МЕЛВИЛЛУ**

M A R D I:
AND
A VOYAGE THITHER.

BY HERMAN MELVILLE.

IN TWO VOLUMES.

VOL. I.

NEW YORK:
HARPER & BROTHERS, PUBLISHERS,
82 CLIFF STREET.

1849.

Том первый

Предисловие

Недавно, когда были изданы два моих рассказа о путешествиях по Тихому океану, которые многими читателями были встречены со скептицизмом, мне пришла в голову мысль о написании нового романа на основе некоего письма полинезийца об его приключениях и публикации этого романа. Мне видится, что беллетристика смогла бы, возможно, стать путем к правде: в определенной степени, как дополнение к моему предыдущему опыту.

Эта идея и стала зачатком других идей, которые привели меня к написанию романа «Марди».

Нью-Йорк, январь 1849

Глава I

Нога в стремяни

Мы уходим! Курсы и топсели поставлены: подвешенный якорь качается, словно коралл; все три члена королевской парусной семьи вместе ловят бриз, который летит вслед за нами по морю, как собачий лай. Ветер раздвигает холст парусов снизу, «сверху быстро вырастают протянутые паруса», с обеих сторон уже развёрнуто множество ошеломляющих парусов, и, как ястреб, распростёрший крылья, мы затеняем море нашими парусами, и водорез рассекает морскую воду.

Но откуда и куда идёте вы, моряки?

Мы уходим из Рававаи, острова в море, находящегося не очень далеко к северу от тропика Козерога и не очень далеко к западу от острова Питкэрн, где обосновались мятежники с «Баунти». В Рававаи я провёл на берегу несколько предыдущих месяцев и теперь отправился в круиз за китами, мозгом которых освещается весь мир.

И от Рававаи мы плывём к Галапагосам, иначе называемым Очарованными Островами из-за множества диких течений и водоворотов, что там есть.

Теперь вокруг этих островов, по которым когда-то шагал Дампьер, где испанские буканиры когда-то зарыли свои золотые мойдоры, в определённый сезон пасутся большие стада кашалотов, или спермацетовых китов.

Но туда, от Рававаи, ваше судно совсем не летит, как летит чайка прямо к своему гнезду, поскольку вследствие распространённости постоянных ветров суда, идущие на северо-восток поблизости от Рававаи, вынуждены совершить что-то вроде кругооборота в несколько тысяч миль или около того. Во-первых, следуя переменным ветрам, они вовсю поспешают на юг и только там затем подхватывают случайный бриз, используя его в качестве основного; а потом, двигаясь на восток, переворачивают руль, будучи далеко от берегов, в направлении к экватору.

Этим окольным путём и прошёл «Арктурион», что, по совести сказать, было утомительно. Никогда прежде океан не казался настолько монотонным и – спасибо судьбе – никогда более с тех пор.

Но браво! Через две недели произошло следующее. Из серого утра и прямо впереди по нашему курсу из моря вырос тёмный объект, вставший перед нами в сплетении туманов и взвившийся вверх в сливочных бурунах, вскипавших вокруг его основания. Мы отклонились и далее, к концу дня, прошли Массифуэро. В подозрительную трубу мы разглядели двух или трёх одиноких коз, спускающихся к морю в ущелье, и вскоре позади сигнал: изодранный флаг на вершине. Хорошо зная, однако, что на острове никого не было, кроме двух или трёх повешенных беглых преступников из Чили, наш капитан не пожелал принять их приглашение высидеться. Хотя, возможно, он вполне допустил ошибку, не послав туда лодку со своей картой.

Прошло несколько дней, и мы «взяли попутный ветер». Как благосклонность, выдаваемая с раздражением, он прибыл к нам, как это часто бывает, в виде резкого шквала, удар которого унёс одну из наших штанг, а также свалил с ног нашего старого толстого повара, попутно забросив его тело в шпигат. Вовремя выбрав желаемую долготу по экватору в нескольких лигах к западу от Галапагосов, мы провели несколько недель, пересекая эту линию туда и сюда в бесполезном поиске нашей добычи. Ведь некоторые из охотников верят, что киты, как серебряная руда в Перу, проносятся по венам через океан. Так, день за днём, ежедневно, и неделю за неделей, еженедельно, мы пересекали в продольном направлении эту самую Линию, пока не стали почти готовы поклясться, что уже чувствовали, как судно каждый раз ударялось килем, пересекая её воображаемое местоположение.

Затем, замерев перед экваториальным бризом, мы пересекли наш маршрут прямо вдоль самой Линии. Плывя на запад, всматривались направо и всматривались налево и не видели ничего.

Именно в течение этого утомительного периода времени я испытал первые признаки того горького нетерпения от нашего монотонного ремесла, которые в конечном счёте привели кключениям, здесь описанным.

Но удержитесь! Ни слова против этого редкого старого судна и его команды. Все моряки были добрыми малыми, половина из которых – язычники, которых мы набрали в экипаж с островов. Однако они не подходили к моему образу мышления. Не было ни единой души, приятельной для моей, ни одного человека, к кому у меня была бы взаимная симпатия, кто посочувствовал бы и успокоил в штиль, который нас время от времени настигал, или приветствовал бриз, когда он приходил. При других и более жизненных обстоятельствах покрытые дёгтем матросы могли бы иметь более развитые привлекательные качества. Если бы у нас открылась течь, или мы были бы подброшены китом, или из-за некоего деспотизма капитана мы затеяли бы энергичный бунт, то мои товарищи по плаванию, возможно, проявились бы как более деятельные парни и мужчины с характером. Но как оказалось, не было ничего, что бы высекло огненные искры из их стали. Были и другие вещи, также имеющие тенденцию сделать мою жизнь на борту судна совсем невыносимой. Правда, сам шкипер был лидером, стоящим по достоинству выше квартердека и владеющим морским языком. Позвольте мне воздать ему должное, кроме того, он был паразитен, в особенности для меня: был общителен, нет, говорлив, когда я оказывался стоящим у руля. Но что из этого? Он мог бы говорить о чувстве или философии? Совсем нет. Его библиотека имела размер восемь дюймов на четыре: навигатор Боудича и проповеди

Гамильтона Мура.

И что, мне вот так тосковать по кому-то, кто мог бы зачитать цитату из бертоновского «Синего дьявола»? Зачем мне, воистину, скучный бесконечный переваренный ямс и постоянные строфы из «Черноглазой Сузанны», спетой всем нашим хором с бака? Это всё ещё более несвеже, чем несвежее пиво. Да, да, «Арктурион»! Я говорю это без какого-либо преступного намерения, но ты был чрезвычайно унылым. Не только как парусное судно: не только в том, что я не смог к тебе привыкнуть, но и в любом другом отношении. Дни проходили медленно, один за другим, бесконечно и без событий, как циклы в космосе. Время и часы; сколько столетий мой гамак, подобно маятнику, качался в унылом брюхе судна и отмечал часы и века! Вовеки пусть будет священным передний люк

«Арктуриона». Увы! Теперь на нём морской мох – и вечно ржавые болты, которые крепили ту старую морскую каменную плиту под очагом, возле которой мы так часто бездельничали. Однако всё проиграно, и я буду протестовать против этих свинцовых часов всё время, пока жизнь продолжается. Ладно: недели, хронологически говоря, прошли. Истории Билла Марвела были пересказаны много раз, пока начало и конец не соответствовали друг другу и не были объединены. Песни Неда Баллэда были спеты, пока эхо не скрылось в самых вершинах и не угнездилось в пузах парусов. Моё терпение ослабело.

Но, наконец, спустя некоторое время, проплыв должный путь на запад, мы оставили Линию в большом отвращении, не увидев там никакого признака китов.

И куда теперь? К жаркому побережью Папуа? Той области солнечных ударов, тайфунов и горького напряжения после недостижимых китов. Гораздо хуже. Мы шли, казалось, для того, чтобы проиллюстрировать теорию Вистониана относительно проклятий и комет, спеша от экваториальной жары к арктическим морозам. Короче говоря, с истинной переменчивостью своего племени наш шкипер оставил все мысли о кашалотах. В отчаянии он был склонен броситься за правильными китами на северо-западное побережье и в залив Камчатка.

Не посвящённому в китобойный промысел мои чувства в этот момент, возможно, понять будет трудно. Но они позволяют мне сказать: та традиционная охота на китов на северо-западном побережье, в холодных и мрачных туманах, среди угрюмых инертных монстров, плывущих в море, подобно стволам деревьев из леса Харц, входящего в систему Рейна, и подчиняющихся гарпуну, как наполовину ошеломлённые волы подчиняются ножу, – эта неприятная и неприличная традиционная охота на китов, как я сказал, в сравнении с энергичной охотой на благородного кашалота в южных и более приветливых морях выглядит как убийство белых медведей на чистых айсбергах Гренландии в сравнении с охотой на зебр в Кафрарии, где живые преследуемые звери перед вами загнаны на покрытые листвой поляны.

Теперь это большое непредвиденное определение со стороны моего капитана, имевшее размеры Северного полярного круга, было ни больше ни меньше чем молчаливым противоречивым соглашением между нами. Это соглашение не нуждалось в детализации. И, взойдя на борт только ради круиза в один конец, я рассчитывал покинуть корабль, поместив ногу в стремя в день последующего изгнания. И здесь, благодаря Небесам, он решился везти меня к Полюсу! И ещё для такого мерзкого занятия! В этом было что-то унижительное. Ведь истинная слава китобоя состоит в хранимом им гарпуне, не запятнанном ничьей кровью, кроме крови кашалота. Клянусь святыми, это как мазать рыцаря смолой. Кашалот и спермацетовый кит! Это было невыносимо.

– Капитан, – сказал я, касаясь его сомбреро своим, стоя однажды за рулевым колесом, – очень трудно увести меня с этого пути к чистилищу. Я отправился с вами, чтобы идти в другое место.

– Да, и я тоже, – был его ответ. – Но этому не помочь. Спермацетового кита у нас нет. Мы отсутствовали уже три года, и то или другое должно быть получено, поскольку судно жаждет жира, а он находится в заливе, которого отсюда не видать. Но ободрись, мой мальчик: окажемся в заливе Камчатка – и будем плыть с тем, что мы хотим, хоть и не самого лучшего качества.

Всё хуже и хуже! Маслянистая перспектива терялась в необъятном Массакаре.

– Сэр, – сказал я, – я не для того отправлялся; умоляю вас, оставьте меня где-нибудь на берегу.

Он посмотрел на меня, но не удостоил никакого ответа; и в тот момент я подумал, что пробудил властный дух морского капитана в изначально более доброжелательной природе этого человека.

Но оказалось не так. Трижды обернувшись на палубе, он положил руку на рулевое колесо и сказал:

– Правильно или неправильно, мой мальчик, но ты должен идти с нами. Оставление тебя на берегу теперь вне рассмотрения. Я не зайду в порт, пока это судно не заполнится вплоть до люков. Однако ты можешь оставить его, если получится.

И с этими словами он величественно вошёл в свою каюту, словно Юлий Цезарь в свой шатёр.

Он, возможно, меньше всего рассчитывал, что последнее предложение зазвенит в моём ухе как бравада. Оно выглядело как поздравление от тюремщика заключённому в Ньюгейте в тот момент, когда он завинчивает на нём болты.

«Оставь судно, если можешь!» Оставь судно, когда в поле зрения нет ни паруса, ни берега! Да, мой прекрасный капитан, бывают более странные вещи. Поскольку на борту этого самого судна, старого «Арктуриона», находилось четверо хвастливых малых, которые сами поднялись два года назад при предыдущем нашем шкипере с открытой лодки, удалившейся от самого дальнего мелководья. Безусловно, они сочинили длинную историю о том, что были единственными оставшимися в живых моряками корабля Ост-Индской компании, сгоревшего дотла по ватерлинию. Но кто поверил их рассказу? Как и многие другие, они хранили тайну – несомненно, обусловленную отвращением к некоему уродливому судну, которое всё ещё было

крепким и на плаву, и ускользнули они от него незамеченными. Среди моряков в Тихом океане такие приключения не редкость. И при этом они не считаются большими чудесами. Они – всего лишь инциденты, а не события в ряду историй о скитаниях наших собратьев в Южном море. Что важно в сотнях миль от земли, если хорошее китобойное судно находится под ногами, Торговые острова позади, а спокойные, тёплые моря впереди? И здесь находится различие между Атлантикой и Тихим океаном: что никогда в пределах тропиков смелый моряк, у которого есть причины для того, чтобы оставить своё судно, идущее вокруг мыса Горн, не ждёт порта. Он считает этот океан одной великой гаванью.

Однако намёк на предприятие был, но неясный; и я решил хорошо взвесить возможности. Тут стоит заметить, что этот путь мы все обдумываем как предприятие для самих себя, представляя его для других пустяком.

Мои первые мысли были о лодке, которой следует завладеть и законно или незаконно, но выкрасть её при существующих обстоятельствах. Но не проявляйте въедливость в этом вопросе, позвольте мне сказать, что если б я оказался в той же самой ситуации снова, то повторил бы то, что сделал тогда. Капитан хорошо знал, что собирался задержать меня незаконно, вопреки нашему соглашению, и именно он лично подал тот самый намёк, который я просто принял с большой благодарностью.

В таких вот размышлениях о побеге, как это, я замер однажды, чтобы выстоять положенные мне два часа на топе мачты. Это было по завершении дня, безмятежного и прекрасного. Я стоял там, на вершине мачты, и далеко-далеко бесконечно катился вниз океан. Там, где мы тогда находились, была, возможно, наименее посещаемая и наименее известная часть моря. На западе, однако, лежали многочисленные группы островов, свободно расположенные на карте и наделённые всем очарованием сказочных стран. Но скоро эти области будут пройдены; умеренный экваториальный бриз сменится на холодные, жестокие порывы и все ужасы северных вояжей. Я бросил свой взгляд вниз, на коричневые доски уныло тащившегося судна, тихого от мачт до кормы, затем за его пределы.

Вдали представляли сказочные видения! Весь западный горизонт до неба был выложен из золотых и тёмно-красных облаков: воздушные арки, купола и минареты; как будто жёлтое мавританское солнце выстраивало позади некие широкие Альгамбры. Перспектива, казалось, вела к иным мирам. Туда и сюда, по всем башням этой небесной Ниневии, носились полчища птиц. Постоянно видимые, они пересекали горизонт, пролетали через низкую арку и скрывались из виду. Мой дух, должно быть, уносился с ними; прямо как в трансе, на меня накатили интонации мерного прибойя на пляже с ракушками, взмахи ветвей, голоса дев и убаюкивающие удары моего собственного растерзанного сердца, смешавшиеся воедино.

Теперь всё это, сказать попросту, было всего лишь одним из многих видений, которые каждый ощущает наверху. Но, натолкнувшись на меня в то время, оно воздействовало на меня так, что впредь моё желание оставить «Арктурион» стало видом кратковременного помешательства.

Глава II Штиль

На следующий день установился штиль, который добавил больше тревоги к моему нетерпеливому ожиданию. И, кроме того, восстановил в моей памяти сухопутного человека определённые ассоциации от моих старых впечатлений от первой встречи и общения с морской жизнью. Описания этих впечатлений вполне могут заслужить страницу в нашей книге.

Итак, сначала человек оказывается захваченным врасплох, никак не подозревая о существовании страны, где сама жизнь кажется приостановленной. Он вздрагивает в своей одежде, чтобы понять, находится ли он в пустоте или нет. Он закрывает и открывает глаза, дабы убедиться в действительности покоя водного пространства. Он производит глубокий вздох ради эксперимента и ради наблюдения эффекта от него. Если он читал книги Пристли, то описанное в них происходит с ним самим сейчас; и он верит в того старого сэра Энтони Абсолюта из самой последней главы. Его вера в Мальте Бран, однако, иссякает; как вера в географию, которой с детства он безраздельно доверял, всегда уверявшую его, что море было, по крайней мере, антиподом земли. Как антиподом Америки, например, является Азия.

Но это – штиль, и он становится безумно угнетающим.

В его больном воображении параллели и меридианы становятся выразительней и приобретают реальность: воображаемые линии разрисовывают всю поверхность земли.

Исчисления координат уверяют его, что он находится в нужном месте; но измерения лгут; нет такого места, которое имело бы какие-либо координаты в этой водной пустыне.

Подобные же ужасные сомнения одолевают его относительно компетентности капитана в вопросах управления судном. Невежда-капитан, по его мнению, должно быть, заблудился, дрейфуя к внешним границам мироздания, и попал в область постоянного затишья, ведущую к абсолютной пустоте.

Мысли о вечности заполняют его сознание всё больше и больше. Он начинает беспокоиться о своей душе. Спокойствие штиля ужасно.

Его голос приобретает странные свойства. Он будто бы проглотил слишком большой кусок, и тот застрял в пищевode. Это усиливается появлением своего рода внутреннего жужжания, подобного жужжанию живого жука. Его череп превращается в купол, наполненный звуковым эхом. Пустоты его костей становятся галереями шёпота. Он боится говорить громко, чтобы не быть оглушённым, как оглушает барабанный бой. Но больше, чем всё остальное, – осознание своей чрезвычайной беспомощности. Помощь или сочувствие ни от кого не исходит. Погружение в раскаяние пользы не приносит. Возможно, человек вообще не бывает склонен к раскаянию. Тяжело лишиться работы во время штиля. Человек может спать, если сможет, или преднамеренно вводить себя в транс из-за видений, пригрезившихся ему. Всё это может его занять; но он, скорее, не бездельничает; безделье – это праздность; быть праздным – подразумевает отсутствие каких-либо занятий; тогда как есть штиль, который нужно будет вынести, и как долго, знают только Небеса.

Его физическая суть, очевидно предназначенная для перемещения, ограничена, поскольку там, где штиль оставляет его, там он и остаётся. Даже бесспорные права, которыми человек наделён, состоящие в его великой свободе передвижения, исчезают. Как их использовать? Он решает убежать далеко от штиля, поскольку на суше он избежал бы неприятностей и тревог. Но он не может: глупо поворачивать экспедицию назад. Это более глупо, чем неудачно жениться, ведь плохому браку не поможет никакой доктор. У него есть корабль, словно жена, хорошая или скверная, для счастливой жизни или для ссор; и от неё не скроешься. Всей своей статью и размерами она как бы презрительно говорит ему, словно старая ведьма маленькому карлику: «Помогай себе сам».

И всё это – и больше, чем это, – и есть штиль.

Глава III

Король матросов

В то время, о котором я теперь пишу, мы, полагаю, находились более чем в шестидесяти градусах к западу от Галапагосов. И, достигнув желаемой долготы, мы держались далеко от севера и от Арктики: нас окружало одно широкое море.

Но на западе, за тысячи миль отсюда, на север и на юг простирался почти бесконечный Архипелаг, повсюду заселённый, но малоизвестный и, главным образом, нечасто посещаемый, даже китобоями, которые ходят всегда и везде. Начало этого Архипелага в южной части представляло собой большую цепь островов, известных как группа Эллайс; далее шли острова Королевская миля; далее – группы островов Радак и Мулгрейв. Эти острова являлись, по сути, коралловыми рифами, невысокими и плодородными и изобилующими множеством фруктов. Язык людей, населяющих эти острова, был очень похож на язык жителей Островов Навигатора, с которых их предки, как предполагается, и прибыли.

Вот и всё, что я тогда знал об упоминаемых островах. Главное, однако, было то, что они существовали вообще и что наш путь к ним лежал по приветливому морю, где дул попутный пассат. Расстояние, хотя и большое, было просто широкой водной гладью, очень спокойной, как раз для передвижения под парусом, хотя профессия моряка позволила бы справиться, как известно, с большой бурей. К тому же китобойное судно – вещь по-своему хитроумная в сравнении с другими судами, когда-либо созданными человеком, и справилось бы со многими препятствиями.

На один из островов Королевской мили я тогда и решил было высадиться и попросту сбежать. И я полагал, что меня возьмут на одну из шлюпок, отправляющихся на эти острова. Но я понятия не имел о пребывании на острове без компаньона. Это были бы утомительные часы, часы одиночества, с бесконечным созерцанием горизонта.

Там, среди членов команды, был один прекрасный старый моряк по имени Ярл. Какого он был возраста, никто не мог сказать, даже приблизительно, даже он сам. История его жизни являлась весьма неопределённой и неточной. «Мужчина и мальчик, – честно говорил о себе Ярл. – Я жил с тех пор, как себя помню». И действительно, кто из вас может вспомнить, когда он не существовал? Ощущая себя, все мы кажемся себе ровесниками с момента появления на свет. Поэтому мы считаем, что тяжело умирать, прежде чем положено.

Ярл был родом с острова Неба, одного из островов Гебридского архипелага. Поэтому мы часто называли его Небожителем. И хотя душа его была совсем не пиратская, он всё же был старым скандинавом не для того, чтобы просто предаваться созерцанию мира. Его руки были мускулистыми, как лапы медведя; его голос был хриплым, как штормовой рёв вокруг старого пика Мулл; и его длинные рыжие волосы развевались вокруг его головы, как пламя заката. Твоя суть в том, Ярл, что твои предки были викингами, которые много раз плавали по солёному немецкому морю и Балтике; они женились на Брунгильдах в Ютландии и теперь вкушают мёд в залах Валгаллы, а бубнами продолжают отбивать ритм скандинавских гимнов. Ах, как же старые саги пробирают меня!

Всё же Ярл, потомок героев и королей, был одиноким, в основном лишённым друзей моряком, верящим только в морскую жизнь, которой он жил. Так было, и так будет. Какой йомен должен поклясться в том, что он не происходит от короля Альфреда? Какой графоман скажет, что он не напишет лучше старого Гомера? Король Ноа, благослови его Бог! Отец наш всевышний! Тогда выше головы, о вы, рабы, чья благородная кровь течёт по вашим венам! У всех нас есть монархи и мудрецы среди родственников; нет, ангелы и архангелы для кузнецов, – и с тех самых достопамятных времён, когда сыновья Бога вступили в брак с нашими матерями, кровными дочерьями Евы. Все поколения смешались, и дети небес и земли, иерар-

хии серафимов в предельных небесах; троны и княжества в зодиакальных созвездиях; тени, пересекающие пространство; нации и семьи, впадины и горы земли; один и все, братья в своей основе, – о, быть может, мы тогда братья действительно! Все вещи имеют разную форму, но являют собой одно целое; вселенная – Иудея, и Бог Иегова во главе её. Тогда больше не позволяйте появляться первобытному страху: например, теократии, что в ней страшного? Боязнь смерти представима как сон уставшего в седле всадника. Поприветствуем даже призраков, когда они появляются. Долой морщины и гримасы. Делаящий татуировку новозеландец не является чудом, как и загадка пути китайца. Никакой обычай не является странным, нет понятия абсурда, нет врагов, но кто окажется другом? В небесах живёт, наконец, наш добрый старый отец с белыми волосами, Адам, любящий всех, в преобладающем большинстве. Христианин должен протянуть руку и язычнику, и еврею; забудьте мрачный дантовский Ад и смех толстого Рабле, и монаха Лютера, и за бутылкой старого нектара обсудите прежние времена с Папой Римским Львом. Затем мы сядем на одну скамью с мудрецами прошлого, что дали законы жителям Мидии и персам на солнце, командирами конницы в Персеусе, что кричали «По коням!», когда их будил рёв трубы, зовущий на последнюю битву, рядом с древними охотниками, кто несколько вечностей назад охотился на американского лося под созвездием Ориона, менестрелями, которые пели с Млечного Пути, когда родился Иисус, наш Спаситель. Тогда не будем мы причислять к мелким величинам Магелланов и Дрейков, но выслушаем путешественников, которые плавали вокруг света, кто обошёл вокруг Полярную звезду, как мыс Горн. Затем не забудем Стэджирайта и Канта и труды других мудрецов, и даже появившиеся сейчас фолианты с гороскопами, ещё пока не расшифрованными, о высших небесах небес. Итак, в малопонятном жаргоне старого Ярла никогда не было идиомы. Его терминология была слишком космополитична для этого. Долгие товарищеские отношения с моряками всех племён: манильцами, англосаксами, латиноамериканскими индейцами, бенгальцами и датчанами – стёрли вовремя все ваши родные языки, что вы знали и помнили. Вы утопили ваш народ; утонула ваша страна; вы теперь говорите на всемирном языке, весёлом бормотании лингва-франко.

Согласно своему прозвищу, Небожитель был совсем неграмотным, не знающим о Саламанке, Гейдельберге или Брозенносе. Окажись в Дели, он никогда бы не заинтересовался книгами брахманов. Знаний в географии, в которой моряки должны хорошо разбираться, поскольку много раз обогнули земной шар, бедному Ярлу печально не доставало. Согласно его взгляду, мир представлялся ему в образе пирога; земля являлась простой крайней коркой, в пределах которой находился весь водный мир. Такова была космографическая теория моего славного Викинга. Что же касается потусторонних миров, то он о них и не думал, всё же понимая мир так же хорошо, насколько понимал его Иоанн Златоуст.

Ах, Ярл! Честный, серьёзный добряк; столь верный и простой, что тайные движения его души были более непостижимыми, чем тонкие умозаключения Спинозы.

Пожалуй, я многое расскажу про Небожителя, поскольку он был чрезвычайно молчалив и редко говорил о себе.

Теперь, разбираясь в эмоциях, скажу, что я у Ярла был, по сути, в любимцах; он любил меня, прежде хорошо изучив. Иногда бывает так, что старый моряк как бы сильно привяжется душой к моряку молодому, своему товарищу по плаванью, привязанностью, совершенно необъяснимой, если она возникла в том сердечном одиночестве, которое настигает большинство моряков, когда они стареют; оно побуждает с кем-то подружиться. Но, однако, мой Викинг, твоя непрощенная привязанность являлась самым благородным уважением, какое когда-либо выказывалось мне. И, откровенно говоря, я более склонен думать, что источник его симпатии скорее исходил от его сердца, чем от уважения к моим познаниям в культуре и образованию.

Там, в море, в товариществе моряков, все мужские характеры проявляются на виду. Никакая школа не сравнится с кораблём в изучении человеческой натуры. Контакт одного человека с другим, который постоянно рядом, исключает и отвергает обман. Вы показываете свой характер так же свободно, как носите свои брюки. Тщетны все усилия, направленные на то, чтобы вы приняли не свои черты или скрыли те, которыми обладаете. Тайные, хотя и желательные, усилия вне рассмотрения. И, таким образом, на борту всех судов, на которых я проплавал, я вижу своего рода феномен под названием комнаты размораживания. Нет, «мне поспешно замечают», что я словно поместил руку в ведро смолы с брезгливым ароматом, будучи нежным и рафинированным, словно фарш из Честерфилда. Нет, нет, я никогда не был лучше, чем моё призвание; и я был один из многих. У меня загорелая грудь и столь же твёрдая рука, как у них у всех. И никогда мой товарищ по плаванию не бранил меня из-за благородной неспособности к исполнению моих обязанностей, хватая и неся меня к грузу грот-мачты или концу бума кливера во время волком воющего ветра, который когда-либо выл.

Откуда тогда это раздражающее слово «благородный»? Для его появления были причины. Это было из-за чего-то во мне, что нельзя было скрыть: уловка в случайной фразе, обдумывание обыденных понятий, отдалённые, неосторожные намёки на беллетристику и другие пустяки, которые излишне упоминать. Но хочу сказать, что во время этого путешествия в команде, в которой я числился, на меня смотрели как на человека, «благородного» во многих отношениях. Но Ярл в этом мнении, казалось, пошёл далее. Он будто держал меня за одного из членов Ганноверской династии или, как минимум, за члена семьи принца Чарльза Эдварда Претендента, который, словно Вечный Жид, вполне мог быть бродягой. Во всяком случае, его симпатия была чрезмерной. Он добровольно стал моим прачкой и портным, более того, самым опытным; когда приходило моё время приёма пищи, но приходилось одновременно смотреть на топ мачты или стоять за рулевым колесом, он с неутомимым усердием обслуживал меня среди «детей» на баке. Пример – хорошая глыба «варёного пудинга», которой я был обязан хорошей заботе моего славного Викинга обо мне. Был же фараон Сесострис I в своё время слугой монарха! Всё же в определённой степени обязательства были взаимными. Да будет известно, что, по-морскому говоря, мы были чаммисы.

Теперь этот чамминг среди моряков похож на существующее братство между собой студентов колледжа (корешей) при совместной аренде жилья. Это – друзья из гомеровских поэм, лига нападения и защиты, хозяева совместного гардероба, узы любви, хорошего чувства и взаимного соревнования. Правда, в моих морских воспоминаниях есть сведения о различных неудачных, неразумных и отвратительных чаммисах; чаммисах, где «старший» во времена еды не заботился о «младшем», когда неудачные партнёры оказывались лишними; чаммисах, когда один из товарищей якобы показывал «неумение» в шитье и бритье, да так, что его простоватый партнёр делал всю его работу, в то время как первый в это же самое время спал в его гамаке. Но таков чаммис!

Но я обращаюсь к тебе, честный Ярл, даже если бы я был чаммисом из хитрости. Не беспокойся, изготовлял ли ты действительно мои брезенты и с самаритянской благотельностью перевязывал раны, втыкая иглу с нитью, зашивая их, мои страдающие несчастные нижние наружные покровы, которые ты называл «утками». Делая это, называл ли ты это великой услугой, и, более того, делал ли ты это для меня, несмотря на наличие у меня же своего собственного оригинального напёрстка, вырезанного из кости кита? Но мог ли я выдернуть из твоих настроенных уже на заданную работу рук мою рубашку, когда ты стирал её в сомнительном растворе в своём просторном чане, сделанном из бочки? Ты очень хорошо знаешь, Ярл, что это правда; и я обязан заявить, что должен был отказаться от всех привлекательных возможностей, исходящих от твоей широкой души.

Вспоминая этого Викинга и размышляя, кто же был моим товарищем на судне, я считаю, что им мог быть только мой Викинг.

Глава IV

Беседа в облаках

Небожитель казался настолько серьёзным и прямолинейным моряком для того, чтобы сказать ему правду напрямую, даже несмотря на его симпатию ко мне, что у меня было много сомнений относительно его готовности примкнуть к моему плану, который предусматривал нарушение моральных обязательств. Но, учитывая все обстоятельства, я принял своё собственное довольно простое решение; и что касается того, чтобы склонить кого-либо присоединиться ко мне, то это казалось предосторожностью столь обязательной, чтобы перевесить все другие соображения.

Поэтому я решил открыть ему настежь своё сердце, для чего навестил его, когда он, как некий старый альбатрос в воздухе, взгромоздился на верхушку фок-мачты, совершенно один, для наблюдения за китами, доселе не замеченными. Такое размещение на небольшом пятачке мачты на высоте ста футов в течение многих часов, в стремительном полёте над морем, очень походит на пересечение Ла-Манша на воздушном шаре. Подобно Манфреду, вы говорите с облаками: вы словно нащупываете солнце. И тогда Ярл и я затеяли там разговор, куря наши примитивные трубки, и любая чайка, проходящая мимо, словно получала энергию от нашего дыма, как воздушные шары Блэнчарда и Джеффриса, способную перенести её из Дувра через Кале через небеса в послеобеденный Багдад. Честный Ярл, я познакомил его со всем: с моей беседой с капитаном, с намёком, услышанным в его последних словах, с моим непреклонным решением покинуть судно в одной из его шлюпок и средствами, с помощью которых можно было осуществить наш план. Я тогда высказал немало аргументов в сильной надежде на то, чтобы повернуть направо по ветру к солнечным островам на нашем пути.

Он слушал внимательно, но так долго молчал, что уже я почти решил, что Ярл готовит нечто такое, что опровергнет слишком многое из моих аргументов и моего красноречия.

Наконец он напрямик объявил, что план мой безумный, он никогда о нём не подозревал, но трижды видел подобное, и в каждом случае о судьбе беглецов впоследствии никогда не слышали. Он упрашивал меня отказаться от моего намерения, не быть мальчиком, остановиться и поразмышлять, остаться на судне и идти на нём домой, по-человечески. Поистине, мой Викинг говорил обо всём, как мой дядюшка.

Но всё это я пропускал мимо ушей; в подтверждение того, что мой ум был выше сомнений, и поскольку Ярл отказывался сопровождать меня и я не представлял бы себе никого больше в качестве сотоварища, то я пошёл бы в одиночку. Однако, видя моё непоколебимое решение, он честно поклялся, что будет следовать за мной, несмотря ни на что.

Спасибо, Ярл! Ты воистину один из тех преданных товарищей, которым трудно будет доказать, что они ошибаются, но, осознав ошибки, немедленно поворачивают к борьбе за явившуюся истину.

Но теперь его возрастное благоразумие играло свою роль. Бросая взгляд на безграничное пространство под нашими ногами, он спрашивал, как далеко от нас находились рассматриваемые острова.

Тысяча миль, и не меньше.

С попутным ветром, да ещё и под парусом, мы сможем пройти этот путь за двенадцать дней, но штиль и течения в состоянии увеличить его до месяца, а возможно, и более. – Сказав, он покачал своей старой головой и тряхнул соломенными волосами.

Но, стараясь изо всех сил развеять эти предчувствия, он, наконец, прогнал их. Он уверил меня, что сделает всё, что в его силах.

Мой Викинг успокоился, и я почувствовал себя более непринуждённо; ведь хорошо составленный план способствовал бы успеху нашего предприятия.

Нельзя было терять времени. Каждый час нёс нас всё дальше и дальше от параллели, самой желанной для того, чтобы следовать по ней на запад по нашему маршруту. Поэтому, учитывая все возможности, я разработал план и сообщил о нём Ярлу, который немного подправил его несколькими замечаниями, учтя несколько скрытых деталей, выпавших из моего поля зрения.

Странно, но только мой Викинг, скорбно улыбнувшись, напомнил мне о факте, о котором я вспоминал впоследствии как об озадачившем меня и вызвавшем лёгкий румянец. Мы должны были продвигаться без карты или квадранта; хотя, кратко замечу, и потребность в компасе вообще не рассматривалась. Карта, в конце концов, не смогла бы сказать, как далеко мы продвинулись; но вот квадрант был более чем желателен. Однако он не был ни в коем случае обязательным. И по следующей причине. Когда мы начали путь, наша широта была точно известна. При нашем путешествии на запад мы дрейфовали бы на север или юг и не смогли бы – это было бы невозможно – добраться, как мы рассчитывали, до длинной цепи островов, которые раскинулись на большом расстоянии по обеим сторонам экватора, вдоль которого мы следовали.

По почти такой же причине имело мало значения, знали ли мы ежедневно нашу долготу, поскольку никакая известная земля не лежала между нами и местом, которого мы желали бы достигнуть. Что же могло стать более простым, чем это? Ведь если мы будем терпеливо держать наш путь на запад, то должны будем, в конечном счёте, достигнуть назначенного места.

Что касается ожидаемых мелководий или рифов, если их кто-либо там видел, то они вряд ли запугали бы нас. Для шлюпки, которая осаживалась всего лишь на несколько дюймов ниже уровня воды, учитывая постоянное наблюдение, вся опасность в этом отношении была бы исключена.

В конце концов, замысел казался достаточно выполнимым, несмотря на старое суеверное почтение Ярла перед навигационными инструментами и философские взгляды, которые, возможно, довели над педантичным учеником Меркатора.

Очень часто старый принцип показывает, что самые простые устои дают наибольшую уверенность человеку и что, скорее всего, это происходит от самой их простоты. И потому, насколько не тревожась, мы обратились к солнцу с просьбой:

«Будь, Старый Кормчий, нашим проводником!»

Глава V

Места заняты, и чемоданы собраны

Но мысли о квадрантах и картах занимали нас менее всего. Внимание глаз тридцати человек – капитана, помощников, команды на корабле – должно было быть отвлечено; они не должны были что-либо подозревать до тех пор, пока их подозрения не оказались бы бесполезными.

Знайте: в море шлюпки кораблей в южных широтах (их обычно четыре штуки, не считая запчастей) закреплены по верху инструментами к гнутым деревянным конструкциям, называемым шлюпбалками, вертикально установленными по сторонам судна.

Ни одна женщина не наводит свой лоск до такого полного изнеможения перед долгожданной ярмаркой, как это делается на стремительном китобойном корабле его командой. Любой его элемент кажется невероятно хрупким и оправдывающим предельную заботу. Словно прекрасная леди, китобойное судно кажется бесполезным, когда лишено такой работы, и выглядит как бесполезная тонкая щепка.

Помимо шлюпбалок, имеются другие элементы крепежа. Две маленьких подъёмных петли протянуты под килем, которые предотвращают опирание на середину шлюпки и свешивание её носа и кормы. Широкая плетёная пеньковая лента, со вкусом сплетённая в своеобразный узор, передаёт вращение вокруг обоих планширов и, обеспечивая защиту шлюпки, надёжно прикрепляет её к нужному месту. Будучи поднятыми выше борта судна, шлюпки находятся в подвешенном состоянии выше всех частей палубы. Далее, одна из этих шлюпок должна была быть с пробитым дном. Это действительно так. Чтоб было тяжелее, чем для любого стремительного молодого янычара удрать с женой султана из Большого Серала. Всё, что могло быть сделано, ей-богу, было сделано.

Что говорить вам о хитростях днём и во время прихода ночи, отбрасывании дрожи и сомнений у кранов? Но как спрятать даже самой темной ночью более опасный звук, чем предсмертный хрип? Этого легко избежать! Смажьте канаты, и они весело пройдут через тонкие шкивы блоков.

Оценивая грядущий план, я понимал, что в нём была высокая степень риска, представление о которой, в конце концов, было от меня далеко. Созрел другой план, ещё более смелый; и, следовательно, более опасный. Каков он был, я ещё расскажу.

Разрабатывая способ для удачного путешествия, я охотно пересёк бы палубу и следил бы за шлюпками, как корнет, уводящий своего коня от красивой гвоздики. Но не вышло. И «дырявая шлюпка» была, ввиду необходимости, выбрана как самая отдалённая от квартердека, поля зрения острых глаз и неустанных забот.

Далее, наша кладовая должна была наполниться, и я лично занялся запасами воды; и, вспоминая случаи, когда в прошлом сам в ней особенно нуждался, решил обратить на неё должное внимание. Пока нас было всего лишь двое, однако, я решил создать достаточный запас и мяса, и питья на четверых; в то же самое время, когда дополнительная пара человек, пока планируемая, была ещё не определена. И если бы наступил смертельный момент, мы бы его не испугались, пожалуй, поскольку имели бы еду, и не только для одного Ярла.

Мы немного времени потеряли, готовя провизию для нашего побега. Булочки и говяжья солонина были нашим единственным ресурсом, и, благодаря щедрости владельцев «Арктурисона», у команды нашего судна было достаточно продуктов. Оба бочонка со снятыми во избежание стука крышками использовались как ёмкости. В сумках, которые мы сделали для наших целей, оказалось достаточно готовых булочек, спрятанных доселе в легкодоступном месте. Солёную говядину получить было труднее, но постепенно нам удалось заняться её контрабандой из бочки в таком масштабе, чтобы создать необходимый запас.

Что касается воды, то в один удачный день или два несколько специальных больших бочек с водой были подняты снизу для какого-то использования офицерами корабля. Эти были бочки с крышками, длинные и тонкие, но очень крепкие, различного диаметра. Их поставили словно нарочно, задвинув в пространства между огромными рёбрами корпуса судна.

Самые большие из тех, что мы могли найти, были отобраны и сначала тщательно исследованы на предмет обнаружения возможных утечек. Используя какие-то отговорки для остальных членов экипажа, мы затем прокатили их по всей той стороне судна, где находилась выбранная нами шлюпка, и разместили их поблизости от неё.

Наши маленькие рундучки были аккуратно упакованы, увязаны и отложены до поры в сторону. И, наконец, ради предосторожности, у нас каждая вещь была расположена применительно к самому ответственному моменту. Позвольте мне, ничего не умаляя, добавить к достоинствам Ярла, что всякий раз, когда стратегия наша требовала усыпить внимание экипажа, он умел выглядеть неловким, и по большей части это делалось ради меня. То, что он делал, было правильно; демонстрируя несвоевременную прямооту, он раз или два проверил на прочность каждую вещь. Иногда он казался настолько несвоеременно тупым, что я почти подозревал его в равнодушии к нашему замыслу, подобно тому филантропу, который, используя все способы для осуществления провального проекта, спасает его от закрытия и ведёт к неуклюжему одобрению. Но не стоило сомневаться: Ярл был викингом, таким же, как его предки, хотя совсем и не разбойником.

Глава VI

Восемь склянок

Месяц, по нашему расчёту, должен был быть минимального размера, согласно советам, данным в альманахах бывальыми ночными авантюристами. Когда Синтия показывает круглый и полный диск, то много смелых дел свершить не получается. Правда, бывает, что лунные ночи оказываются бочками с драгоценностями для разбойников и девичьих сердец, как говорил Коперник.

Языческая планета находилась в своей последней четверти, и на её тонкий серп я возложил свои надежды на бегство без риска быть обнаруженными.

Теперь, совершая спокойный переход через океан, мы отработывали вахты, которые в среде китобоев имеют название «матросские часы». Они имели ту особенность, что моряки, составлявшие команды каких-либо шлюпок, стояли покомандно две ночные вахты по четыре часа, а их начальник, называемый «палачом» (это всегда был один из помощников), отсутствовал. Начальству на корабле этот режим даёт непрерывный отдых – «на всю ночь», как говорится, и, конечно, очень радует команду.

Гарпунёры возглавляют команды шлюпок и являются ответственными за судно в течение этих часов.

К этому времени мой викинг, будучи рослым моряком, вытянул весло среднего сечения из шлюпки, в которой я был гребцом. Разумеется, продолжались те самые часы, в которые бодрствовали также три других матроса, включая Марка, гарпунёра.

Один из этих моряков, однако, был инвалидом, и, следовательно, только двое других могли с нами справиться и помешать побегу.

Путешествуя в этих морях, вы можете скользить по водной глади вперёд в течение многих недель, словно по простыне, едва двигая руль, настолько здесь дует умеренный и постоянный ветер. Ночью склянки редко отбиваются вкуче с выполнением каких-либо наблюдений, учитывая, что парус – почти чудо в этих одиноких водах. В ожидании иных судов проходит неделя за неделей, вам сложно сказать, сколько времени вы провели на палубе, – так мало внимания уделяется показанию часов, где в атмосфере предполагаемой безопасности почти каждый моряк безмятежно «клюёт» носом.

Но обязательно – если вы являетесь в эти часы членом команды шлюпки беспечного китобоя – существует человек, который возглавляет моряков, и он обязан поддерживать порядок на квартердеке, пока не заступит новая смена.

Однако сон был свойством всей природы, даже Наполеона, устраивавшего своё ложе прямо на снегу; и так же часто в снежном лунном свете, затенённый эбеновым деревом, дремал Марк, наш гарпунёр. «Пусть у него будет кусочек счастливой ночи, как и грядущее утро, которое предшествовало нашему предприятию», – думал я, следя за этим человеком, который вполне мог бы пресечь мои планы.

Но позвольте мне закрыть эту часть моей истории. В это время, называемое в море «собачьей вахтой» (между четырьмя и восемью вечера), моряки бывают довольно живыми и игристыми. Эта приподнятость в настроении сохраняется и в первом из длинных «ночных часов»; но по их окончании, в «восемь склянок» (полночь), устанавливается тишина; если вы слышите голос, то это не голос херувимов: все восклицания – ругательства.

В восьмые склянки моряки на палубе, где теперь их заботы становятся минимальными, выползают из своих спальных мест в старых обезьяньих жакетах, или из канатных катушек, и бредут к своим гамакам, почти без прерывания своих дрём и мечтаний, в то время как бездельники из кубрика лениво поднимаются по лестнице, чтобы возобновить свою дремоту на свежем воздухе.

По этим же причинам безлунная морская полночь предполагалась только как время побега. Следовательно, мы провели целый день почти без работы; в ожидании ночи, пока не взошла звезда «часов четвёртой шлюпки», к которой мы принадлежали, и вызвала бы на палубе богатые события в восьмые склянки.

Но двадцать четыре часа проскальзывают быстро; «Старболинс на палубе, склянок не слышно», и меня начала беспокоить собственная дремота.

Я вылезу из своего гамака и буду раскуривать мою трубку. Но лампа на баке догорела. Старый морской волк что-то бормочет об акулах во сне. Ярл и наш одинокий часовой-сообщник нашупывают брюки. Слышны только жужжание паруса наверху, стук волн о борт и глубокое дыхание погружённых в сновидения моряков вокруг.

Глава VII

Пауза

Старый добрый «Арктурион»! Словно мать, он так часто укачивал меня в своём дубовом сердце, что я с огорчением говорю о том, как я покинул его посреди океана. Вдали от дома этот языческий лепет пёстрой команды из множества островитян прокатывается эхом через ваш христианский мир и, должно быть, ужесточает облик любой ведьмы.

Старое судно! Где теперь этот одинокий парусный призрак? От крепкого «Арктуриона» никакой весточки никогда не долетало с того самого тёмного часа, когда мы достали из него фатальные вёсла. Сгубили ли его водовороты во время бури под крик чаек, не знает ни один смертный. Погрузилось ли оно тихо, лишённое посторонней помощи, в спокойные глубины того летнего моря, убитое безжалостным лезвием меч-рыбы? Такие вещи случаются. Или была у него лучшая судьба? Был ли он внезапно поражён каким-либо взрывом при стоящих штормовых парусах, имея рулевого на вахте и каждого моряка на своём посту; погрузился ли стремительно он при стоящем на вахтах экипаже вдали от бури?

Но все предположения тщетны. Как очень старый корабль, он, возможно, утонул или напоролся на некий предательский риф; но как далеко он сумел зайти, неизвестно, его судьба – тайна.

Просите, Небеса, дух того потерянного судна, пересекающего границы в мистических туманах полуночных бурь, – как думают старые моряки о пропавших судах – которое никогда, возможно, не окажется снова на волнах. Оно может мирно отдыхать на дне моря, и сладок сон моих товарищей по плаванию на самой большой глубине моря, куда даже блуждающие акулы не заплывают в поисках своей добычи.

Оставляя «Арктурион», Ярл и я подсознательно уклонились от пути в морскую могилу. Мы слышим о чудесных избавлениях. Случилось ли оно? Но жизнь сладка ко всем, смерть же приходит как тяжёлое испытание. И сам я почти всегда испытываю желание повиниться в том, что я избежал судьбы моих товарищей по плаванию, которые как будто пали смертью героев, постыдившихся избежать резни в Фермопилах.

Хотя я не могу подавить дрожь, когда думаю о конце моего старого судна, мне кажется невозможным вообразить, что наше бегство с него, вероятно, способствовало его исчезновению. Однако я надеюсь на Небеса, что «Арктурион» всё же остался плавать: это даёт мне веру, что я всё же прошагаю по знакомой палубе.

Глава VIII

Они бегут. Паруса и вёсла

И как сейчас говорится, соблазнённые дьяволом или добрым ангелом и тысячей миль от земли, мы пустились в путешествие на запад.

Отмечу, что была полночь, когда началась наша вахта, и приближалась моя очередь стоять у руля, которой, конечно же, нужно было избежать. Используя невероятные отговорки, я побудил нашего уединённого вахтенного встать на руле вместо меня, развязав, таким образом, нам руки и в то же самое время устранив его от наблюдений за нами. Это был довольно толстый матрос, большой любитель «варёного пудинга», который, как предполагают, был сыном фермера. Я решил, что он стал бы следовать прежним курсом и заснул бы прямо на рулевом колесе. Что касается главного на вахте – нашего гарпунёра, он упал и заснул на груди старых жакетов, при бизань-мачте, которую унаследовал уютной и тёплой после своего предшественника. Ночь оказалась ещё более тёмной, чем мы ожидали; не было и следа луны; и тёмно-фиолетовый туман, который иногда появляется ночью около линии горизонта, наполовину скрывал от глаз звёзды.

Прождав приблизительно минут двадцать после ухода последнего матроса предыдущей вахты, я придвинулся к Ярлу, и мы сняли с ног нашу обувь. Он сразу спустился на бак, а я прогулялся в кормовую часть к квартердеку. Но всё было ещё впереди. Трижды я провёл всей рукой перед лицом дремлющего у руля увальня, как раз между ним и светом нактоуза, дабы убедиться, что он спит.

Гарпунёра Марка было, впрочем, не так легко проверить. Я боялся приблизиться к нему. Он лежал спокойно, однако спал или нет, сразу и не скажешь. Рисками нужно управлять, когда поджигает время. И наши уши были наостроены, силясь услышать нужные звуки.

Мы пошли без спешки, но стремительно и тихо. Наши хранилища провианта и вещей были вытащены из своих убежищ и размещены в шлюпке, которая свисала с той стороны судна, где вода находилась как можно ближе к её корпусу, что являлось обязательной необходимостью при бегстве. И хотя на закате солнца эта шлюпка находилась на подветренной стороне, всё же, как мы предвидели, судно во время первых часов ночи развернулось этой стороной к попутному направлению ветра. Прилагая усилия привести в движение вручную неуклюжий прерыватель и опустить шлюпку, мы поняли, что из-за поддерживающих шлюпку полотниц этого нельзя сделать без риска их обрыва из-за большой нагрузки на них. Мы вовремя это поняли, хотя и довольно поздно, уже в одиннадцатом часу. Закрепив длинной верёвкой прерыватель, который был отлично натянут, мы осторожно опустили шлюпку за борт, вытравив достаточное количество линия для страховки при её буксировке за кормой судна, и так, чтобы она не ударились о медный борт. Другой конец линия мы тогда прикрепили к корме шлюпки.

К счастью, это было последней вещью, которая была сделана: прерыватель действовал как помеха при движении судна по воде, так как он изменял его вектор, ощутимо разворачивая его под ветер. И этот поворот должен был скоро пробудить увальня, там находящегося, если уже не спящего. Но опускание за борт прерывателя очень помогло нам в этом отношении: оно уменьшило скорость судна, которая вследствие лёгкого бриза никогда не была очень большой во время ночи. Если бы это было не так, то вся надежда на возможность избежать замедления движения судна была бы немного безумной. Смелая идея этой ночи, которую мы реализовали, состояла в нашем отставании, в то время как судно всё ещё рассекало морскую воду, хотя и с большой скоростью.

Всё было теперь готово: подъёмные краны качались, упираясь в течение, шлюпка в нужной точке была приостановлена; затем, придерживая концы верёвки, мы тихо уселись в неё, каждый на своё место. Мёртвый груз от прерывателя на корме теперь тянул трос горизонтально

через воздух так, что нам пришлось заняться его напрягшимися канатами. Шлюпка дрожала, как дельфин. Однако мы не боялись её громкого всплеска при ударе о волну, и мы, возможно, оставили бы судно почти так же тихо, как душа покидает тело. Но мы об этом не думали, и наши планы шли своим чередом.

– Всё готово, Ярл?

– Всё готово.

– Человек за бортом!

Я закричал во весь голос, и, как молния, верёвки скользнули через наши горячие руки, и с огромным рывком шлюпка очутилась на дальнем конце моря. Одно безумное чистое погружение, одно ужасное напряжение тросов, одно впитанное корыто волн, через которое протащил нас буксирный прерыватель, и наши ножи разрезали стропы механизма – мы уже не рисковали отцеплением блока – наши вёсла отсутствовали, и славная шлюпка понеслась в направлении попутного ветра.

– Человек за бортом! – теперь уже кричали от носа до кормы. И своим телом мы услышали спутанный топот и крики моряков, срочно оторванных от своих мечтаний и брошенных в почти непостижимую темноту.

– Человек за бортом! Человек за бортом!

Моё сердце ударило меня, когда ужасный человеческий крик вырвался из чёрной сводчатой ночи.

– Поворачивай руль! – раздалась команда старшего помощника. – Разворачивай судно!

– Быстро к шлюпкам! Как это? Одна уже внизу? Ай да молодец! Погодите, теперь те, другие шлюпки!

Тем временем подтянулось ещё несколько моряков.

– Опускайте! Опускайте всё! Спустите шлюпку! Спустите шлюпку! – нетерпеливо кричали моряки, уже запрыгнувшие в шлюпки.

– Разверните судно и осмотрите воду! – кричал капитан, очевидно только что выпрыгнувший на палубу. – Одной шлюпки достаточно. Стюард, посвети там с мизань-мачты! Эй, на шлюпке! Вы выловили человека?

Никакого ответа. Голос вышел из облака, судно смутно виднелось, словно призрак. Мы воздержались от гребли и, перебирая руками, были теперь заняты втягиванием верёвки, соединённой к прерывателю, который затем мы наскоро втащили в лодку, немедленно возобновив греблю.

– Потяните! Напрягитесь, парни, и спасите его! – снова закричал капитан.

– Да, да, сэр, – отвечал Ярл инстинктивно, – пусть это трудно, но мы сможем, сэр.

И мы затихли, мы замолчали до тех пор, пока уже ничего нельзя было услышать с корабля, не только запутанный шум, но и хриплый крик капитана, слишком далёкий, чтобы быть понятным.

Затем мы поставили наш парус по лёгкому ветру и прямо в темноте, поперёк попутному направлению ветра, гребли и гребли, покуда не рассвело.

Глава IX

Посреди океана

В море, в открытой шлюпке и в тысяче миль от земли! Вскоре после рассвета, в сером прозрачном свете, пятнышко по встречному направлению ветра сломало линию горизонта. Это было судно, шедшее в северо-восточном направлении.

Если бы я не знал о конечном безразличии моряков к таким бедствиям, как то, которое произошло ночью (команда «Арктуриона» и, возможно, шкипер подозревали правду), то взглянул бы на это небольшое пятнышко с большим раскаянием.

Но я чувствовал себя очень весело. Особенно из-за сознания считаться мёртвым рядом с возможной вероятностью того, что это могло случиться в действительности. Каждый из нас двоих ощущал себя своим собственным призраком, незаконно проживающим в не принадлежавшем ему более теле. Даже взгляд Ярла казался настолько странным, что я попросил его смотреть в другую сторону.

Обезопасив теперь себя от всех усилий капитана вернуть тех, кого он наиболее вероятно считал потерянными, и одинаково отказавшись от всяких надежд на возвращение на судно, с которым мы уже почти сроднились, мы стали понимать, что решимость наша к настоящему времени уже нервировала нас и начала уступать в какой-то мере чувству ужасного одиночества на сцене. До этого я сравнивал океан с рабом, с конём, которых я знал и слышал с рождения, которых я вырастил и чьи порочные наклонности, довлеющие над характером, часто оказывались безопасными, даже будучи настроенными против человеческого гения. Но теперь – как же всё поменялось! В нашем жалком судёнышке я охотно построил бы алтарь Нептуну.

Как простую игрушку, которой мы были для него, он швырял нас, усмехаясь, с гребня на гребень, как переправляются из рук в руки потерянные души по цепочке призраков, что указывают путь в Тартар. Тонуть вы хотите или плыть, но кидайтесь за борт с какой-либо целью! Не стоит унывать, Ярл! Ха! Ха! Как весело и как ужасно, но мы плывём! Вверх, вверх, плавно вверх – по длинной, спокойной волне; затем на некоторое время застываем в равновесии на её гребне, словно доска на рельсе, – и погружаемся едва ли не с головой вниз, в кипящую пропасть, а потом снова скользим вверх. И так мы движемся. Теперь же, похороненный в водных пустотах, наш парус праздно полощется; поднятый наверх выпуклым холстом, он созерцает самый далёкий горизонт.

Не ставя теперь своей целью китобойный промысел и лишившись диких движений и ужасов этого ремесла, мы были всего лишь жалкой парой. Но в продолжающемся весь день напряжении шлюпка оставляла мили за кормой, и все тёмные ночи проходили в думках о пришвартованных к кораблю убитых монстрах, буксировавшихся с подветренной стороны: всё это, и более чем, приучает человека к странным мыслям. У смерти, что и говорить, пасть столь же черна, как волчья, и оказаться в её челюстях – событие серьёзное. Но это верно – и я не пересказываю слухи, – морякам, как знатокам, ужасный царь морей кажется наполовину отвратительней, поскольку он бывает виден им не только с берега, а на различных удалениях. Ведь много уродливых смертных становятся менее ужасными после знакомства и после встречаются нами более дружелюбно, прямо по старой пословице, говорящей об уменьшении презрения при развитии дружеских отношений. Так же и с солдатами. Из дрожащего новобранца три года важных сражений делают мрачного гренадёра, и тот, кто пугался раньше жерла орудия, теперь готов почистить его своими усами, словно губкой.

И действительно, так как смерть – последний враг всего живого, отважные души будут насмехаться над ней, как только смогут. Всё же мудрее будет считать её несгибаемым другом, который просто против наших собственных желаний торжественно освобождает нас от жизни.

И между видами смерти существует слишком маленькое различие. Умереть, это всё. И со смертью галантно не сталкивались только те, кто никогда не созерцал кровь, которая была красной, а видел только лёгкую лазурь, текущую по венам. И сохранил свою честь и доблесть, а не только сухожилия и кости, прошагав дорогами войны. Хотя в тюрьме карлик Джеффри Гудзон умирал храбрее, чем гигант Голиаф, и его последний миг, словно бабочка, был виден нам всем. Некоторые женщины жили более благородными жизнями и умерли более благородными смертями, чем мужчины. Под угрозой казни преподобный Кранмер отрекался от своей веры, но сильная духом несчастная вдова Эдесса прошла через поток преследований Вэленса. Это вовсе не такая большая доблесть – погибнуть с мечом в руке и бравадой на губах, одетым в боевые доспехи. Ведь даже аллигатор умирает в её пасти, и меч-рыба никогда не живёт вечно. Успокоиться, закрыть глаза и в своей кровати превзойти смерть Эпаминонда.

Глава X

Мы устраиваем себе навесы и ложи и пытаемся создать уют

Наше небольшое хозяйство вскоре пришло в образцовое состояние. Из запасного оснащения, взятого с собой, мы сделали подпорки к мачте и переоборудовали шлюпку, укрепив крюк для кливера. Идя попутным ветром, мы установили двусторонний парус с гротом. Последний, в соответствии с общепринятой установкой китобойных судов, работал по принципу «ветер в лист». Он мог быть свёрнут или установлен почти мгновенно. Сумки с хлебом мы убрали в закрытый угол на корме, как бесполезную уже теперь принадлежность и поэтому спрятанную подальше. Ночью Ярл использовал их в качестве подушки, поговаривая, что когда шлюпка качается, то «подушка» легко поигрывает его головой. Драгоценный прерыватель мы установили посередине судна и закрепили, таким образом усовершенствовав такелаж нашей парусной яхты.

Ранее, до бегства с судна, мы хорошо продумали всё для того, чтобы наше предприятие обладало всем оборудованием, которым, согласно правилам рыболовства, китобойное судно обеспечено постоянно: ночью и днём, на плаву или на стоянке. Вдоль наших планширов внутри шлюпки были подвешены шесть гарпунов, три копыя и лопата для жира; все очень остро заточены, как бритва, и вложены в кожаные ножны. Помимо них, у нас оказалось три брошенных вещи, несколько двухгаллонных водных бочонков для воды, несколько ковшей, судовой топор для разрубания китовой туши, два вспомогательных ножа для различных целей и несколько незначительных приспособлений, также используемых в охоте на левиафана. Канат и катушка к нему, однако, остались на борту судна.

И здесь стоит упомянуть, что для предотвращения движения шлюпки за загарпуненным китом и дабы остановить его самого, на судне имеется толстый буксирный канат более чем в двести морских саженей в длину и более дюйма в диаметре, который, когда не используется, хранится на борту судна намотанным, как бесконечная змея на катушку. Но эта катушка всегда находится в готовности к погрузке в шлюпку. Теперь, не нуждаясь в необходимости такого каната для нашего предприятия, мы преднамеренно оставили его на корабле. Отмечу также, что, безусловно, самая важная часть из приспособлений китобойного судна была аккуратно установлена в нужном месте. Это был водонепроницаемый бочонок, запечатанный с обеих сторон, содержащий в себе маленький компас, трутницу и кремь, свечи и один или два сухаря. Этот бочонок был необходим в тех случаях, которые так часто происходят при преследовании кашалота, – при длительном отсутствии судна, потере его из виду или когда его вообще больше не удаётся увидеть, бывает, даже по несколько лет после того, как моряки уже добрались домой. В этом самом нашем бочонке, казалось, были скреплены обручами жизнь и смерть; по крайней мере, так полагал честный Ярл. Только вот разобрались мы в этом подарке от «Арктуриона» уже тогда, когда вовсю гребли в темноте прочь от самого корабля.

И когда день, наконец, настал, мы выбили крышку бочонка небольшим молотком и долотом, всегда прилагаемым к нему с этой целью, и извлекли компас, который блестел, как человеческий глаз. Тогда, заполнив вакансию в желудке найденным сухарём, мы снова скрепили бочонок, подбив вниз обручи так, чтобы они совсем перестали сдвигаться с места. Сначала мы задумались, как установить наш компас. Но, наконец, Небожитель ножом проделал круглое отверстие в задней банке, или скамейке, и вставил в него небольшой медный стаканчик, содержащий стальную иглу. На корме лодки из некоего старого холста, которым мой Викинг предусмотрительно запасся, мы устроили примитивный тент, или, скорее, покрывало. Это, однако, давало небольшую защиту или вообще никакой защиты от яркого света солнца, поскольку

управление гротом исключало любое значительное возвышение этого убежища. И когда бриз был свежим, мы должны были противостоять ему вместе; ветер, дувший с кормы и проходящий под холстом, почти поднимал нос лодки в воздух, досажая покрывалу, как будто оно было юбкой, вывернутой наизнанку. Но когда море лишь слегка качалось и солнце становилось горячим, как пламя, то становилось самым приятным занятием бездельничать в этом теневом убежище. Это походило на то, как будто тебя снимают с жаровни и оставляют остывать в шкафу. И Ярл, как самый крепкий из нас двоих, вследствие щедрой доброты к своему товарищу в течение дня добровольно оставался у руля, почти два своих часа к моему одному. Никаких благовоспитанных сомнений не возникало у него, старого Викинга, о порче цвета его лица, которое стало уже более чем бронзовым. Обычная обветренная его кожа моряка стала напоминать цветом лица с японских лаковых шкатулок, вдобавок усеявшись по всей поверхности веснушками, такими ярко-жёлтыми и столь симметрично расположенными, что они казались каплями расплавленного стекла.

В трагикомичных рассуждениях, которые время от времени настигали меня, я привык рассматривать коричневый загар Небожителя с юмористическим самодовольством. Если мы столкнёмся с каннибалами, думал я, тогда Скандинав для них окажется уже вполне прожаренным, и я вряд ли буду переживать, оплакивая его; по крайней мере, тогда во рту моём от аппетита появится слюна. Но предчувствия подобной судьбы у нас совсем не возникало.

Глава XI

Несокрушимый Ярл

Если когда-либо я снова окажусь на китобойном судне и отойду на нём от причала в море, то приму во внимание, что товарищ мой был человеком весьма бодрым, но с незамысловатым мышлением. И коли он бывал и будет иногда таким глупым, то сама его глупость, пока он будет жить, и будет его собственным оправданием.

Вы случайно не из тех, кому нравится не живой мужлан, который вызывает у вас хихиканье, а игривые чурбаны, рты которых всегда в усмешке? Не из тех, кто уполномочен для разрешения Провидения? Заполняющих вакуум, создающих социальную стабильность, уменьшающих скуку существования? Сохраняющих тут и там, в разных местах и среди различных людей, хорошее мнение о себе? Что, если время от времени их речь безвкусна, как вода после вина? Что, если у неприветливых и раздражительных душ такой «лопух» вызывает раздражение, когда они его видят, и для него их отношение должно стать стимулом к самоубийству? Но давайте будем снисходительны к ним: позвольте им жить для той пользы, которую они могут принести.

Но Ярл, дорогой бессловесный Ярл, ты воистину не один из них. Ты действительно носил физиономию бывшего дьякона. И независимо от того, что произошло, это лицо оставалось неизменным. Спокойно и непосредственно ты воистину вращался на своей собственной трезвой оси, как колесо в машине, которое всегда идёт по кругу, видно это или нет. Да, Ярл! Ты не всегда намерен возражать против того, чем так многие пренебрегают – своего собственного дела? Ты не всегда пребываешь в желании когда-нибудь завершить свои капризные дела и подвести какие-либо счёты?

Но время от времени меня утомляла эта постоянная мечтательность в моём уединённом компаньоне. Я жаждал какого-то оживления; взрыва из слов, человеческого оживления одного или другого вида. Ради напрасных попыток получить что-либо из этих видов эмоций из Ярла я перепробовал все способы: играть на моём теле, как на музыкальном инструменте, петь, кричать и впустую жестиковать, пока мой Викинг не посмотрел на меня тяжёлым взглядом. И я тогда притих, чтобы он решил, сошёл я с ума или нет.

Но как насчёт мировоззренческих основ Небожителя? Конечно, они были основаны не на Тацитовой философии, он не был идеалистом, архитектором воздушных замков, конструктором аркбутанов. Это было невообразимо, но его мечтательность оказалась подобна манфредовской, и даже более высокой, напоминавшей о неназываемых делах, слишком таинственных для того, чтобы быть обозначенными самыми отдалёнными намёками. Все остальные гипотезы отвергаются.

Его размышления были загадкой. Я спросил его с тревогой, возникали ли у него когда-либо в какой-либо части мира, Саванне, Сурате или Архангельске, думы о жене или о детях, об их существовании и расселении. Нигде и ни разу. Поскольку, по его собственному признанию, у него не было ничего, о чём нужно было много думать, он обладал честностью (которой, между прочим, он был наполнен до краёв), что могло навести меня на такую вот оригинальную теорию, а именно: решив отдохнуть, его интеллект вышел и предоставил его тело самому себе.

Глава XII

И ещё кое-что о пребывании в открытой шлюпке

Третьим утром, на рассвете, я сидел на рулевом весле, час или два назад освободившемся от рук Ярла, теперь крепко спящего. В этот момент совершенно внезапно я почувствовал опасность, причём столь остро, что её смысл прошёл через меня, усугубив ощущение комплекса одиночества.

На палубе судна, при простом чувстве возвышения над водой и при достигаемости перспективы, вы рулите, передавая степень уверенности, которой вы располагаете, наслаждаясь собственной безопасностью. Но в открытой шлюпке, находящейся практически вровень с морской водой, вас полностью поглощает ощущение пустыни. Если волны в своих играх не бросают вас и вашу лодку на свои барстванные гребни, ваш обзор не намного шире, чем он мог бы быть у их основания. Лучший вариант – это когда вы можете обладать наиболее расширенным представлением о любом направлении, пожалуй, находясь на верхней точке волны при медленно катящемся море, когда вы спускаетесь в тёмные, туманные места между длинными и одинаковыми выпуклостями. В тот момент это походит на взгляд вверх и вниз на бесконечной сумеречной поляне, где два просвета, по одному с каждой стороны, как будто противостоят друг другу полупрозрачными вершинами жидких гор.

Но, ненадолго задерживаясь в этих тихих долинах, с одного водного утёса на другой морской серной прыгало наше уединённое судно, словно коза среди Альп!

Горизонт, словно широкая змея с десятью тысячами колец, намотанных вокруг всего земного шара, колыхался так, что казалось, будто моя рука может потрогать его везде.

Какое это было великолепное одиночество, когда солнце поднималось и освещало небеса, как благословляет странник в Сахаре появление внезапного наездника. Спасители наши, солнце и луна, казалось, покинули нас во вселенной. Мы тосковали по солнечному весёлому диску, как в чужих странах путешественник радостно приветствует лицо из родного дома, которое ранее там оставалось незамеченным. И разве солнце не было нашим товарищем-путешественником? Разве не двигались мы вместе на запад? Но до чего же скоро оно ежедневно настигало и перегоняло нас, спеша к концу своей дневной поездки!

Когда прошла неделя в постоянном плавании, день за днём и ночь за ночью, без появления чего-либо в поле зрения, кроме одного и того же самого моря, то разве удивительно, что беспокойные мысли, наконец, вошли в наши сердца? Если ориентировочно мы должны уже были пройти место, где, согласно нашему предположению, лежат наши острова, то в каком же тогда безбрежном море мы оказались? Время от времени эти безумные предчувствия говорили, что так оно и есть. Всё стало неопределённым и запутанным, да так, что к западу от островов Королевской мили и цепи Радак, казалось, уже не могло быть ничего, кроме бесконечного моря.

Глава XIII

Хрящепёрые и иные чудища Южных морей

Во время нашего одинокого путешествия появлялись разнообразные достопримечательности, особенно связанные с периодом влияния созвездия Рыб.

Это, по сути, собирание гербария, как говорят в безграничных прериях Арканзаса, я рекомендую проводить студенту-ихтиологу в открытой шлюпке, находящейся далеко в тёмных просторах Тихого океана. Поскольку ваше судно скользит вперёд, странные чудовища плавают рядом. В другом месте их никогда не видно. И уж совсем их нельзя отыскать в книгах натуралистов.

Хотя Америка давно открыта, данная акватория мало изучена. И кто бы ни пересёк Тихий океан, он, возможно, смог бы прочитать уроки Буффону. Морской змей не басня; и в море этот змей занимает всего лишь место, аналогичное месту садового червя на суше. Там есть больше чудес, чем чудес невероятных, и больше достопримечательностей, не показанных мне или вам и которые вы или я никогда не мечтали увидеть. Кроты и одни только летучие мыши должны быть скептиками; и есть единственная истинная ложь для живого человека – это признать себя мёртвым. Будьте сэром Томасом Брауном, тем нашим философом, кто разнёс в прах книжку «Вульгарные ошибки», сердцем прочувствовав все тайны в Пятикнижии.

Но посмотрите на глубину в несколько морских саженей! Где и когда вы видели призрак, подобный вот такому? Огромный полумесяц с рогами северного оленя и треугольный рот. Он медленно погружается и более не заметен.

Доктор Фауст видел дьявола, но вы видели рыбу-дьявола. Глядите ещё! Вот проплывает другой монстр. Ярл называет его костяной акулой. Толстый, как большой кит, он покрыт пятнами, как леопард; и подобные клыкам зубы налезает на его челюсти, как это бывает у моржа. Моряков ничего не страшит более, чем близость такого существа, как это. Большие суда боятся пересечь его путь. И хорошо, если обойдут; ведь, начиная со славного судна «Эссекс», многие другие корабли были потоплены морскими монстрами так, как аллигатор пробивает насквозь своей зубастой мордой карибское каное.

Словно подарком стало для нас предчувствие некоего внезапного бедствия от удивительных зоологических экземпляров, мимо которых мы почти ежечасно проходили.

Мы видели их, акул, не единицами, не десятками, не сотнями, но тысячами и несметными числами. Верьте мне, в море больше акул, чем смертных людей на земле.

И разновидностей этих плодовых рыб там так же много, как много пород у собак. Но немецкими натуралистами Мюллером и Генле, которые, «крестя» акул, наградили их большинством языческих имён, они классифицируются одним семейством; каковая семья, согласно Мюллеру, являясь оружейным королём, есть беспорная ветвь древнего и известного племени хрящепёрых.

Начнём. Есть обычная акула Брауна, или морской поверенный, так названный моряками. Схватывающие добычу, жадно глотающие, часто злобно огрызающиеся, несмотря на тяжёлые удары, полученные от движения наших вёсел. Время от времени эти дворяне плавают стаями, особенно в ожидании останков разделанного кита. Они – стервятники глубин.

Затем мы часто сталкивались с аристократической голубой акулой, длинным, тонким, как свеча, выглядящим сильным молодым человеком с благородным обликом, с тонкой талией, как у денди с Бонд-стрит, и рядами невообразимо белых зубов. Этот деликатес редко оживлялся, обычно неизменно подёргивая небрежным плавником и ленивым хвостом.

Но выглядел он чертовски бессердечным.

Но его хладнокровный джентльменский дух контрастировал с грубым, диким чванством тигровой акулы; круглым, толстым гурманом с надутым ртом и разрушенной совестью, плыву-

щим в поиске того, кого он мог бы сожрать. Эти обжоры – мусорщики флотов, судов, следующих по Южным морям, подхватывающие ненужные отходы, а иногда и лакомый кусочек – оказавшегося за бортом моряка. Неудивительно тогда то, что моряки ненавидят их. Ярл однажды даже уверял меня, что в любой временной неудаче у него было одно из его самых сладких утешений, которое запомнилось в своё время: он убил целые косяки тигровых акул, а сам при этом не пострадал.

Всё же это неправильно. Ненавидьте серафима так же, как и акулу. Оба были созданы одной и той же рукой. И о том, что акулы привлекательны, свидетельствуют их внутренние привязанности. Никакая ярость не бывает столь свирепой, чтобы не иметь некоторых любезных сторон. В дикой природе мать леопарда ласкает своего детёныша, как Агарь, родившая Измаила, а королева Франции – дофина. Мы не понимаем, что мы делаем, когда мы ненавидим. И я вспоминаю слова моего благородного друга Стенхоупа, вот они: тот, кто объявил, что возлюбил врага своего, не был уважаемым представителем готтентотов, а человеком другой расы. Не очень благородная фраза, хоть и вышедшая из уст благородного человека. Но когда рывшийся в словарях говорит, что это высказывание говорит о нём самом, в нём, конечно же, немного от христианина. Однако это тяжело для такого устоявшегося типа, как он; быть наполненным молоком и евангельским смирением. Всё же, отдавая дань уважения, я отрицаю, что мой старый дядя Джонсон действительно верил в чувство, приписанное ему. Любить врага, воистину! Кто улыбается по злобе? Тогда ненависть – неблагодарная вещь. Итак, давайте ненавидеть только ненависть, и, однажды дав любви поиграть, мы влюбимся в единорога. Ах! Самый лёгкий путь лучше всего, и к ненависти человек должен приходиться тяжёлым путём. Любовь – сладость, а ненависть – мучение. И ненавистники винтов с головками, шотландских ботинок и испанского языка исследуют самих себя. Есть фраза из пяти слов – сиамский близнец Христовой заповеди: тот, кто ненавидит, является дураком.

В течение нескольких дней наша шлюпка сопровождалась двумя вышеупомянутыми тигровыми акулами. Будто на привязи, эти таинственные неразлучники медленно двигались вслед за нами, бок о бок, как несколько разбойников, ожидающих, пока вы не подъедете к перекрёстку. Но, завершая, наконец, своё преследование, как бесполезное занятие, они удалялись всё дальше и дальше от кормы, пока не исчезли с глаз долой. К большому огорчению Небожителя, который давно держал на корме копьё, подготовленное для метания. Но лучше из всех акул оградите меня от ужасной белой акулы. И хотя мы не должны ненавидеть никого, всё же некоторая неприязнь спонтанна; но эта неприязнь не ненависть. Никогда ещё я не смог заставить себя полюбить или даже пообщаться с белой акулой. Она не то существо, с которым можно завязывать романтические знакомства.

С этой рыбой-призраком сталкиваются нечасто, и показывается она чаще ночью, чем днём. Подобно Тимону, она всегда плавает одна, скользя вперёд только под поверхностью, показывая длинное, неопределённой формы, тело молочного оттенка, с бездонной ямообразной пастью, обрамлённой проблесками белых зубов. У неё нет никакой потребности в дантисте. Видимая ночью, крадущаяся вперёд, как привидение в воде, с ужасающим спокойствием, белая акула доставила нам обоим множество острых ощущений в этом плавании.

Днём, во время штиля, мы часто поражались тяжёлому вздоху серого дельфина, лениво поднимающегося к поверхности, который неправдоподобно долго дышал после ныряния.

И снова и снова видели мы стремительного альбакора, рыбу с броневыми пластинами и золотыми полосами; множество этих летучих рыб попадало к великому морскому охотнику Нимроду после молитвы. Летя от своих преследователей, многие из них залетели в нашу лодку. Но неизменно все они помирали от шока. Не было возможности оживить их. У одной из них я удалил крыло, разложив его сохнуть на весу. Через два дня тонкая мембрана, уже выглядевшая как лист, стала прозрачной, как желатин, и слегка окрасилась блестящими оттенками, как у переливающегося шёлка.

Почти каждый день мы наблюдали чёрных рыб, чёрных как смоль и глянцевого. Они, казалось, плавали, вращаясь со всех сторон в воде, как колесо; их спинные плавники время от времени словно казались колёсными спицами.

Из похожей разновидности, но меньшего размера, с остроконечным носом, были алжирцы, так названные, вероятно, из-за их схожести с корсарами; они подстерегали мирную рыбу в экстерриториальных водах и поглощали её душу и тело своими большими пастями. Зверье, как турки! Нужно призвать к Крестовому походу против них!

Помимо всех них, мы столкнулись с Убийцами и Молотами – безусловно, самыми энергичными и «мужественными» из всех имеющих плавники существ. Если кто-либо из их компании думает о нападении на левиафана в одиночку, тот не умнее морской свинки. Они травят монстра, как тореадор преследует быка. Убийцы хватают синего кита за его огромную тёмную нижнюю губу, а молоты впиваются в спину, избивая кита жилистыми хвостами. Часто они бросают преследование, взволновав потенциальную добычу до смерти. Хотя, по правде сказать, если левиафан отбивается, стряхивая их со своего ужасного хвоста, они буквально отлетают в воздух, как будто сброшенные с телячьего рога.

Этому нападению мы были свидетелями. Имел бы счастье видеть его и запечатлеть старый Вауверман, который когда-то нарисовал приманку для быка, воспользовавшись редкой возможностью для своего карандаша. И Гудин или Исби, возможно, использовали бы бурлящее море в своих картинах. Наконец, один из закатов Клода, увиденный им здесь, несомненно, снискал бы себе славу. О, поверьте мне, что божьи существа, сражающиеся плавник к плавнику в тысяче миль от земли, на арене, обрамлённой по кругу горизонтом, – это не позорная натура для написания шедевра.

Таковы некоторые из достопримечательностей большого Южного моря. Но есть одно сообщение для всех. Тихий океан так же густонаселён, как и Китай.

Глава XIV

Предчувствия Ярла

Однажды произошёл один случай. Мой славный Викинг открыл рот и заговорил. Чудо произошло в тот момент, когда он держал складной нож в руке, склонившись к средней части весла, где, как на ткацком станке, он вёл наш календарь плавания, насекая зарубки при каждом закате солнца. В течение приблизительно сорока восьми часов дующий мимо нас ветер был лёгким и переменным. Это породило подозрения, что его поток двигал нас к северу.

Теперь, отмечая происходящее, Ярл высказал мысль, что чем сильнее ветер, тем лучше; и если долгий штиль продлится, что, видимо, ожидается, то мы должны будем взяться за вёсла.

Взяться за наши вёсла! Как будто мы пересекали реку на пароме, а никакой не океан. Идея косвенно обозначила все возможные ужасы. Чтобы быть избавленным от них немедленно, я продолжил урезать наш дневной паёк. Для воплощения этого плана нет ничего лучше, чем затянуть наши пояса; хотя, часто повторяемый, этот план очень способен породить расстройство желудка, а это расстройство – совсем тоска.

Но что осталось из нашего запаса провизии? Вполне достаточно, чтобы удовлетворить свой аппетит, и мы не чувствовали ни малейшего беспокойства по этому поводу; наши запасы оказались более богатыми, чем мы ожидали. Но, любопытно сказать, мы нуждались в одном компоненте для нашей еды. Им являлась вода, яркая вода, прохладная, сверкающая вода, единственная, которой мы жаждали. И наши запасы её также сначала казались вполне достаточными. Но поскольку наше путешествие удлинилось, и бризы дули слабые, и успокаивались они быстро, идея быть лишёнными драгоценной жидкости превратилась в некую непродолжительную мономанию, особенно для Ярла.

Каждый час или два с молотком и долотом, вынутыми из коробки, он что-то чинил в бесценном бочонке, опуская вниз обручи до такого натяжения, что я думал, будто он разорвёт их совсем.

Затем он положил бочонок на днище в середине шлюпки, где всегда собирается морская вода. И как-то раз вскоре, погрузив в неё свой палец, мой Викинг обеспокоился тем, что эта морская вода оказалась на вкус менее солоноватой, чем та, что была рядом. Конечно, бочонок должен был протекать. Тогда он перевернул его влажной стороной вверх, и эта сторона быстро высохла. Тотчас же, вооружившись ножом, он мягко исследовал составные дощечки, покачивая головой, смотрел на верх, смотрел на низ, пробовал на вкус воду в основании шлюпки, потом морскую, затем поднимал один конец бочонка, потом другой, с каждым испытанием доводя утечку до прекращения, о котором он и мечтал. Но Ярл был бы полностью удовлетворён, если б бочонок отвечал ещё и акустическим требованиям. Но в действительности этого было так же трудно добиться, как выделывать кожу для барабанов, которые бьются в Сьерра-Гордо. О! Ярл, Ярл: мне, держащемуся в тихой корме лодки и философствующему в эти моменты, твои старания стали наукой. Ты и твой бочонок были исследованы.

Помимо основного, у нас имелись два наполненных водой шлюпочных бочонка, о которых я ранее упоминал. Они использовались нами в начале путешествия. Мы хватали ртами бьющие из них свинцовые струи, очень много глотков три раза в день ввиду отсутствия каких-либо других средств измерения потребления. Но когда мы начали опустошать большой бочонок, у которого было только одно отверстие, хотя и очень большое, то, поверьте, делали очень много глотков за раз, ревниво посчитанных наблюдателем.

Этот план, однако, был хорош только в течение единственного дня; получаемая вода не достигала языка. Поэтому мы ежедневно переливали воду из большого бочонка в один из маленьких и пили уже оттуда. Но чтобы устранить поглощение, связанное с фильтрованием, мы, наконец, придумали кое-что получше – ботинок моего товарища, который, лишённый

своей пяточной части и старательно ополоснутый в море, был превращён в удобный подвижный ковш. Его мы держали установленным в отверстии в крышке бочонка, дабы никто и никогда не смог бы дважды отпить воду.

Оловянная посуда передаёт аромат пиву, запах пеньковой трубки примешивается к табаку из Смирны, и изумлённый взгляд через зелёные очки считают обязательным для принятия заклада. Что тогда можно сказать о кожаном кубке для воды? Попробуйте это, вы, моряки, что нас слышат.

Однажды утром, черпая воду, Ярл выловил в своём ковше мёртвое насекомое; что-то вроде долгоножки, только больше и тучнее. Откуда оно взялось? Захлестнуло волной? Верьте этому или нет, но была произведена тщательная чистка из-за его цепких длинных ножек. Ковш был опустошён до самой последней капли, и даже тогда, раздумывая, честный Ярл не торопился выкидывать его за борт.

Для нашей кладовой мы не могли не запасти солёную говядину; она была сыра, как свежий абиссинский стейк, и солона, как в Кракове. Кроме того, нам не хотелось сравнивать себя с людоедами Фиджи. Мясо было далеко от того, чтобы быть «нежным, как у мертвеца». Мы могли, не задаваясь вопросом, есть только булочки: ведь, даже будучи на борту судна, моряки в тропиках всего лишь экономят на едоках.

И здесь позвольте не опускать предложения, которые сослужат самую ценную службу любому, кто в будущем потерпит кораблекрушение, или вообще мореходу в разных обстоятельствах. Не ешьте свою булочку сухой, но опустите её в море, которое сделает её больше и съедобней. Во время еды мы с Ярлом замачивали их и глотали: каждый на своей стороне шлюпки опускал свою булочку в морскую воду. Это действие позволяло мыть пальцы в конце нашей трапезы. В целом это не настолько плохо, в конце концов. Китайцы не дураки. В операции по созданию своего туалета до чего же удобно плавать в своём корыте!

Глава XV

Один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти

Как принадлежащий к самому тихому и серьёзному виду людей, мой славный Викинг был образцом мастерового человека. Я знал, что в шлюпке после охоты на китов он оставил свёрнутый рулон материи, чтобы потом сшить из него шляпу. И, располагаясь в шлюпке неподвижно в течение получаса или часа в ожидании команд, его пальцы следовали своей задаче, как у старой леди за вязанием. Как у опытной старой жены, его навыки и чувствительность стали настолько отточенными, что его взгляд оставлял пальцы в покое, делая ненужным оптическое наблюдение. И в этом нашем путешествии, если он не имел основных занятий, то всегда занимал работой свои пальцы: распутывал старый чулок с мыса Горн для получения пряжи, с помощью которой затем чинил наши шерстяные платья, используя большие куски материи старого разодранного жакета, пришивал заплаты, короче говоря, облицовывал наши рваные предметы одежды, отдавая предпочтение старому тонкому сукну.

С истинной предусмотрительностью просмолённого моряка он взял с собой почти всё содержимое своего сундучка. Его драгоценная «швейная сумочка», содержащая принадлежности для шитья, была тщательно убрана глубоко в одну из его связок, которых у него было столько, сколько у старой девы в путешествиях. По правде говоря, старый моряк во многом похож на старую деву, хотя, уж если судить строго, далёк от подобного сравнения. Лучше будьте старой девой, замужней женщиной с собственным мнением для мужа, чем женой дурака; и Соломон более чем часто намекал, что все мужчины – дураки, говоря, что каждый мудрец знает, что он самый мудрый. Для занятий шитьём Ярл предпочитал небольшую треугольную платформу на носу шлюпки, которая, будучи самой сухой и наиболее приподнятой частью судна, была лучше всего приспособлена к этой цели. Здесь в течение многих и многих часов подряд честный старый портной беспечно сидел, чиня и зашивая, посреди широкого океана; и постоянно всё это время его гнутая шляпа из Гуаякиля продолжала подпрыгивать на фоне горизонта.

Это было его самым главным призванием. Он тихо кивал, как металлическая статуя в опере про Дона Жуана. Действительно, он никогда не болтал, если не придавать значения произнесению мудрых слов о правилах содержания платяного шкафа. Но в процессе шитья мой Викинг время от времени пророчествовал. И многие часы мы скользили вперёд: я крепко сжимал руль, в то время как Ярл со скрещёнными ногами в другом конце лодки накладывал заплату за заплатой и отдавал время от времени указание за указанием, где-то делая несколько петель, а где-то – множество стежков.

Глава XVI

Измученные штилем

На восьмой день установился штиль.

Он пришёл ночью, когда, пробудившись на рассвете и уложив руки на планшир, я посмотрел на сцену, которую было бы очень трудно описать. Солнце ещё не взошло; возможно, оно пока ещё уходило с равнин Парагвая. Но рассвет был слишком ярок для звёзд, которые одна за другой погасли, как гаснут лампы после бала.

Сейчас, пока поверхность воды оставалась ровной, как зеркало, она приняла облик того, что в ней отражается: штиль в тропиках, бесцветное небо сверху, отражённое поверхностью океана, едва подающего признаки существования. Тёмно-синего цвета не стало; и гладкая поверхность находилась без движения; она была почти спокойна, как воздух.

Но тем же утром два серых небесных свода неба и воды, казалось, преобразовались в неопределённые эллипсы. И, соответственно, «Серна», казалось, дрейфовала в атмосфере, как в море. Всё окружающее застыло: небо, воздух, вода – всё-всё. Ни одной рыбы не было видно. Тишина была тишиной вакуума. Никакой жизни не скрывалось в воздухе. И это инертное смещение и размещение всех вещей казалось концепцией серого хаоса.

Это спокойствие продлилось четыре дня и четыре ночи, во время которых несколько кошачьих лап ветра изменили сцену. Они были слабы, как дыхание умирающего.

Время от времени жара была невозможной. Полуденные небеса в полдень пылали, как зажжённая угольная шахта. Наша кожа свернулась, как лента; наше зрение стало мутным, голова кружилась.

К нашему испугу, вода в бочонке стала слегка тёплой, солоноватой и немного гниющей; несмотря на это, мы держали наш запас одежды сложенным на бочонке, чтобы оградить его от солнца. Наконец, Ярл расширил вентиль, тщательно осмотрев содержимое. Этой предосторожности, несомненно, мы были обязаны более, чем тогда полагали. Теперь мы сочли мудрым сведение потребления воды к самой маленькой дозе, необходимой для сохранения жизни, подавляя всё возрастающую жажду.

Но и это было ещё не всё. Верхний настил лодки начал деформироваться, тут и там взламываясь и раскалываясь. Но хотя мы поливали его морской водой, один из концов доски отскочил с этого места; и острый, внезапный звук, ломая палящую тишину, заставил нас обоих вскочить на ноги. Немедля морская вода влилась через отверстие, но мы, в отсутствие гвоздей, сумели прикрепить непослушную доску шнуром; мы тогда спасли шлюпку, почти наполовину заполненную водой.

Во второй день штиля мы опустили мачту, чтобы предотвратить наше обнаружение от случайного осмотра обширной океанской глади теми, кто хотел бы нас перехватить. За лиги и лиги вдали от нас после своей жестокой ярости некая буря, должно быть, послала нам свои последние умирающие волны. Как галька, упавшая в спокойный пруд, заставляет его выплёскиваться, так и морская буря гонит волны во все стороны, как будто астероид упал в морскую воду, создавая кольцевидные горные лавины, бесконечно расширяющиеся, вроде ряби.

Большие волны в сентябре разрушили порт Неверсинк-Хайленд быстрее, чем двигалась самая быстрая почтовая лодка, несущая новости. И часто эти волны знают последнюю тайну многих крепких судов, о которых никто и никогда и ничего больше не слышал со дня их отплытия из порта. Каждая волна в моих глазах кажется душой одного из них.

Так как мы не управляли судном в штиль, Ярл и я защищали самих себя, как могли, под тентом. И в течение первых двух дней, друг за другом, каждые три или четыре часа мы прыгали за борт, как в ванну, цепляясь за планшир, внимательно наблюдая для самосохра-

нения за праздношатающимися акулами. На фут или два ниже поверхности вода ощущалась прохладной и освежающей.

На третий день изменения произошли и с нами. Мы оставили купание, сочтя его опасность слишком высокой. Угрюмо улеглись спиной к спине, не допуская малейшей возможности соприкосновения наших тел. Что испортило моё собственное самообладание, я не знаю, но я очень не хотел смотреть на Ярла. Когда я сделал это, то увидел вспышку, но не взгляд.

Я стал более молчаливым, чем он. Я не могу сказать, каким оно было, то чувство, проникшее в меня, но мне было жаль, что я был не один. Я чувствовал, что, пока длится штиль, мы остаёмся без помощи, что ни один не мог помочь другому и, прежде всего, что для одного воды оставалось бы больше, чем для двоих. Я не чувствовал раскаяния, ни малейшего, от этих мыслей. Это был инстинкт. Как отчаянный человек, превращающийся в призрак, я желал задохнуться один.

Добрый Боже предоставил мне участь быть выброшенным на дорогу вместе с братом!

Эти четыре дня прошли. И утром пятого, благодаря Небесам, подул бриз. Он прибыл, словно жеманно танцуя, вызвав лишь лёгкое колебание моря, которое пока не ударило в наши паруса, ранее установленные в самый первый момент нашего движения. Наконец немного посвежело, и наша бедная «Серна», казалось, воскресла из мёртвых.

Превосходное выражение! Опять мы услышали низкое журчание моря под нашим килем, поскольку наша шлюпка, как птица, полетела, напевая на лету.

Как изменилась сцена! Наверху сладкий синий туман дистиллирует собой солнечный свет. И, простираясь по всему горизонту, туман окрасился солнечными блёстками; голубая, шелестящая одежда океана кое-где белела гребнями волн; всё остальное было бесконечно синим. И интонация музыкальных звуков! Волны, преследующие друг друга, развлекаясь, вскипали в игривой пене, дрожащая рыба двоилась под пеной, и не хватало только шума крыльев морских птиц, летящих мимо.

О, Океан, когда ты стараешься улыбнуться, то становишься милей цветочного луга или равнины!

Глава XVII

В приподнятом настроении они движутся к Неизвестной земле

Уже было четырнадцать меток на деревянном весле Небожителя – так много дней прошло с тех пор, как мы отплыли от передних снастей «Арктуриона». Но пока ещё ни одна плавающая ветвь, ни одна крачка, ни нырятьщик, ни птица с рифа не указали на нашу близость к земле. Что за потоки смогли нас унести за этот долгий штиль?

Где мы находились точно, мы не знали, но, согласно нашему расчёту, по приблизительной оценке сделанных узлов, проводимой ежечасно, мы, должно быть, проплыли в западном направлении немного больше, чем сто пятьдесят лиг, в основном сталкиваясь со слабыми ветрами, часто прерывающимися длительным штилем вроде описанного. Но, несмотря на прошедшие штили и движения, земля всё ещё должна была находиться к западу. Солнце, компас, крепкие сердца и устойчивые бризы указали нам направление. Это храбрость! Мой Викинг, никогда не говори: тону!

В это же время наши сердца возрадовались, обнаружив, что вкус нашей воды улучшился. Это сказало действие брожения, или ферментации, часто происходящее с водой превращение после того, как её запас оказывается на судне. Иногда в течение некоего периода происходит такое явление, когда вода приобретает вкус и начинает пахнуть снова, однако же становясь сравнительно прозрачной.

Но поскольку качество нашей воды улучшилось, мы становились всё более скупыми по отношению к нашему бесценному сокровищу.

И здесь было бы хорошо упомянуть другую небольшую деталь, несколько несентиментальную. Просмолённый моряк, которым он и являлся, мой Викинг был беспорядочным потребителем индийского сорняка. С «Арктуриона» он принёс вместе с ним маленький полубочок, на дне которого лежал толстый слой чёрного «негрохеда», давно окаменевшего, скорее представлявшего интерес для геологов. Это была последняя вещь из перечня его богатых запасов от долгого дальнего путешествия, в котором он участвовал в течение трёх предыдущих лет. Сейчас же, во время штиля, и в течение нескольких дней после него бедный Ярл больше не искал компании для его употребления. Даже смешно: он стеснялся показать, что жуёт его. Я спросил его, почему. Он ответил, что эта жвачка сводила его рот, прежде всего вызывая жажду, и, так или иначе, создавала неприятные ощущения. Мне было жаль; отсутствовавший прежде, ныне существующий комок жвачки уменьшал и без того скудный запас влаги, остававшийся за его щекой; хотя, по правде сказать, я стал больше отвлекать его от этого занятия, призывая перейти к правому борту или левому борту, чтобы там привести в порядок наше судно.

Пережив штиль, мой морской портной снова орудовал иглой и нитью или поворачивал на ветру весло, служащее прачкой, увешанное нашим одеянием, чтобы оно могло высохнуть на вёслах, достигая максимальной сухости возле уключин. Одежда на вёслах издали напоминала изодранные корабельные флажки, а восточный ветер помог придать весёлости нашему пути; также и вы, как весёлые бедняки, с тряпками, летящими в бризе, проплывите безопасно через всю свою жизнь: «и веселы они, хотя и бедны!»

Глава XVIII

Милорд акула и его свита

Есть одна рыба в море, что выглядит всегда как неприветливый лорд, который уезжает за границу только в окружении своей свиты. Это – акула с совкообразным носом.

Это неуклюжий летаргический монстр, некрасивый, как и его имя, последние экземпляры из вида которого, думается, так же отважны, как и он сам. Его свита состоит из тех изящных маленьких существ под морским названием «рыба-пилот». Ночью его свита часто увеличивается из-за присутствия нескольких маленьких ярких рыб, плывущих впереди и своими факелами, как факельщики, освещающих монстру путь. Жаль, не было ни одного факельщика позади, подобно лакеям с факелом на запятках кареты.

Эти отношения, существующие между рыбами-пилотами и их огромным неловким господином, кажутся одной из самых непостижимых вещей в природе. Во всяком случае, у меня не хватает ума, чтобы это понять. Этот монстр, невероятно свирепый, терпящий пять или шесть небольших щёголей едва четырнадцати дюймов длиной, азартно играющихся вокруг его мрачного корпуса с абсолютной безнаказанностью, представляет из себя нечто странное. Но если посмотреть внимательно, то рыбы-пилоты, кажется, действуют как разведчики, предупреждая акулу об опасности и информируя её о близости добычи, и, кроме того, в случае, если вдруг акула оказывается убитой, они демонстрируют мучительное возбуждение, никак не объяснимое и остающееся непостижимой тайной. Действительно, чудеса окружают нас повсюду. Это только мертвец не нуждается в доказательстве данного тезиса. Даже мой Викинг восхищался и поражался рыбами-пилотами так же, как он восхищался и поражался Святой Троицей.

Но, возможно, небольшой инцидент, произошедший в этот период, будет самой лучшей иллюстрацией рассматриваемого явления.

Мы скользили вперёд, делая едва по три узла, когда мой товарищ, дремавший у планшира, начинавшего у его ног, указал на огромную акулу с совкообразным носом, находившуюся менее чем на расстоянии длины лодки и на глубине приблизительно половины морской сажени ниже поверхности.

Копьё было сразу выхвачено со своего места, и верный своему желанию Ярл собирался метнуть его в рыбу, но когда я заинтересовался видом её сияющих маленьких разведчиков, то попросил его воздержаться от броска.

Один из них находился прямо под акулой, грызя что-то в её брюшном плавнике; другой, повыше, плыл рядом со спинным плавником; по одному приходилось на каждый фланг; и пятый разведчик-проказник у её носа, по-видимому, имел желание сообщить нечто конфиденциальное. Они были яркого, стального синего цвета, чередуемого с чёрными, как уголь, полосами, со сверкающими серебристо-белыми животами. Цепляясь за спину акулы, плыли четыре или пять ремор, или прилипал, змеевидных паразитов, которых невозможно оторвать от того, к кому они прилипли, не лишая их жизни. У ремор немного власти в навигации, поскольку они, собственно, передвигаются на спине более крупной рыбы. Подобно пиявке, эта прилипала ближе к рыбе, чем самозванный брат в наследовании, ближе, чем нищий к благотворителю, даже ближе, чем Уэбстер к Конституции! Но они питаются тем, к кому прицепились, а некоторые экземпляры вообще прогрызаются непосредственно до пищевода акулы.

Акула плыла лениво, не создавая никакого признака ряби, даже не трясла локонами, как Медуза Горгона, не корчась и не кружась от ужасной жизни. Время от времени ловкие рыбы-пилоты бросались от неё в стороны – этой дорогой и той, – главным образом, к нашей шлюпке, но до взятия нового старта всегда возвращаясь к своему сеньору, чтобы сообщить новости.

Мысль пронзила меня. Вытравив конец верёвки с кусочком нашей почти бесполезной солёной говядины, я бросил его за борт, чтобы он тянулся за нами по морю. Немедленно пере-

довой разведчик подплыл к нему, поколебавшись, застыл, но наконец придвинулся, оживлённо обнюхал добычу вдоль линии движения и, сделав один небольшой требовательный укус, отступил к акуле. В следующий момент и сам большой Тамерлан повернулся всем своим грузным телом, обратив свой чёрный, подобный орудию нос непосредственно к нашему борту. Тем временем маленькая рыба-пилот бросалась сюда и туда, показывая невероятное волнение, как человек со скромным умом в состоянии нервного возбуждения.

Теперь уже Тамерлан плыл всё ближе и ближе, всё время лениво пожирая глазами «Серну», как кабан смотрит на ребёнка. Внезапно он рванулся к ней, в пене схватив приманку. Но в следующий момент вознесённое ранее копьё пронзило его череп, и, взмахнув на прощание жилистым хвостом, он медленно погрузился в облаке собственной крови, исчезнув с глаз долой. Вниз вместе с ним погрузились было и пилоты, но вскоре троих из них мы уже наблюдали поблизости от лодки, скользящей вперёд в том же темпе; по одному с каждой стороны и одному впереди, точно так же, как они и следовали ранее за своим господином. Разумеется, один плыл под нашим килем.

– Хорошее предзнаменование, – сказал Ярл, – пока они рядом, ничего плохого с нами не случится.

Но, однако, он ошибся, хотя они и следовали за нами в течение многих дней после того, пока не произошло событие, потребовавшее их ухода.

Глава XIX

Кто это?

Весло Ярла насчитывало уже шестнадцать меток на своём корпусе, когда однажды вечером, как только огромное солнце коснулось оправы горизонта, мы заметили высокие мачты судна, казавшиеся паутиной на фоне его тёмно-красного диска. Это далёкое судно выглядело объётым пламенем.

В ясную погоду паруса, незаметные посреди моря в полдень, становятся заметными к закату. Закат меняет утреннее впечатление. Находясь в поле зрения в сером рассвете, удалённое судно, пусть в действительности и расположенное довольно близко, как бы отступает от наблюдателя, поскольку солнце поднимается всё выше и выше. Это явление сохраняется, пока объект находится в пределах обычной области видения. И так же, тут и там, происходит с другими удалёнными объектами: чем более лёгкий взгляд вы бросаете на них, тем больше неясности. Некоторые открытия лучше всего делаются в сумерках.

Вид незнакомца был не намного страннее нашего. Но, прояснившись в лице, как будто встреча предполагала нечто приятное, Ярл выглядел счастливым и выжидающим. Однако он быстро изменил своё поведение, как только узнал, что я стремился избежать встречи.

Немедленно наши паруса были свёрнуты, и, призвав Ярла, который несколько озадачился, повиноваться, я установил вёсла, и оба мы принялись грести, держась далеко в стороне от нашего прежнего курса.

Я предугадал, что корабль являлся китобойным судном и, следовательно, с помощью оптики, которая его владельцам мгновенно приближала горизонт, нас, возможно, с корабля заметили, особенно учитывая то, что мы находились далеко к востоку от судна, и потому, что положение на закате является одним из самых благоприятных для того, чтобы зафиксировать отдалённый объект в море. Кроме того, наш парус был белоснежным и очень заметным. Безусловно, мы не могли быть уверенными в том, каково было это судно, но, независимо от того, каким оно могло бы быть, с моей стороны не было никакого желания пересечься с ним, поскольку это было бы довольно просто, и, если незнакомец оказался бы в пределах слышимости, да ещё при отсутствии у нас ресурсов, ничего бы не оставалось, кроме как связать наши судьбы с ним, тогда как я желал следовать только нашим курсом. Что касается Небожителя, то он задумчиво глядел через плечо, несомненно прося Небеса, чтобы мы избежали того, что было неотвратимо.

Теперь, после более внимательного исследования, будучи вполне убеждёнными, что незнакомец, в конце концов, держал почти западный курс – правда, вдали от нас, – мы переставили наш парус, а поскольку наступила ночь, мой Викинг попросил меня, вторя моему же собственному любопытству, возобновить наш параллельный курс и далее так же следовать за судном с целью его более внимательного изучения, но без риска быть обнаруженными. Поэтому, осмелев, мы пошли под парусом.

Но, чувствуя, что ветер был слабоват (что было в нашу пользу: преследовали-то мы, а не нас), да и учитывая совет моего товарища, мы добавили к парусам вёсла с готовностью сохранить наш прежний путь, хотя и держась слева от него самого.

Когда мы подошли поближе, то стало ясно, что судно вовсе не китобойное, а маленькое двухмачтовое; короче говоря, бригантина. Его паруса были в состоянии необъяснимого беспорядка: стояли лишь фок, грот и кливер. Первый был очень изодран, а кливер был поднят до середины положенного места, где он праздно болтался от дувшего с гакаборта бриза. Судно непрерывно отклонялось от своего курса, то почти разворачиваясь бортом, то своей кормой.

Совсем свернув наши паруса, мы прекратили грести и рассмотрели корабль в свете звёзд. Он всё ещё двигался из стороны в сторону, продолжая плыть под парусами.

Немало напуганный зрелищем, суеверный Ярл больше чем уверился, что судно, должно быть, преследовалось какими-то охотниками за золотом. Но я сказал ему, что если это и так, то мы должны забраться на него, найти золото или деньги. В действительности, однако, я начал думать, что бригантина была оставлена своей командой; или, возможно, экипаж слёг от болезни и просто был неспособен к управлению судном.

После долгой и тревожной разведки мы подошли ещё ближе, используя наши вёсла, к большой тревоге Ярла, который, гребя, оглядывался через плечо, как будто кит собирался утащить нашу шлюпку. Пожалуй, он горел нетерпением скорее удалиться от судна ещё до того, как его тревожные ожидания сбудутся.

Затем, когда тихая бригантина снова закачалась вокруг своей оси, я громко окликнул её. Никакого ответа. Ещё раз. Но всё было тихо. Постучали по корпусу, помолчали, постучали сильнее; затем, установив «Серну» прямо рядом с корпусом, я ухватился за главные цепи. Немедленно мы почувствовали, что оно потянуло нас вперёд. Привязав нашу шлюпку тросом, я перепрыгнул через борт, сопровождаемый Ярлом, который прихватил с собой гарпун, своё любимое оружие. Долго пользуясь этим оружием, чтобы одолеть глубоководных чудовищ, он не сомневался, что оно будет одинаково пригодным к использованию в любой другой ситуации.

Палуба была завалена мусором. Брошенные жемчужные раковины, шелуха кокосовых орехов, пустые бочки и прочее. Секторный румпель, который задавал направление курса судна, был отстёгнут. Но мы не могли взять в толк, как в течение продолжительного времени, идя по ветру, судно могло, в конце концов, идти по курсу без помощи рулевого. Однако бриз был лёгок и устойчив.

Теперь же, видя руль незакреплённым, я не мог доверять тишине, которая стояла вокруг. Это вызывало в воображении мысль о злодеях, прячущихся в трюме и замышляющих злодейство, подлых мятежниках-ласкарсах, или манильцах, которые, убив всех европейцев из команды, не позволят незнакомцам досаждать им на захваченном корабле. Или, что ещё хуже, экипаж всего судна, возможно, был охвачен лихорадкой, инфекцией, всё ещё скрывающейся в заражённом корпусе. И хотя первое предположение, как и последнее, было более простым, мы, однако, сочли благоразумным обезопасить проходы, которые соответствующим образом перегородили внизу вёслами нашей лодки. Сделав это, мы пошли по палубе в поисках воды. И, обнаружив её небольшое количество в неуклюжей бочке, пили долго и от души, поддерживая наши измученные жаждой души.

Ветер, уже посвежевший и надувший паруса, принял дуть в попутном направлении; мы развернули бригантину к ветру и взяли на гитовы холст. Это дало нам свободу в исследовании судна, но к этому времени, к сожалению, уже сгущалась тьма.

Всё это время наша лодка продолжала плыть рядом, и я решил было спуститься на корму, когда Ярл, более чем когда-либо осторожный, объявил, что это более безопасно; ведь, если бы люди оставались на борту, они бы, наиболее вероятно, спустились в каюты с тёмными иллюминаторами, откуда и мог бы быть нанесён удар по «Серне».

Это произошло, когда мой товарищ заметил, что бригантина не имела шлюпки, – обстоятельство, самое необычное в любой ситуации с судном в море. Но, отметив это, я был чрезвычайно удовлетворён. Это, видимо, указывало, насколько я полагал от случая к случаю, что бригантину, должно быть, оставила её команда. И это в доброй мере рассеяло мои страхи об умышленном конфликте и возможности инфекции. Воодушевлённый этими размышлениями, я решил спуститься и исследовать каюту, несмотря на протесты Ярла. Безусловно, говорил он искренне, этот шаг, возможно, было бы лучше отсрочить до появления дневного света, но и ждать его было бы также утомительно. Поэтому, напомнив мне о нашей трутнице и свечах, он сходил за ними к нашей шлюпке. Затем две свечи были зажжены, одну из которых Небожитель привязал наверху своего гарпуна под наконечником так, чтобы после нашего спуска острая сталь не смогла уйти далеко, если свет от свечи внезапно погаснет.

Отворяя оставленную каюту, мы ступили вниз, в самое маленькое и самое тёмное логово в мире. Подобный алтарю транец, блокирующий закрытые глухие иллюминаторы в корпусе вместе с небольшим тусклым кусочком неба – источником верхнего света, и мрачный вид каждой вещи вокруг придавали месту дух некоей подземной ораторской кельи, вроде молитвенной комнаты Питера Отшельника. Но катушки со снастями, свёртки холста, фрагменты одежды и беспорядочные кучи мусора создавали диссонанс с этим впечатлением. Две двери, по одной с каждой стороны, вели в крошечное небольшое государство – комнаты, которые местами также были замусорены. Среди других вещей имелась большая коробка, обитая железом и крепко сколоченная, содержащая бочонок, частично заполненный порохом, половиной старого мачете, мешочком пуль и деталью секстанта – медной табличкой от крышки с именем производителя. Лондон. Сломанное лезвие мачете было очень ржавым и запятнанным, и железная рукоять тоже. Оно выглядело настолько печально, что я отвёл глаза.

Когда мы отодвинули маленькую дверь-трап, открывающую пространство ниже, называемое «пробег», свет упал на различные мачете и мушкеты, лежащие вместе по шесть-семь штук, как будто брошенные второпях.

Осмотревшись кругом и удовлетворившись сознанием, что через переборку каюты не было никакого прохода к передней части корабля, мы схватили мушкеты и мачете, пороховой бочонок и мешочек пуль и, сложив их на палубе, подготовились к посещению другого конца судна. Перед этим, однако, я зарядил мушкет и опоясался мачете. Но мой Викинг предпочёл свой гарпун.

На баке оказался подобный же беспорядок. Но оказалось и небольшое аккуратное логовище, убранное в одном углу и снабжённое травяными циновкой и подушкой, какие используются среди островитян этих морей. Это небольшое логовище смотрело на нас, словно присевший там леопард. И как оказалось, мы были недалеко от истины. Формой препятствия выступал морской сундук с крепким замком и, кроме того, чудовищно тяжёлый. Не слушая мольбы Ярла, я решил взломать крышку и обнаружил в сундуке разноцветную коллекцию дамских шляп и диковинные безделушки всех видов вместе с различными грубыми предметами ситцевого белья, которое, хотя и непонятно почему, было укорочено, в том числе нижняя и верхняя юбки, но означало их принадлежность к некоему женскому существу, наиболее вероятно, человеческой породы.

В этом сейфе также находился холщовый мешок, в котором звенели, как старые ржавые колокольчики, потемневшие медные болты и оцинкованные гвозди, влажные, зеленоватые монеты короля Карла (все – подлинные), сверх того – различные железные винты, разбитые долота и кофель-нагели. Проверенные на удар об крышку сундука доллары зазвенели ясным звоном, как колокола женского монастыря. Они были отложены Ярлом в сторону, как окончившие своё хождение, специально для особого случая, под воздействием его суеверных предчувствий. Верный своему королевскому сану, он любил истинную монету, хотя за границей, в море, нет земли, нет владений, где бы доллары и где всё это серебро стоили бы как древесный уголь или алмазы. Почти одна и та же вещь, говорят химики; но скажите это морским пехотинцам, говорят невежественные евреи и ювелиры. Пойдите, купите дом или судно, если сможете, с вашим древесным углём! Да, все леса в Канаде, сгоревшие дотла, не будут стоить одного знаменитого бразильского алмаза, хотя он по размеру не больше чем яйцо почтового голубя. Ах! Но эти химики – лгуны, и сэр Хамфри Дэви – обманщик. Многие бедняки, которых дьявол завёл в угольный бизнес, возможно, нашли свою удачу при помощи мотыги.

Снова пошарив в сундуке, мы обнаружили странные небольшие верёвки, очень истрёпанные и ветхие. В каждом углу имелся мощный зажим, вес которого, не сомневаюсь, утяжелял коробку. Зажимы почти конкурировали с замком, почти столь же большим, как они сами, так что я задался вопросом, какая же из этих деталей больше служила безопасности сундука. Проявив любопытство, мы подробно осмотрели вход, но не увидели никаких золотых

луидоров, никаких румяных дублонов; ничего более, кроме трёх стопок оловянной посуды, тех, что используются в каюте судна, нескольких латунных винтов и медных табличек, которые, должно быть, принадлежали квадранту; вместе с описанной партией стекляруса были ещё и медные кольца, в то время как на внутренней части крышки была приклеена небольшая цветная репродукция, представляющая проститутку, бесстыдных девиц, развлекающих расточительного молодого повесу.

Тут стоит ещё упомянуть, что во время изучения бака мы были несколько раз удивлены странными звуками наверху. И тотчас же, врезавшись в небольшой узел, вниз свалился большой главный блок, прямо через люк, едва не задев Корону моего Викинга, настолько близко и с такой точностью, которая не снилась и ювелирам. Это очень поразило нас, особенно Ярла. Но, приученный к странным скрипам мачт и снастей на старых судах в море и много раз избежавший беспризорных блоков, случайно падающих сверху, я мало думал о случившемся, хотя моему товарищу казалось, что шум несколько отличался от любого из подобных шумов, что он слышал прежде.

После небольшого дополнительного изучения мусора на баке, очень подивившись увиденному, мы поднялись на палубу, где оказались в такой же тишине, когда двигались к гака-борту, Небожитель подсознательно обращался ко мне шёпотом.

Глава XX

Шумы и предзнаменования

Для меня это был долгий день. Однако я склонен был полагать, что бригантина была не занята людьми, и желал, чтобы свет солнца явил этому предположению дополнительные доказательства.

Теперь, заметив перед посадкой на судно, что оно сидит довольно низко в воде, я понял, что это хорошо для акустики. Но на бак было никакого прямого прохода, и я послал Ярла, чтобы выследить предполагаемых моряков в переднем отсеке квартердека, где, несомненно, они должны были прятаться. Тем временем я поискал ручной насос, который, как казалось, возможно, не так давно использовался; он был найден привязанным внизу к грот-мачте.

Внезапно Ярл подбежал ко мне, шепча, что все сомнения наши теперь рассеяны: весь алкоголь на борту оставался нетронутым. Он слышал неестественное чиханье, не принадлежащее человеку. Но к этому времени я был полностью убеждён, что мы были одни на бригантине. С тех пор я не смог установить земную причину сокрытия всей команды от пары моряков, с которыми, в случае оказания ими сопротивления, они смогли бы легко справиться. И, кроме того, предполагаемое волнение атмосферы, казавшееся чиханьем, по утверждению Ярла, имело место наверху мачты; непосредственно внизу, где я всё это время пребывал, не было ничего слышно. Поэтому, похвалив моего доброго викинга за чрезмерную чувствительность его слуха, я предложил ему больше не беспокоиться о его пиратских призраках и гоблинах, которые не существовали нигде, кроме как в его собственном воображении.

Не попавшись в сети, привязавшись узлом, мы сменились; и, хорошо осмотревшись, не обнаружили ничего, что представляло бы для нас какую-либо опасность. При определённых обстоятельствах, однако, этот осмотр судна был неплох, как возбуждающий сильное желание действовать. Это как почувствовать свой собственный пульс на последней стадии лихорадки. По предложению Небожителя мы теперь продолжили поиски вокруг центра бригантины по другой её стороне. Ведь до восхода мы желали изменения положения судна как можно меньше, боясь неожиданно напороться на рифы.

И здесь да будет сказано, что из-за всех его суеверных предчувствий относительно бригантины, приписывания ей неких фантастических свойств честный Ярл был, однако, чрезвычайно прямым и практичным во всех намёках и слушаниях относительно неё. В чём-то он напоминал моего друга, Его Преосвященство епископа Беркли, – воистину одного из наших духовных властителей, – кто, рассуждая о метафизике, считая все объекты простым оптическим заблуждением, был, вопреки этому, чрезвычайным материалистом во всём, что касалось непосредственно его самого. Доступу к вершинам сосен и обладанию небом предшествует способность к пониманию пудинга с изюмом ради того, чтобы прочитанные сентенции походили на зарождающиеся градины.

И в то время, пока мы были заняты обходом палубы, шепчущему Ярлу потребовалось пристать ко мне снова с его проклятыми подозрениями о гоблинах на борту. Он клялся грот-мачтой, что, когда фок-рей поворачивался, он услышал наполовину сдавленный стон из того угла: как будто один из его гоблинов прищемил себе ноги. Я возразил, намекнув, что гоблины бестелесны, после чего он умолял меня подняться на переднюю оснастку и проверить всё самому лично. Но здесь моё зрелое суждение взяло верх над моим первоначальным мнением. Я вежливо отказался. Несомненно, всё ещё оставалась возможность, что передняя часть судна могла бы быть занятой живыми злодеями и настанет момент, когда меня, с руками, хватающими оснастку, и ногами, свисающими в воздухе, преодолевающего наклон путенс-вант, некая невидимая рука должна будет внезапно скинуть за борт. Поэтому я придерживался своих мыслей, в то время как Ярл продолжал заявлять, учитывая облик бригантины (его мнение о ней

уже полностью сформировалось), что она была настоящим фантомом, тенью судна, наполненного призраками моряков, и прежде, чем мы узнаем, где мы оказались, распадётся в сверхъестественном грохоте и оставит нас обоих в воде. Короче говоря, Ярл, потомок суевских старых скандинавов, был наполнен древнеисландским тщеславием и всей мифологией чудес Валгаллы, находящихся в земле гоблинов и чаш. Неудивительно, что, ожидая катастрофу в перспективе, он снова упрашивал меня оставить невезучее судно с его призрачным корпусом, неспособным нести нас. Но я отказался.

Нельзя связать все вещи воедино. Будучи в каюте, мы прошли через хлебную кладовую и, обнаружив качество её содержимого намного выше нашего собственного, заполнили им наши карманы и иногда угощались самостоятельно в перерывах между поисками. Затем морскую хлебную корзину мы выволокли на палубу. И впервые, начиная с момента прощания с «Арктурионом», полностью подавившего нашу жажду, наш аппетит вернулся с большим воодушевлением; и, не придумав ничего лучше, чем бы заняться до рассвета, мы принялись поедать хлеб, усевшись в середину квартердека, и, скрестив ноги перед собой, решили закончить осаду, подобно Великому Турку и его визирю Мустафе, стоявшими перед Веной. Наш замок – хлебная кладовая – имел обычный вид: продолговатая дубовая коробка, очень разбитая и повреждённая, – и, как мраморы Парфенона, по всей поверхности был испещрён надписями и резьбой: грязные якоря, пронзённые сердца, альманахи, двойные шкивы, любовные стихи, верёвочные узлы, короли клубов и различные мистические изображения, выполненные мелом старыми финскими моряками из избранных гороскопов и пророчеств. Ваши старые надписи – весь Дэниэлс. В одной из стен находилось круглое отверстие, через которое приглашённым выдавался хлеб.

И величавыми были движения рук той ночью, а также многозначительные и серьёзные взгляды Мустафы при каждом внезапном скрипе мачты или оснастки. Словно Валтасар, мой царственный Викинг ел с большим страхом и дрожью, внезапно и часто прерываясь, чтобы понаблюдать за дикими тенями, мелькающими на крепостных стенах.

Глава XXI

Привет, Человек!

Медленно, судорожно пробилось утро на востоке, осветив опустевший бриг, тяжело плывущий по воде, вяло плескавшейся под его корпусом. Прыгая с волны на волну, наша верная «Серна», словно преданная собака, всё ещё плыла рядом, подобно пойнтеру на поводке. Время от времени она отставала и сразу же, подхваченная волной, как молния, мчалась вперёд, пока её не обуздывала привязь, и снова уходила назад.

Как только забрезжил серый свет, мы осторожно и тщательно исследовали особенности судна, поскольку они одна за другой стали более явно вырисовываться. Каждая вещь казалась более странной теперь, чем когда частично была видима в тёмную ночь. Балясины, или стойки фальшборта, были грубо обструганы, на некоторых всё ещё присутствовали остатки коры. Неокрашенные стороны оставались с тёмными, необработанными поверхностями. Румпель был перекошен, словно сук, решивший самостоятельно прорасти через палубу, словно дерево, стоящее само по себе. Нактоуз, держащий компас, был защищён со всех сторон жёлтым покрытием. Оснащение – полотнища, фалы и всё остальное – состояло из «кайяра», или кокосовых волокон; и тут и там паруса были заплатаны просто верёвочными узлами.

Но и это ещё не всё. Кто любопытствует, тот должен прояснить всё, дабы исчезли подозрения. Посмотрев вслед каждому шпигату, мы разглядели выцветшую тёмно-красную краску, про которую Ярл утверждал, что это следы крови. Хотя сейчас он уже не предавался ни малейшему трепету: то, что он увидел, принадлежало не призракам, а все его страхи до настоящего времени происходили из метафизики.

Действительно, собравшись с духом, на рассвете мой Викинг выглядел смелым, как лев, и вскоре с инстинктом старого моряка бросил свой взгляд наверх.

Он сразу же коснулся моей руки: «Смотри-ка: что там шевелится на грот-мачте?»

Конечно же, там находилось что-то живое.

Руки наши потянулись к оружию, мы смотрели на объект, и, поскольку становилось светлее, сидящий там незнакомец стал отлично виден.

Объяснив, кто мы такие, я поприветствовал его и предложил спуститься, в противном случае пообещав выстрелить. Повисла тишина, затем высунулся чёрный ствол мушкета, направленный в мою голову. Тотчас же гарпун Ярла был наставлен на стрелка – два к одному – и мой оклик был повторен. Но никакого ответа.

– Кто вы?

– Самоа, – чётко сказал ясный, уверенный голос.

– Спускайтесь вниз. Мы – друзья.

Другая пауза, во время которой, встав со своего места, незнакомец начал медленно спускаться, держась одной рукой за оснастку, но не забывая о своей безопасности: свой мушкет, частично свисающий со спины, он прижимал к своему телу обезображенной рукой.

Он появился в шести шагах от того места, где мы стояли, и, балансируя своим оружием, глядел на нас смело, как рыцарь Сид.

Он был высоким, тёмным Островитянином, выглядевшим совсем дьяволом, театрально одетым в клетчатую юбку и тюрбан; клетчатая юбка весёлой ситцевой набивки, тюрбан из красного крепдешина. На шее звенели бусы.

– Кто ещё есть на борту? – спросил я, в то время как Ярл, целившийся в незнакомца с его оружием, теперь сдвинул остриё, направив его к палубе.

– Смотрите туда – Аннэту! – был его ответ на жаргонном английском, с указанием на верх передней мачты. И Ло! – женщина, тоже Островитянка – и закрывавшие её юбки, украшенные тоже как самоанские, были внимательно изучены.

– Кто ещё?

– Больше никого.

– Кто же вы тогда и что это за судно?

– Ах, ах, вы не призрак! Но вы мой друг? – прокричал он, придвигаясь ближе во время речи, в то время как женщина с нетерпеливым взглядом, оказавшаяся на палубе, тоже приближалась к нам.

Мы сказали, что мы – друзья, что мы не хотим их обижать, но желаем знать, что это было за судно и какое бедствие случилось с ним; ведь случилось что-то нехорошее, в этом мы были уверены.

Самоа дал ответ, что действительно произошло что-то ужасное, и про это он с удовольствием рассказал бы нам всем, и рассказал бы правду. И о ней он готов рассказать. Затем эта его история была рассказана в смешанной фразеологии полинезийского моряка. С несколькими случайными размышлениями, содержание которых вы найдёте в шести последующих главах.

Глава XXII

Что случилось с бригантиной на Острове Жемчужных Раковин

Судно называлось «Парки», из Лахины, деревни и гавани на побережье Мови, одного из Гавайских островов, где оно было построено из деревьев местного леса и из фрагментов кораблекрушений, оставшихся на берегах. Имя ему было даровано в честь великого вождя, самого высокого и самого благообразного джентльмена на всех Сандвичевых островах.

Со смешанной европейской и местной командой, общим числом около тридцати человек (но всего лишь четырьмя белыми, включая капитана), «Парки» приблизительно четыре предыдущих месяца плыл от своего порта в южном направлении в поисках жемчуга, раковин жемчужниц, морских огурцов и других подобных существ.

Самоа, уроженец Островов Навигатора, часто ходил в море и был хорошо сведущ в подводном лове жемчужниц и подводных тайнах. Уроженец Лахины на борту корабля немедленно стал приближённым командира: капитан заключил договор с Самоа на его услуги в качестве водолаза.

Женщина, Аннэту, была уроженкой отдалённого, малоизвестного острова, находящегося к западу, откуда её, ещё довольно юной, вывез командир судна, идущего из Макао в Вальпараисо. В Вальпараисо её покровитель оставил её на берегу; вероятней всего, насколько я понял позже, из-за возможных неприятностей.

Случилось то, что случилось, когда из девственного цветка Аннэту ушёл покой, оставив только крепкое тело и ещё более крепкую душу. Самоа, Мореход, безумно влюбился в неё. И, полагая, что леди, на его взгляд, храбра, как и он сам, и, несомненно, хорошо приспособлена к превратностям супружества в море, замыслил, по сути, самоубийство – проще говоря, женитьбу на ней, – и двое стали единым целым. И некоторое время спустя в качестве жены Аннэту сопровождала на бригантине своего господина Самоа. Как и Антоний, полетевший в объятия любовницы Цезаря, так и Самоа чувствовал в себе силу от одного только тщеславия. И продолжение было тем же самым. Но не для тяжкой жизни, в противовес Клеопатре, покорившей своего прекрасного откровенного друга, бедного Марка, Королева Аннэту завоевала своего пленника с его луком и его копьём. Но всё в своё время.

Они покинули свой порт и, перейдя Тропик и Линии, наткнулись на группу островов, где принялись искать раковины, которые во множестве и были найдены. И здесь – довольно странно, чтобы не сказать более, – они столкнулись с несколькими чолос, или метисами испанцев и индейцев, наполовину состоящими из испанцев, а наполовину – из помеси дикого индейца и дьявола, племени, от Вальдивии до Панамы печально известного своей недобросовестностью и подлостью.

Здесь метисы, давно оставившие суда, привёзшие их на острова, поднялись высоко во власти среди уроженцев острова. Узнав это, капитан «Парки» был очень удовлетворён; он, неосведомлённый бедняга, никогда прежде не присоединился бы ни к кому из представителей этого предательского народа. И, без сомнения, он предполагал, что их влияние на островитян будет служить его интересам. Во всяком случае, он сделал подарки чолос – тем, кто, в свою очередь, снабдил его дополнительными водолазами из числа уроженцев острова. Большой любезностью было также то, что они указали на лучшие места для поиска раковин. Одним словом, они были чрезвычайно дружелюбными, часто подходили к бригантине и дружелюбно обедали с капитаном в каюте, разделяя совместную трапезу.

Все эти благие дела продолжались до того момента, пока однажды утром полукровки не пригласили капитана пойти с ними в его китобойной шлюпке к мелководью на другой сто-

роне острова, находящемся на некотором расстоянии от той точки, где стояла бригантина. Они столь быстро устроили эту поездку, что ни один человек из Лахины, что были под командой Самоа, которому капитан очень доверялся, не был оставлен опекать «Парки»; остались только трое белых из команды для управления парусом при небольшом ветре.

И вот обречённый бриг стоял на якоре посреди глубокого гладкого круглого залива, открытый со всех сторон, окружённый самыми красивыми рощами. На одной стороне находился выход к морю; возможно, длина якорного троса была больше той, что нужно было для швартовки бригантины. Час или два после того, как китобойная шлюпка ушла и оказалась полностью вне поля зрения, уроженцы в мелководьях были замечены отплывающими от берега; некоторые в каноэ, а некоторые вплавь. В пирогах на виду были уложены хлеба и бананы, в последней посудине – кокосовые орехи; всё это по приближении судна они настоятельно потребовали обменять на ножи и топоры.

От их действий, подозревая некое предательство, Самоа предпочёл уклониться и приказал им уйти, объясняя, что никакой обмен не может иметь место до возвращения капитана. Но тут один из дикарей украдкой выбрался из воды и, проворно пробежав от ватерштага к бушприту, метнул копьё, так вогнав его в фок-мачту, что оно зазвенело. Сигнал крови! С ужасающими криками, вытащив оружие, до настоящего времени скрытое в каноэ или под плывущими кокосовыми орехами, дикари перепрыгнули через низкие борта бригантины, через фальшборт, и с дубинами и копьями с беспредельной свирепостью напали на ошеломлённую команду.

После слабого сопротивления лахинцы, отбивавшие атаку у снастей, были достигнуты и убиты.

При первой тревоге Аннэту, однако, сумела убежать к передней мачте, выше которой она не смогла подняться и куда дикари не рискнули сунуться. Хотя за своими орехами полинезийцы поднимаются на пальмы, как белки, однако же с первого взгляда они переоценили высоту мачты судна, как фермеры Кеннебека.

Оценив силы нападающих, Самоа помчался в каюту за оружием, а в ней обрушился на двух молодых дикарей. Но после отчаянного мгновенного боя, в котором его рука была искорёжена, он спрыгнул вниз, в каюту, немедленно обезопасив себя от внимания других нападавших, оказавшихся наверху. В каюте, во время шума бойни, он спокойно перевязал руку, затем, выложив на фрамугу три заряженных мушкета, принадлежавших капитану, неустрашимо ждал нападения.

Цель уроженцев, как кажется, состояла в том, чтобы разбить бригантину о береговые коралловые рифы лагуны. И с этим намерением некоторые из них спрыгнули в воду и перерезали якорные канаты. Но отлив повернул нос «Парки» в сторону моря – к выходу, и дикари, чувствуя это, неуклюже устанавливали фортали и потащили в кормовую часть парус, таким способом устанавливая фок, ранее выпущенный для просушки.

Тем временем старый седовласый вождь спокойно стал за руль, сиюсья направить судно к берегу. Но, неправильно управляемая, бригантина, быстро скользящая по воде, уже прошла большой путь к выходу из гавани. Видя это, главари, числом шесть или восемь, прибежали помогать старому седому бородачу у руля. Но тут для них пробил чёрный час. Внезапно, пока они поворачивали руль, в них были быстро разряжены три мушкета из окна в крыше каюты. Двое из дикарей упали замертво. Смертельно раненный старик, судорожно хватаясь за руль, навалился на него и упал, и дикая паника при виде своих лидеров, необъяснимым образом убитых, заставила островитян прыгнуть за борт и убраться на берег.

Услышав резкий удар, Самоа вылетел на палубу; увидев поднятый фок и повернутый к морю нос бригантины, он крикнул Аннэту, всё ещё находящуюся наверху, чтобы та спустилась к ярдовому топселю и освободила там холст паруса. Его команде повиновались. За то, что она сделала в тот день Аннэту заслужила золотой медали. Распустив паруса и выпустив

топсель, она позволила ветру надуть их; в данной операции она помогла Самоа, который встал у руля.

Фок и передний топсель были теперь более-менее сносно установлены, и, когда судно потянуло в сторону моря, бриз посвежел. И хорошо, что это произошло: восстановив силы после первой неудачи, дикари предприняли преследование по горячим следам; некоторые в каноэ, а некоторые, как и прежде, вплавь. Но вскоре главный топсель был отдан бризу, который всё продолжал свежить, увеличившись ещё на четверть. И с этой храброй демонстрацией парусов «Парки» благородно шёл к выходу из гавани, и громко кричал Самоа, как только женщина отстрелила последний парус, разделённый до того канатом на длинные выпуклости. Дикари не смогли поплыть наперерез кораблю. И это было к лучшему, так как плыть на каноэ там было почти одинаково трудно. Но беглецы всё ещё не были в безопасности. В полное преследование теперь пустилась китобойная шлюпка с командой из чолос и четырёх или пяти островитян. После чего отпали сомнения в том, что все белые, кто на ней недавно ушёл утром, были уничтожены предателями-метисами и что захват бригаантины был заранее обдуман; Самоа теперь уже не видел никакой другой возможности, кроме как увести опустевшее судно подальше от этой земли.

Теперь на вёслах сидели дьяволы, решившие исправить свою ошибку. Тем временем Аннэту была всё ещё занята наверху, освобождая меньшие паруса, которые ей удалось частично установить.

Сильный бриз с кормы уже заполнил нижние паруса, их било и качало в воздухе, как воздушные шары, в то время, когда их поднимало вверх, а каждая штанга дрожала и прыгала. И, словно напуганная чайка, удирающая от морских ястребов, небольшой «Парки» устремился вперёд, храбро разрезая морскую воду.

С раненой рукой, обмотанной пеньковой петлёй, Самоа стоял у руля; мушкеты, перезаряженные, были уложены перед ним на нактоузе. Учítывая, что бригаантина и так была не очень удачно построена и имела плохо приспособленные паруса, ставшие более неуправляемыми из-за силы бриза, преследователи полагали, что, в конце концов, несмотря на хороший старт, беглецы ещё могут стать добычей охотников. Судно постоянно отклонялось от прямого курса, и лодка приближалась. Раздражённый её видом и, возможно, думая больше о мести за прошедшее, чем о будущей безопасности, Самоа доверил руль Аннэту, поставил свои мушкеты на фальшбортах и посвятил им много времени, уверенно целясь и разряжая один за другим в приближающегося противника.

Трём выстрелам ответили громкие насмешки дикарей, которые размахивали своими копьями и насмешливо жестикулировали, в то время как их главари, чолос, гребли вёслами.

Лодка продолжала нагонять бригаантину, и мушкеты снова были перезаряжены. И, поскольку следующий выстрел не заставил себя ждать, наступила пауза, по окончании которой, как молния, передний чолос вскочил со своего места с веслом в руке и упал в море. Раздался жестокий вопль, и один из островитян прыгнул в воду, схватив погружающееся тело за длинные волосы; затем мёртвого и живого втащили в лодку. Набравшись храбрости от этого фатального выстрела, Самоа стрелял ещё и ещё, но не с подобным верным результатом, а только лишь задев оставшегося метиса, который, присев позади своих товарищей, умолял их повернуть лодку и идти к берегу. Встревожившись судьбой своего собрата и, по-видимому, убоявшись беспристрастного огня Самоа, малодушный злодей отказался выставить свои конечности выше планшира.

Хорошо бы сейчас было преследователям начать своё спасение, но несчастный случай этому воспрепятствовал. В тот момент, когда лодка накренилась и поражённый чолос упал за борт, два весла выскользнули в воду и уже не плавали на поверхности вместе со схваченным смертью метисом, пропав из виду, поскольку утонули в море. Двое из островитян поплыли, чтобы вернуть их, но, напуганные треском выстрела поверх их голов, сразу же повернули назад,

спешно вернулись и едва успели увидеть, как один из их товарищей прижимает к своему телу руку, получив пулю от Самоа.

Этого было достаточно: пронесясь мимо злополучной лодки, они быстро добрались до берега, сопровождаемые остальными; кто-то прыгнул за борт, оставив в лодке тех, кто, как оказалось, уже не мог плавать, – раненого дикаря и мертвеца.

«Груз теперь далеко, и остаётся только мстить за моего славного товарища», – сказал Самоа самому себе. Но это было не всё. Увидев всю эту расплату и осознав своё одиночество, он быстро положил передний топсель к мачте, подняв повыше, и снова открыл огонь по лодке, каждой выпуклости моря, приходящейся всё ближе и ближе к ней. Тщетны оказались все усилия убежать. Раненый человек с мертвецом на руках кидался из стороны в сторону, а чолос, сжимавший весло, в безумии крутился в лодке, в то время как выстрел следовал за выстрелом. Самоа стрелял с такой скоростью, с какой Аннэту могла заряжать оружие. Поочередно и чолос, и дикарь упали мёртвыми на своих товарищей, наклонив лодку поперёк до почти полного затопления, в каковом виде она и уплыла прочь.¹

---

¹ Непонятно, остались ли белые члены экипажа на бригантине или ушли с капитаном на китобойной шлюпке, где и были убиты. Видимо, автор перепутал их местонахождение. (Прим. пер.)

Глава XXIII

Обыск каюты после отплытия

На баке находилась маленькая каронада, снятая с тележки и установленная на болтах на палубе. Самоа зарядил её, сбив топором круглую крышку, затыкавшую дуло. Когда-то, управляя этим орудием в одном из портов и хорошо прицелившись, он выстрелил и потопил какой-то бот вместе со всем его экипажем.

Это произошло в конце дня, когда, стремясь избежать встречи с землёй и получив безбрежное море, не думая о местонахождении, Самоа снова направил судно по ветру, оставляя остров за кормой. Палубы были всё ещё заполнены телами лахинов, лежащими крест-накрест, словно для регистрации, возле главного люка. Они, один за другим, были поглощены морем, после чего палубы были вымыты.

На восходе солнца следующим утром, совсем потеряв из виду землю, при слабом ветре, а после и при полном безветрии, они остановили своё движение и легли в дрейф, дабы позволить себе осмотреть бригантину, особенно помещения кают. Там они и обнаружили запасы товаров, предназначенных к обмену среди островитян, а также несколько сумок с долларами.

Замечено, что ничего не может превзойти алчность полинезийца, когда в момент торговли с белыми его глаза ощущают собственную наготу и он чувствует, что некоторыми вещами белые более богаты, чем он сам.

Сперва обследовался шкаф бедного шкипера; его ящики с вещами были опрокинуты, и их содержимое рассыпалось по полу каюты.

Затем имела место примерка. Самоа и Аннэту примеряли пальто и панталоны, рубашки и платья и восхищались своими отражениями в маленьком зеркале, устроенном в переборке. Далее были раскрыты коробки и товары; рулоны хлопковых тканей были осмотрены и вызвали большое восхищение настолько, что одежды, найденные в сундучке капитана, были с презрением сняты с их тел: они надели свободные одежды из набивного ситца, более подходящие их вкусам.

Результаты этих поисков были дополнены выскользнувшими на палубу нитками стекляруса, которые увесили шеи Самоа и Аннэту своими восхитительными связками.

Между прочим, обнаружили и медные драгоценности. Этих безделиц и безделушек было много, и они восхищали своих хозяев более, чем все остальные; Аннэту украсилась ими, как королева из трагедии: прямо-таки пламенея от меди. Эта замужняя дама очень горевала, что не было никого, кто бы мог ею восхититься, кроме её мужа Самоа; но он всё время восхищался собой, но не ею.

И здесь стоит сказать то, что до настоящего времени оставалось невысказанным. Очень часто эта пара не являлась примером старой любящей супружеской четы. Их супружеская жизнь была одной долгой кампанией, где перемирию отводилась только ночь. Они объявляли его, и они ворковали в своих объятиях, вставая новым утром ради нового раунда, и часто Самоа являл собой клушу, заклёванную курицей. Короче, Аннэту была татаркой, воинственной калмычкой, а Самоа – помоги ему Небеса – её мужем.

Всё же некоторое время, объединённая мыслью об общей опасности и надолго поглощённая переворачиванием приобретённой мишуры в отсутствие мыслей о праве собственности, пара воздерживалась от всех ссор. Но скоро разразился шторм. Перетряхивая каждый узел и каждую вещь, Аннэту, делая полную оценку, напрямую предложила отложить отдельно для себя те вещи, которые ей более всего понравились. На это Самоа возразил, на его возражение возразила Аннэту, и пошло-поехало.

Леди поклялась, что все вещи принадлежат Самоа не более, чем ей самой; более того: то, что она хочет, тем она и будет владеть. И, кроме того, в качестве дополнения она объявила, что не является чьей-либо рабыней.

В тот момент Самоа, с горечью замечу, пребывал в некотором страхе перед своей агрессивной супругой. И хотя он был героем в других отношениях, уничтожил дикарей и благородно спас корабль от их захвата, но, как отважные капитаны Мальборо и Белизэриус, он боялся своей жены. И Аннэту была не лучше, чем та же Сара или Антонина.

Однако, как и каждая вещь, напоминающая по своей природе царяпину, более всего супружеские ссоры поддаются быстрому излечению; поскольку если бы они не заживали, то они снова никогда и не вспыхивали бы: в этом и состоит их красота. Поэтому перечень, который они составили, имел согласие только с условиями Аннэту в ущерб интересам Самоа. Якобы было согласовано, что они должны строго придерживаться середины; леди, однако, заявила особые претензии к определённым ценностям, о которых она имела более полное представление. Но в противовес этому она великодушно отказалась от всех требований на запасное оснащение, всех требований на фок-мачту и грот-мачту и всех требований на оружие капитана и боеприпасы. И последнее: дама Антонина не забыла ничего из своих потребностей. Её голос был артиллерийской батареей; её когти – остриями штыков.

Глава XXIV, посвященная колледжу терапии и хирургии

К этому времени раненая рука Самоа уже оказалась в таком состоянии, что ей стала необходима ампутация. Среди дикарей серьёзные телесные повреждения по большей части считаются пустячными. Если бы врач-европеец уложил его на больничную кушетку, то отчаянный дикарь счёл бы ниже своего достоинства на ней лежать.

Более того. В Полинезии каждый человек – сам себе парикмахер и хирург, способный отрезать свою бороду или руку, когда того потребует случай. Нет ничего необычного для воинов Варвоо в удалении их собственных конечностей, сильно израненных в сражении. Но вследствие примитивности используемого инструмента – перламутровой зазубренной раковины – операция могла продлиться несколько дней. И при этом дикари даже не помогут своему товарищу передвигаться, поддерживая или перенося его, считая, что воин сам должен проявлять к себе необходимое внимание. Следовательно, можно сказать, что они ампутуют себя на досуге и складывают свои инструменты, когда устают. Однако они не настолько привязаны к хирургической практике, чтобы отрезать себе головы, насколько я знаю; ведь это та разновидность ампутации, которой, метафорически говоря, увлекаются многие борцы за независимость в цивилизованных странах. Действия Самоа были очень простыми и краткими. Огонь был разожжён в маленьком камбузе, или кухне, и потому произвёл много дыма. Он затем поместил свою руку в один из брашпильных битсов (коротких вертикальных дощечек, доходящих до груди) и, захватив тупой поварской топор, приготовился было нанести удар; но, по некоторым причинам не доверяя его точности, назначил для нанесения удара Аннэту. Три удара, и конечности, что была выше локтя, больше не стало у Самоа; и он увидел свои собственные кости, о которых не смогло бы рассказать даже множество столетних стариков. Крайняя простота операции обеспечила ей безопасность. Вес и тупость инструмента ослабили боль и уменьшили кровоизлияние. Рана затем была опалена, продержавшись в дымном огне, пока все признаки крови не исчезли. С того дня и стартовало это лечение, а с ним и некоторое беспокойство Самоа.

Но можно продолжать? Суеверно не желая захоронить в море мёртвую конечность от всё ещё живого тела, Самоа с тех самых пор решил, что он должен очень скоро утонуть и последовать за ней; и в то же время, одинаково боясь держать конечность около себя, он наконец повесил её сверху от грот-стеня-штаги, где она была закреплена и обёрнута в несколько слоёв навощённого холста. Рука, которая, должно быть, обнимала товарищей в дружественном объятии или поражала врага, не могла служить пищей, как полагал Самоа, ни для птиц в воздухе, ни для рыб в море.

Итак, что являлось самим Самоа? Мёртвая рука, качающаяся высоко, как плод? Или живой ствол ниже? Рука, разъединённая с телом, или тело, разъединённое с рукой? Оставшаяся часть Самоа была жива, и поэтому мы скажем, что это и был он. Но какой из одновременно корчащихся десяти кусков разъединённого червя действительно является основным?

Я сам всегда считал Самоа не большим фрагментом человека, а человеком цельным. Разве он не был человеком во всей полноте? И разве, воюя в Тенерифе, великий Нельсон – физиологический разговор – был тремя четвертями человека? Каков был Англси в гонимом ветром дыму Ватерлоо, не таким же? Арнольд, герой Саратоги? Разве нельзя ничего сказать об одноруком римском царе Мутиусе Скаеволе, генерале Ноксе без большого пальца и Ганнибале без глаза; и о том, что старый римский гренадёр Дентэгус не что иное, как контуженный и побитый ствол, крепчайший вид опоённого зельем воина, которого трудно сломить и разрубить в куски даже очень слаженными ударами боевого топора. Ах! Ведь эти воины, как наковальни, выдерживали любые тяжёлые удары. Особенно в старые времена странствующих рыца-

рей. Поскольку в сражении при Бревуа во Фландрии – мой славный старый болтливый предок, Фроиссарт, сообщил мне – десять добрых рыцарей, будучи внезапно сброшенными с лошадей, упали, скованные доспехами и обессиленные, на равнину, смертельно обременённые своей бронёй. После чего крестьяне – мошенники и грабители, что были их противниками, – принялись колотить по их доспехам, как грабители по замкам или как ловцы устриц по раковинам, с целью забрать их жизни. Но всё без толку. И, наконец, они были вынуждены попросить помощи у кузнеца; и только тогда обитатели брони были извлечены из неё. Сейчас уже считается доказанным, что таинственный государственный узник во Франции был закован в железную маску; но эти странствующие рыцари добровольно заключили самих себя в свои железные Бастилии, что помогло мародёрам в их делах. Такие вот дни галантности, когда галантные кавалеры умирали галантной смертью!

То было эпическое время, которое хорошо показал впоследствии мой красноречивый и пророческий друг и корреспондент Эдмунд Берк, так трогательно оплаканный. Да, то были великолепные времена. Но ни один разумный человек ради удовлетворения внутреннего восхищения не обменял бы свой тёплый домашний очаг и сдобные булки на героический бивак в диком буковом лесу и порывистое сырое утро в Нормандии; каждый рыцарь, хвастающий своими пальцами в стальных перчатках, не в состоянии приготовить себе холодный кофе в своём шлеме.

Глава XXV

Опасный миротворец

Прошло несколько дней: бригантина дрейфовала из стороны в сторону, и ничего не показывалось в поле зрения, пока на неподвижной поверхности моря не прозвучал сигнал тревоги от Аннэту. Это случилось, когда перемирие крепло. И в наивысшей точке леди нарушила его, присвоив себе различные объекты, ранее отказанные в пользу Самоа. Кроме того, находясь в постоянном поиске, она всё время ходила вверх и вниз, с неутомимой энергией исследуя каждый укромный уголок и трещину, находила остатки чего-либо и старательно прятала их. Имея смутное представление о предметах для женщин, она тащила всё, что попадало под руку: железные крюки, доллары, болты, топоры, не останавливаясь на клубках марлины и листах меди. Всё это бедный Самоа стерпел бы, как имеющий терпение, вместо того чтобы снова возобновить войну, но тут смелая дама обвинила его в растратах из её собственного частного запаса, хотя в этом он был так же невинен, как и бушприт. Этот оскорбительный импичмент взял верх над философией бедного островитянина. Он вознегодовал. И последствием его негодования было то, что, находя своё доминирование бесполезным, Аннэту потеряла самообладание, объявив, что в будущем Самоа может остаться один, что она не имеет больше желания оставаться с ним. Он спас её от гибели, управляя бригантиной, а она даже не разговаривала с ним, будто не могла, чудовище! Она в этот момент смело потребовала себе в распоряжение бак – для брига, безусловно, самую привлекательную часть судна – как её собственную, независимо выбранную квартиру. Что касается несчастного Велизария, то он мог бы занять то, что ему понравилось, в виде тёмной небольшой каюты.

В деле относительно дележа остатков добычи мегера вполне преуспела: к её долям прибавлялись кипа за кипой вместе с многочисленными ненужными деталями, различными и разнородными. Кроме того, она отложила себе прекрасный запас еды, дабы во всех возможных отношениях жить независимо от своего супруга.

Нелюбящая Аннэту! Неудачник Самоа! Таким путём создавшаяся пара творит свой развод: леди, ушедшая на отдельное обслуживание, – и Велизарий, возобновивший своё холостое одиночество. В отдельной каюте капитана, совсем холодной и неудобной, он спал; его леди удалилась в свой будуар на баке, где убивала время в молитве и перебрасывании и сортировке добытых ею нечестным путём вещей и нарядов; словно мадам де Ментенон, посвящающая свои прошлые дни и ночи сдержанности и ткачеству.

Но думаете ли вы, что это стало тихим концом их супружеских ссор? Ах, нет! Никакого конца той вражде, даже намёка на этот конец.

Теперь высланный с брачного ложа Велизарий переносил трудности без ропота. И чувствовал ли себя герой, которым он был, солдатом при демобилизации? Но что касается Антонины, то она не могла ни одного дня прожить с Велизарием и ни одного дня без него. Она сделала авансы. Но каким образом? Да просто врываясь в каюту и присваивая различные товары оттуда; в ловких надеждах на увеличение своей доли в заключительном соглашении под угрозой временной вспышки, которая могла бы последовать.

Но однажды печальную сцену препирательства прервал наконец внезапный громкий рёв моря. Выскочив на палубу, они узрели, что их несёт вперёд, к мелководу возле группы низких островов, до настоящего времени закрытых грядками облаков.

Руль был немедленно повёрнут, и корабль развернулся. Но в течение нескольких часов казалось сомнительным, что вследствие свежести бриза, осадки судна, неисправностей и уровня мелковода они избегут катастрофы. Но мореходные способности Самоа, объединённые с усердием Аннэту, сумели всё преодолеть; и бригантина была спасена.

О земле, куда они прибыли и где могли погибнуть, они ничего не знали; и по этой причине они сразу же решили держаться подальше от неё. Поскольку после фатального события, которое настигло «Парки» на Острове Жемчужных Раковин, они настолько убоялись столкновения с любыми островитянами, что сначала решили держаться открытого моря, избегая любого появления земли; полагаясь на то, чтобы, в конечном счёте, встретиться с каким-нибудь мимолётным парусом.

Несомненно, это решение доказало свою состоятельность, поскольку мореплаватель в этих водах не подвержен большему риску, чем в приближении к островам, которые, главным образом, охраняются рифами, лежащими вдали от берегов, и окружены опасностями настолько, что зелёная цветущая область в этих пределах располагается словно роза среди шипов; её трудно достичь, как сердца гордой девы. Хотя, однажды достигнув её, все три компонента – красная роза, яркий берег и мягкое сердце – становятся полными любви, цветов и всеобщего восхищения. Исключая Остров Жемчужных Раковин. Кроме того, в тех вообще-то спокойных водах небольшим судном Самоа, хоть и за сотни миль от земли, готовы были управлять самостоятельно как сам Самоа, так и Аннэту. «Парки» был столь мал, что одной рукой можно было достать всё на корабле; и очень легко было даже поднять маленькие топсели, поскольку первые неуклюжие попытки выполнить эту операцию вручную после неизменно приводили фалы к брашпилям, которые затем управлялись с предельной лёгкостью.

Глава XXVI

О ценности философии

Уже прошло много дней, а «Парки» продолжал плыть. Некоторые летучие рыбы привыкли к его знакомому слонявшемуся корпусу, и как ласточки строят свои гнёзда в тихих старых деревьях, так и они метали икру во множестве зелёных ракушек, которыми обросли бока корабля.

Чем спокойнее море, тем быстрее растут моллюски. В тропическом Тихом океане нескольких недель достаточно для того, чтобы упаковать ваше судно в броню из раковин. Обширные связки их прикрепляются к водорезу и если не поражают его насквозь, то очень препятствуют движению судна под парусом. И периодическое удаление моллюсков с бортов стало одним из занятий Аннэту. Да будет известно, что, как большинство фурий, эта дама была время от времени опрятной, хотя и капризной, любя чистоту урывками. Почему же эти моллюски часто беспокоили её, и она могла ходить вдоль борта с длинным багром, скovyривая их с боков судна? Это скрадывало утомительные часы, если ничего более, а затем она возвращалась к своим бусинкам и своим безделушкам, перебирая их снова и снова, бормоча о своей преданности и клеймя их, дабы Самоа не выкрал их из её запасов.

Впоследствии побег из мелководья совершался ещё много раз, покуда не зажили разногласия между прекрасной леди и её супругом. И, учитывая ведение домашнего хозяйства, что они делали в полном одиночестве на этом одиноком судне, чудом было то, что они должны были когда-либо ссориться. Развод и продолжающаяся жизнь в одной и той же арендуемой квартире только усугубляли ситуацию. Поэтому Велизарий и Антонина снова объединились. Но теперь, став мудрее и опытнее, они и не любили безумно, и не ненавидели, но принимали всё как есть; нашли возможность соединиться без надежды на раскол и сделали всё, что могли, дабы положить сражению конец. Аннэту пришла к заключению, что Самоа не должен быть полностью порабощён, а Самоа решил, что лучше всего уступить слабостям Аннэту и позволить ей присваивать те вещи, которые ей понравились.

Но, как и во многих случаях, вся эта философия брака не выступала против бесконечного контакта заинтересованных сторон. Когда мужские рты напоминают пчелиные соты, то намного лучше для восстановления былых времён ухаживания сделать их ещё более сладкими, подобно леди-пчёлам, складывающим в них свои сладости. Когда бездонные восторги мерцают в глубине глаз влюблённых, то лучше всего, когда их встречи чередуются с их отсутствием: вроде того, как это делали мой достойный лорд герцог и его герцогиня, Самоа и Аннэту, муж и жена, живущие в том же самом доме, всё ещё содержа на высоте свои отдельные чертоги. Герцог Мальборо, посещающий Сару, и Сара, посещающая Мальборо; смешнее не бывает.

Глава XXVII, в которой завершается предыстория «Парки»

Проносились дни, дни и дни; и, двигаясь теперь по этому пути, избегающему предательских зелёных берегов, которые часто попадались, «Парки» поворачивал то в одну, то в другую сторону, пока, наконец, уже нелегко было понять, в какой части водного мира он находился. Хорошо понимая пройденные опасности, Самоа впал в отчаяние. Но благословен будет невежественный! Поскольку в день его отчаяния его сильная старая любимая жена предложила ему укрепить сердце, ободриться и мужественно держаться по направлению к солнцу, следуя за которым они должны будут неизбежно достигнуть её дорогого родного собственного острова, где все их заботы закончатся. И, находясь в согласии, они скользили всё дальше, опускаясь по жидкой сфере океана.

В тот день, когда мы заметили их в нашей лодке, они увидели группу невысоких островов, которые вызвали у них немалую панику из-за их сходства с теми островами, где произошла уже описанная резня. Принимая во внимание, что они, должно быть, находились более чем в пятистах лигах от тех опасных мест, они всё же поменяли свой курс и обошли их и незадолго до заката, оставив острова за кормой, возобновили свой предыдущий курс. Но вскоре после этого они заметили нашу маленькую морскую «Серну», прыгавшую вдалеке по волнам.

Её они приняли за каноэ, посланное на их преследование.

Это разбудило и усилило их тревогу.

И когда, наконец, они почувствовали, что странный объект был лодкой, их страхи, вместо того чтобы быть развеянными, возросли ещё больше, поскольку их дикарское суеверие принудило их решить, что судно с белыми людьми, натолкнувшееся на них так внезапно, в открытом море и ночью, не могло быть ничем иным, кроме как фантомом. Кроме того, заметив нас обоих на «Серне», они представили себе нас призраками латиноамериканских индейцев. Тщеславие, которое удачно заглушило храбрость Самоа, как и у моего Викинга, вело к доказательству нашей нематериальности. Так, увидев нас решившимися высаживаться на бригантину после поспешного опрокидывания их движимого имущества, с целью переноса самого ценного наверх для сохранности они спрятали всё, что смогли, и вместе устроились на передней мачте; мужчина с мушкетом, женщина с мешком бус. Прилагаемые усилия уберечь эти сокровища от призрачного присвоения родились не в реальном страхе, что они могут быть украдены: это был просто момент дикой паники, которой они поддались. Не упрекайте её, сердечную игру Велизария: как и большинство бесстрашных воинов Фиджи, он, оставивший множество убитых врагов, не пройдёт десяти ярдов в темноте один, боясь призраков.

Их цель состояла в том, чтобы остаться на мачте до восхода, при наступлении которого они рассчитывали на уход своих гостей; тех, кто достаточно уверенно наконец запрыгнул на их корабль, таким образом подтвердив их худшие предчувствия.

Они наблюдали за нами долго и искренне. Но стоит сказать, что, когда они устроились на этой воздушной вершине, их семейные противоречия опять обострились, что, наиболее вероятно, было вызвано внезапной теснотой.

Однако мне кажется, что, используя в своих интересах наш спуск в каюту, Самоа в отчаянии сбежал от своей жены, и славный однорукий моряк проскочил от носа к корме мимо топ-мачты с мушкетом, висевшим на ремне за спиной. И получилось, что пара снова оказалась разделённой, хотя и несколькими ярдами, как будто оба находились на противоположных полюсах.

В течение всей долгой ночи они оба пребывали в большом недоумении относительно необычных гоблинов на борту.

С подобной любознательностью и тягой к выпивке супруги прежде никогда не сталкивались. Поэтому остыньте и систематизируйте: благоразумно остановить движение судна для обыска – лучше плана не придумать. Но что больше всего удивило их, так это наши факелы, вещи, не свойственные настоящим призракам. Затем наша еда и питьё на квартдеке, включая обдуманые движения и множество других одинаково странных действий, почти понятных Самоа для того, чтобы предположить, что мы были то ли тенями, то ли, в конце концов, людьми с луны.

Всё же они смутно отметили, что платья и штаны, которые мы носили, подобны тем, которыми капитан «Парки» награбил двоих латиноамериканских индейцев и в которых эти злодеи и были убиты. Это мнение, вместе с присутствием нашей китобойной шлюпки, объединилось с нашим предполагаемым лунным происхождением. Но затем эти рассуждения вернулись к первоначальному суеверному мнению о том, что мы были призраками убитых метисов.

Однако, когда во время последней части ночи мы, громко жуя наши булочки, находились под логовом Самоа, он, пристально следящий за нами, уже почти решил выстрелить в нас для установления нашей материальности. Но, к счастью, он решил повременить с реализацией этой идеи, отложив её до появления солнечного света, если к тому времени мы не должны будем испариться.

В сознании Аннэту почти сразу с нашей первой посадки на бригантину что-то в нашем поведении породило тайное сомнение относительно подлинности нашей атмосферной организации; и рядом с оставленными ей предположениями Самоа, когда тот сбежал с её стороны, её возбуждённый скептицизм усиливался всё больше и больше. Откуда мы прибыли, она не знала; достаточно того, что мы казались ей желавшими разграбить её собственные драгоценности чистокровной аристократки. Увы! Все её мысли – о, мои кнопки, мои гвозди, мои топоры, мои доллары, мои бусинки и мои коробки!

Пришедшая в отчаяние от этих мрачных предчувствий, она энергично встряхнула снасти, ведущие с её собственной высоты к Самоа, используя этот метод для пробуждения его внимания к безобразию, какое, по всей вероятности, продолжалось в каюте, и прелюдии к наиболее вероятному вторжению в её собственный конец судна. Отважившись, она повысила свой голос, без сомнения предложив застрелить нас, как только мы выйдем из каюты. Но невозможность передать Самоа своё понимание происходящего доказала бесполезность её преступного намерения.

Когда её худшие страхи были подтверждены, а мы уже проникли на бак, последовало такое отчаянное сотрясение снастей, что Самоа, должно быть, еле удержался в страхе быть сброшенным с оснастки. И это было столь сильное раскачивание, что вызывало громкий скрип дерева, который мы так часто слышали в то время, пока находились ниже, в квартире Аннэту.

И через люк передней мачты, открывавший вид на бак, дама могла глядеть на нас прямо сверху вниз, поскольку наши передвижения выдавали огни, которые мы несли. После нашего взлома её сейфа её негодование почти полностью победило её страх. Отсоединённый и брошенный на бак главный блок был уполномочен немилосердно разрушить череп Ярла, который был лучше виден с точки зрения воздушного наблюдателя, чем мой собственный. Но, брошенный вниз, он не причинил никакого вреда нашим головам и телам.

Наконец, уже рассветало, когда последовало открытие Ярлом жителя с грот-мачты, что дало возможность понять всё, что происходило вокруг нас на корабле.

И таковы, по сути, были первое, второе, третье и четвёртое действия из драмы «Парки». Пятое и последнее, включая несколько сцен, последует теперь.

Глава XXVIII

Обоснованные подозрения и кое-что о Калмычке

Хоть и изобилующий деталями, исполненными вкуса действительности, но рассказ Самоа сначала не казался в целом удовлетворительным. Но не то чтобы он был настолько странным: я слышал и более странные подробные описания.

Но одна причина, возможно, состояла в том, что я ожидал рассказ совсем иной, который бы подтверждал мои предыдущие предположения.

Но небольшое замешательство также было следствием того, что он видел острова предыдущим днём; хотя, после размышлений о том, что это, возможно, было случайностью, и также из-за немедленного изменения курса «Парки», «Серна» невольно и оказалась поблизости от корабля. Однако те острова не могли являться частью той цепи, которую мы искали. Они, должно быть, были некой областью, до настоящего времени не открытой.

Но кажется вероятным, думал я, что тот, кто, согласно его собственному мнению, проявил себя столь героически в спасении бригантины, должен стать жертвой такого детского испуга от простой встречи с несколькими моряками в открытой лодке, хорошо снаряжёнными и вооружёнными, как он сам, при его сопротивлении их завоеванию судна, если таково было их намерение? Напротив, не было ли более естественным в его тоскливой ситуации приветствовать наш подход с предельным восхищением? Но, с другой стороны, мы были приняты за призраков не из плоти и крови. В целом я расценил рассказанное несколько подозрительно. Но он встретил мой пристальный взгляд с пониманием. В это время Аннэту, стоящая рядом, смотрела так многозначительно и по-амазонски характерно, что мои сомнения начали дрогнуть. И, вспоминая все мелкие инциденты их истории, понимаю, настолько трудно вызвать в воображении всю остроту деталей, чтобы они оказались лживыми; нет, это казалось настолько трудным, как и наколдовать их, и мои подозрения наконец отступили. И я больше не смог испытывать каких-либо предчувствий.

Говоря напрямую, мог ли Самоа сочинить такой ужасный рассказ о той резне, если не для сокрытия некой трагедии, ещё более зверской, в которой он сам был участником преступления? Гипотеза, которая, по очевидным причинам, казалась вне рассмотрения. Правда, мне были известны полуцивилизованные существа, такие как Самоа, которые, являясь частью экипажей судов в этих морях, внезапно набрасывались на своих белых товарищей по команде и убивали их ради разрушения судна на берегу некоего близлежащего острова и разграбления его содержимого, когда корабль оказывался на мели.

Если он имел и ставил цели относительно «Парки», то где остальные мятежники? Не было никакого конца моим гипотезам, и чем больше я перебирал их, тем больше они умножались. Поэтому, не желая мучиться самостоятельно, когда ничего не могло быть изучено мною, я укрепился в симпатии в отношении к героизму Самоа; я уступил всему, решившись отдохнуть, полностью полагаясь на островитянина.

Ярл, однако, отнёсся к рассказу скептически и так никогда и не смог полностью ему поверить. Он упорно твердил, что эльфы наверняка сумели что-то сотворить с «Парки».

Когда моё собственное любопытство относительно бригантины было удовлетворено, Самоа сам превратился в следователя. Он желал знать, кем мы были и откуда мы прибыли в нашей изумительной шлюпке. Пораскинув мозгами, я решил, что лучше всего отказаться от правдивого рассказа; ведь в представлении Самоа раскрытая правда уменьшила бы его уважение к нам как к мужчинам, стоящим выше его по уровню знаний и опыта. Поэтому я довольно неопределённо поведал о наших приключениях и решительно принял сторону владельца нашего бывшего судна, что, как я почувствовал, не оскорбило Островитянина. Что же касается Ярла и его желания что-либо рассказать, то я воспользовался первой возможно-

стью, дабы внушить ему важность молчания о нашем бегстве с «Арктуриона», и попросил его не давать никаких своих комментариев, – инструкции эти он искренне обещал соблюдать.

Если с самим Самоа, несмотря на его дикие черты и искаленную руку, я как-то нашёл общий язык, то гораздо менее я примирился с Аннэту, которая, обладая всеми конечностями, была молодой, миловидной, но весьма враждебной и чрезвычайно неприятной в моих глазах. Кроме того, она была тигрицей. Всё же, как избежать восхищения теми качествами Царицы амазонок, которые так заметно помогли Самоа в спасении «Парки» от его предательских похитителей? Однако было обязательно, что ей должно было сразу вернуться под благоразумное подчинение и, сделав это, знать, раз и навсегда, что, оставаясь по-супружески мятежной, она должна согласно морскому закону оставаться покорной. Иначе идти морем с Калмычкой на борту казалось почти невозможным. Для большинства военных морских пехотинцев это запрещено законом: ни один офицер не может взять с собой свою Пандору с её ящиком без контроля.

Между прочим, это же самое имя, Пандора, присваивалось судам. Существовало британское судно с этим именем, посланное на поиски мятежников с «Баунти». Но всем, вплоть до старой смолы, владела пророченная именем судьба. Привязанное к дому, оно было разбито на рифе у Нового Южного Уэльса. Пандора, воистину! Симпатичное название судна: справедливый удар Судьбы по лицу. Но в этом вопросе крещения военных судов христианские страны слишком часто теряют голову. Засвидетельствуйте следующее: британец называет все свои суда – «Завоеватель», «Вызов», «Мечь», «Вспылчивый», «Дреднот», «Громовержец» и «Потрясающий». Не забудьте «Этну», которая в пути на Корфу была поражена молнией, выдержав полученный с небес огонь. Но громоотвод Франклина, почти столь же мощный, как и посох Мои сея, обеспечил ей спасение.

С вышеупомянутым каталогом имён сравним французские, вполне схожие с особенностью стремлений месье:

«Судьба», «Великолепный», «Великодушный», «Волшебный»,

«Завоеватель», «Торжествующий», «Упрямец», «Бесстрашный», «Монблан». Наконец, испанцы; кто рылся в богословии мировой религии для прекрасных названий боевых кораблей, те не остановились при наречении одного из их трёхпалубных судов именем самой Святой Троицы. Но хотя в Трафальгаре

«Святая Троица» гремела, как Синай, её громы заставила замолчать победная канонада «Победы».

И, не будучи разнесёнными в осколки артиллерией, сколь ко же из этих «Устрашающих» и «Невидимок» уступили волнам, как хвастуны, которых отправили на дно ураганы вместе с их бравадами, начертанными на бортах.

Намного лучше американские имена (запрещающие «Скорпионов», «Шершней» и «Ос»): «Огайо», «Вирджиния», «Каролина», «Вермонт». И если даже когда-нибудь эти янки столкнутся с большими морскими проблемами – Боже упаси! – как здорово, поэтически говоря, расположить целый объединённый флот и растечься дальше по широкой поверхности от Флориды до Мэна. Да, да, действительно, очень славно! И как же тогда в этом гордом вое орудий спрятать изумление миролюбца Пенна и увидеть самого могущественного убийцу из всех из них, большую «Пенсильванию», полную его тёзку. Действительно, Оружие Пенсильвании должно быть деревянным, называемым военными мужами «квакерским».

Но всё это – эпизод, составленный из отклонений. Время повернуть судно и вернуться.

И вот, в надлежащем месте я забыл упомянуть, что вскоре после спуска с оснастки и в то время, когда Самоа повторял свой рассказ о приключившемся, мадам Аннэту спустилась вниз на бак проверить состояние своего движимого имущества. И, найдя всё в великом беспорядке, возвратилась на палубу необыкновенно взволнованной, где, сердито глядя на Ярла и меня, вывалила целый поток упрёков в оба уха Самоа. Это презрение к моему присутствию сначала

удивило меня; но, возможно, женщины менее склонны бывают впечатлёнными претенциозным поведением, чем мужчины.

Сейчас, используя боевую терминологию, скажу, что нет ничего лучшего, чем атака на врага под прикрытием дымовой завесы. И поэтому, увидав у Аннэту качества фурии, я дал ей понять – попросив её прощения – то, что ни судно, ни что-либо на нём не являлись её собственностью; но что каждая вещь принадлежала владельцам в Лахине. Я добавил, что существует опасность, что в любом порту или на стоянке её могут поместить под стражу по обвинению в воровстве. Грубая фраза для женских ушей; но как её избежать? Здесь была страстно увлечённая женщина, которая, согласно подсчёту Самоа, неоднократно заставалась на месте преступления пытающейся вывернуть болты, которые скрепляли доски. Скажите мне, была ли она хуже, чем каменная скала, упавшая на проплывавшее под ней крепкое судно?

Во время этой сцены Самоа говорил мало. Возможно, он был тайно рад, что его супружеская власть была укреплена мной и моим Викингом, чьи представления о надлежащем положении жён в море также полностью совпадали с его собственными; однако их трудно было практиковать, хотя чисто теоретически эти идеи уже были доказаны.

Много раз, повернувшись к Аннэту, рассматривая любой вопрос с любезностью, я наблюдал, что все её шумы были бесполезны; и что если это и вело к худшему, то у «Парки» оставался корпус, который был незыблемым.

В конце концов она ушла в припадке плохого настроения; усевшись на брашпиль и свирепо глядя, подбоченясь и раскачиваясь из стороны в сторону, во время чего вскоре она принялась произносить мрачные призывы. Это звучали обращения к чолос, чтобы те появились и изгнали нас.

Глава XXIX

Что они обнаруживают при дальнейшем осмотре судна, и какое решение они принимают

Спускаясь в каюту с Самоа, я предложил ему разыскать документы бригаантины, письменный стол капитана и навигационные инструменты; одним словом, что-то, что могло пролить свет на предыдущую историю судна или помочь в его возвращении.

Но почти каждая из этих вещей, по словам Самоа, исчезла из виду: документы, квадрант и судовой журнал. Ничего не осталось, кроме футляра от секстанта, который Ярл и я увидели в каюте.

Когда я услышал такой ответ, мои подозрения снова усилились, хоть они и не исчезли, и я сразу подверг сомнению слова Островитянина об исчезновении столь важных вещей. В ответ он дал мне понять, что навигационные инструменты тайно унесла вниз на бак Аннэту и этой неутомимой и любознательной дамой они были полностью демонтированы для изучения. Теперь уже было невозможно их восстановить, поскольку многие элементы были потеряны, включая цветные стёкла, прицелы и небольшие зеркала; и многие детали, что удалось найти, были настолько разбиты и сломаны, что стали полностью бесполезными. Позже в течение нескольких дней мы время от времени натыкались на фрагменты квадранта или секстанта, но смогли только объявить по ним траур.

Однако, хотя секстант и квадрант были вне досягаемости, я не стал сразу отказываться от надежды на обнаружение хронометра, который, если и остался в хорошем состоянии, пусть даже и в нерабочем, всё же мог бы быть приведён в пригодное к эксплуатации состояние. Но и его мы найти не смогли. Нет, ничего не удалось услышать о нём от Самоа, который и тут проявил чрезвычайное невежество.

Я серьёзно поговорил и даже пригрозил Аннэту, описав хронометр как живое, круглое существо вроде жабы. И хоть Аннэту даже повторила кваканье, которому я подражал, но она ничего не знала о приборе. Посоветовалась ли она по этому вопросу с Самоа и продумала ли сама, как обычно, теперь уже было невозможно определить. Действительно, по этому вопросу она сохраняла молчание в такой несгибаемой глупости, что если бы она действительно что-то выдумала, то её самообладание глухой стеной заслонило бы потребность словесного обмана.

Возможно, однако, что этой вещицей она была обделена; на многих малых судах, как «Парки», никогда, как правило, не имеется указанных инструментов. Все мысли, а следовательно, все ориентиры относительно нашего пути, который вёл нас всё дальше и дальше в дикие воды, были бесплодными.

Судовой журнал также составил часть украденного Аннэту. Оказалось, что она взяла его в свою студию для раздумий. Но после самостоятельного изучения, ещё и ещё перелистав его и удивившись тому, как много различных листочков уместилось в столь малом объёме, она весьма внезапно почувствовала отвращение к литературе и выкинула книгу за борт, как ничего не стоящую. Несомненно, такую же судьбу разделили многие другие тяжёлые тома; они утонули быстро и глубоко. Может, они вынырнут на блошиных рынках в Камдене или Стоуи?

Однажды вечером Самоа принёс мне четверть от половины листа желтоватой, шершавой бумаги, очень грязной и покрытой дёгтем, которую он обнаружил в тёмном отверстии на баке. Это явно была часть потерянного журнала; но всё написанное в ней, к тому времени разобранное и прочитанное, не передало информации относительно того предмета, что был ближе всего моему сердцу.

Любой прочитавший его не мог не быть поражён трагическим происшествием, которое здесь очень кратко было описано; так же, как и примечательно нарисованной иллюстрацией,

поместившейся на краю листа. Благодаря краткости, не проглядывалось никаких дальнейших аллюзий в таком случае, как этот: «В этот день, во время штиля, Тубои, один из мужчин из Лахины, купался в море и был съеден акулой. Немедленно послали за его сумкой».

Тогда это последнее предложение включало двойное значение. Это – правда, что сразу после смерти одинокого моряка в море его товарищи по плаванию часто забирают себе его имущество и делят его; хотя одежду мертвеца редко носят до последующего путешествия. Этот делёж кажется бессердечным. Но моряки рассуждают следующим образом: лучше мы, чем капитан. Поскольку, согласно закону, писаному или неписаному, имущество моряка, умершего на борту судна, должно быть сохранено офицером. Но поскольку моряки главным образом суть подкидыши и потерпевшие кораблекрушение и носят всё своё на руках и ногах, то среди них почти никогда не появляется какого-либо наследника по закону, требующего состояния покойного, а само наследство редко стоит столько же, сколько наследство графа Эстерхази. Изъятие «комплекта» мертвеца от бака до каюты часто проводится в противовес присвоению аналогичного имущества капитаном. Во всяком случае, на маленьких судах в долгих путешествиях так и происходит.

Говоря более, вышеуказанное предложение из судового журнала «Парки» было сочтено несколько неоднозначным. В тот момент я воспринял его как исключительное событие; сумка несчастного нищего водолаза не могла содержать какие-либо ценности, если, конечно, он не прятал там некий жемчуг Клеопатры, преступно извлечённый из раковин, выловленных в море.

В стороне от вышеуказанного абзаца находился весьма реалистично выполненный эскиз, нарисованный чернилами, изображавший сей несчастный случай: ноги бедняги были представлены на середине пути в процессе глотания его акулой, его руки твёрдо ухватились за зубы монстра, как будто он изо всех сил героически сопротивлялся со всей возможной стойкостью.

Но, без сомнения, честный капитан сделал набросок этого памятника покойному со всей сердечной искренностью; возможно, во время печального досуга, который последовал за катастрофой. Несколько штрихов на странице были наполовину размазаны; по-видимому, то были вялые следы одной или двух солёных слёз.

От этого лишённого приукрашивания текста у меня родилось убеждение, что художник когда-то, должно быть, сам занимался китобойным промыслом. Я уже видел судовые журналы некоторых китобойных судов, украшенные несколькими подобными иллюстрациями, сделанными индийскими чернилами.

Когда киты бывают замечены, но не забиты, этот факт отражается рисунком в общих чертах самого стада, в виде широких изогнутых лопастей их хвостов. Но в тех случаях, где чудовище преследовалось и было убито, эта схема предстаёт закрашенной до угольной черноты, по одному хвосту на каждого убитого кита, представляя поражённых животных при переворачивании страниц; тем самым облегчая ссылки. Поэтому это выглядит довольно внушительно при созерцании всех подряд, трёх или четырёх, а когда-то пяти или шести таких рисунков, показывающих, что столько-то монстров в тот день выпустило свой последний фонтан. И старший помощник, в обязанности которого входит вести судовую журнал, вообще гордится красотой и точным сходством с жизнью, его счастливыми мгновениями; хотя, сказать по правде, многие из этих художников совсем не Ландсиры.

После тщетного поиска в каютах вещей, считавшихся самыми необходимыми, мы продолжили исследовать области, в которые пока ещё не проникали. Здесь мы нашли множество жемчужных раковин, кокосовые орехи, изобилие пресной воды в бочках, запасные паруса и оснастку, а также более пятидесяти бочек с солёной говядиной и булочками. На этих неромантичных упомянутых объектах я задержался довольно долго, и даже очень. На крышке каждой из бочек красовалось клеймо с названиями мест в Америке, с которыми я был хорошо

знаком. То были клейма американских магазинов, обеспечивавших провизией некоторые суда, приплывающие с Гавайских островов.

Затем, познакомившись со всеми вещами уважаемого «Парки», которые можно было как-либо изучить, я отправился на квартердек и, собрав вокруг себя Самоа, Аннэту и Ярла, обратился к ним со всей серьёзностью.

Я сказал, что ничто не даст мне большего удовлетворения, чем возможность немедленно возвратиться к месту резни и наказать её организаторов. Но поскольку нас всего четверо и местоположение тех островов мне совершенно неизвестно, – а если б даже и было известно, то находится вне нашей досягаемости, – то, так как мы не обладаем навигационными инструментами, становится ясно, что вся идея возвращения туда будет полностью бесполезной. Последняя из упомянутых причин также препятствует нашему продвижению к гавайской группе островов, где судно приписано; хотя это было бы самым желательным шагом, завершающим, в случае успеха путешествия, возвращение злополучного судна его владельцам. Но, учитывая все обстоятельства, казавшиеся важными, я добавил, что необходимо осторожно держать наш путь к западу. Это был наш самый лёгкий курс, поскольку мы тогда имели бы ветер с кормы. И хотя мы не могли, как надеялись, достигнуть любой точки, ранее намеченной, всё ещё оставалась положительная уверенность, что если мы проплывём достаточно долго до встречи с островами, где уже можно будет уточнить курс, то оттуда, если мы решимся идти дальше, можем позже направиться в нужную сторону. Я тогда напомнил им о факте, что, пока мы идём морем, всегда остаётся некая перспектива встречи с дружественным парусом, в случае чего наша задача была бы решена.

Всё это я сказал спокойным, твёрдым тоном начальника, обеспокоенным и сразу принявшим не подвергаемое сомнению превосходство. Поскольку иначе Ярл и я могли бы скорее оставить судно немедленно, нежели остаться на борту, подвергаясь диким капризам Аннэту, которая через Самоа влияла бы на всё происходящее. Но я был уверен в своём Викинге, а если Самоа станет подчиняться, то можно будет не бояться его дамы.

И потому во время своей речи я внимательно следил за ним; таким образом, изучив достаточно, дабы убедиться, что, хотя он и подчинился мне в открытую, но, несмотря на отсутствие вредных мыслей, не мог в случае чего сыграть дурную роль. Но в его храбрости и первобытной честности, той, что он обладал, у меня было мало сомнения. Тогда дикому буйволу, каким он был, одетому в супружеский хомут, полагаю, как ни крути, наше общество должно было бы понравиться, как альтернатива печальной тирании его супруги.

Как заклёванный муж, между прочим, Самоа представлял ужасное зрелище. Но, в конце концов, мне он понравился; ну, представьте себе пламенного коня со взъерошенной гривой, как укрощённый молодым Александром Буцефал: дикий конь после похлопывания предпочитает держаться уздечки. Но остальное о Самоа мы расскажем уже скоро.

Наш курс определился, и команда судна молчаливо подчинилась мне, получив первое задание, состоявшее в том, чтобы привести в порядок каждую вещь. Изодранные паруса были заменены другими, вытасенными из кипы парусов в нижней каюте; в нескольких местах появился новый бегучий такелаж; блоки были повторно связаны, ослабленные элементы и паруса установлены и приподняты. Всем этим мы были главным образом обязаны моему Викингу, неутомимому и квалифицированному шведу, обладателю скипетра в этом ремесле.

Наведя порядок на маленьком «Парки» впервые с момента резни, мы подставили бризу новое одеяние, состоящее из квадратных форм, и он изящно побежал вперёд; старый благородный Ярл у руля осторожно правил, как некий старый посвящённый приёмный отец.

Поскольку я стоял рядом, как капитан, или ходил вверх и вниз по квартердеку, то чувствовал большую важность от принятия впервые в моей жизни командования морским судном. Романтика обстоятельства в данном случае только усиливала это чувство: дикая местность

и отдалённые моря, где мы были, характер моей команды и соображение, что, в конце концов, я и был хозяином, как командующий судном, на котором находился.

Глава XXX

Штрихи к портрету Самоа

Моё личное намерение зайти в архипелаг Королевская миля или смежные страны очень усилилось из-за общения с Самоа; и чем больше я общался со своим Велизарием, тем больше я оставался им доволен. И при этом я не мог избежать поздравлений самому себе ввиду присоединения к герою, который в различных обстоятельствах не мог потерпеть неудачу, что доказывало всё произошедшее с ним.

Как у любого значимого человека, вид Самоа лучше всего говорил сам за себя, но мы можем хорошо передать некоторую идею его личности. Выглядевший достаточно мужественно, скорее, обладая мощной фигурой, дикарь был далёк от того, чтобы быть сентиментальным. Пусть вас это не пугает, но он носил свой нож в мочке своего правого уха, которое, постоянно удлиняясь, почти достигло его плеча. Способ вкладывания его в ножны был чрезвычайно удобен, а сам нож имел размер намного меньше, чем бандитский горский кинжал, скрывающийся в гетрах шотландца.

Но вот что сделала мать Самоа, которая когда-то проколола его насквозь и в другом месте. Средний хрящ его носа как бы немного выпирал и был похож на готический, с пробитым в нём отверстием, в котором, подобно собаке-нюфаундленду, несущей тростник, Самоа носил украшение: хорошо отлакированный коготь.

В других деталях внешности он тоже выглядел щёголем. В своём стиле он имел, например, татуировку, которая казалась не совсем законченной; она покрывала его тело, но только по его вертикальной половине, от тмени до подошвы; другая же сторона была лишена малейшей окраски. Поэтому внешне он был похож на союз непревзойдённых половин двух различных существ; и ваше воображение терялось в догадках, где бродят отсутствующие половины. Когда он внезапно оборачивался к вам, то казалось, что вы видите кого-то другого, но не того, кого вы видели прежде.

Но была ещё одна особенность у Самоа, находящаяся вне досягаемости искусственных новшеств, – его необыкновенные глаза, которые сияли в глазницах цивилизованного человека или дикаря так же ярко, как они сияли при рождении. Действительно, наши глаза – вещь удивительная. Но, увы, в большинстве случаев эти божественные органы бывают простыми линзами, вставленными в углубления, как стёкла в зрительные оправы.

Но у моего Островитянина была душа в глазах: они наблюдали за вами так, как будто кто-то находился в них. Это надо видеть, чтобы убедиться! Время от времени они изменчиво блестели, как опал; в гневе – пылали, как сталь в состоянии белого каления.

Велизарий, как вы помните, совсем недавно потерял руку. Но вы решили бы, что он родился без неё; подобно лорду Нельсону, он высокомерно щеголял своим благородным обрубок.

Но мы больше не будем говорить про Самоа, только скажем следующее: этим именем нарёк его морской капитан, предложивший название островов – Савийан или Самоанская группа, иначе известная как Острова Навигатора, – его уроженцу. Остров Уполуа, один из той группы, удостоился особой чести его рождением, и как Наполеона называют Корсиканцем, так и мы будем иногда в этой традиции говорить о Самоа как об Уполуа. Он очень любил, когда его называли этим именем.

Как-то негалантно, что мы не перешли к леди. Но что стоит сказать об Аннэту? Пока я живу, я не могу написать приятный портрет этой дамы, поскольку лесть усугубляет неприязнь к уродливым предметам. Кроме того, непроходимое уродство должно оставаться без иллюстрации, как что-то ненужное, не требующее описания. Но единственное уродство – это урод-

ство сердца, отражённое на лице. И хотя красота предстаёт в очевидности, только очарование незримо.

Глава XXX I

Бродя вниз и вверх

Все знают, какое восхищение вызывает блуждание вверх и вниз по старой пустой арендуемой квартире в некоей тёплой мечтательной стране, где в свободных комнатах эхом отражается тишина, открытые двери скрипят, как шаги незнакомцев, а тёмные ветви деревьев старого сада лезут в каждое окно, словно руки ночных грабителей; и как только начинаешь прибавать деревянную обшивку, то позади неё, как будто игральные кости, начинают грохотать мыши. Вверх и вниз в таком старом доме любят блуждать призраки, особенно если место связано с некоей удивительной историей.

И во время сонливой неподвижности тропического морского дня в плену у таких размышлений оказался я, решив изучить получше нашу небольшую бригантину, чей трагический корпус наследовал память о резне, всё ещё неся её неисчислимы следы.

И желание тихой прогулки и мечтательности овладело мной оттого, что мне казалось, будто вокруг никого не существовало. Самоа, например, резервировал себе для собственных размышлений какое-то время. И Аннэту редко беспокоила меня своим присутствием. Она была связана дружбой со своими набивными ситцами и драгоценностями, которые я разрешил ей сохранить, чтобы держать её в хорошем настроении, насколько это представлялось возможным. А что касается моего королевской крови старого Викинга, то он был одним из тех людей, которые редко говорят, и только тогда, когда к ним обращаются лично.

Кроме того, всё, что было необходимо днём для управления «Парки», состояло в том, что кто-то должен был стоять у руля; судно было настолько маленьким, а точка, где стоял рулевой, так приподнята, что он видел далеко за бушприт, таким образом производя бдительное наблюдение за морем, необходимое для управления нашим движением вперёд. Во всех других отношениях мы предоставили бригантину опеку нежных ветров. У меня была моя собственная очередь у руля – хоть я и был командиром, но чувствовал себя принуждённым разделить эту обязанность с остальными, всего один раз за двадцать четыре часа. И я не только назначил Ярла и Самоа исполняющими обязанности рулевых, но также и госпожу Аннэту, которая стала довольно опытной в этом деле. Хотя Ярл всегда утверждал, что имелся небольшой недостаток в её склонности к этому призванию. Слишком часто любясь своим прекрасным изображением, частично отражённым в стекле нактоуза перед нею, Аннэту время от времени пренебрегала своей обязанностью и вела судно некими окольными зигзагами. Но она была, я думаю, не первая женщина, которая когда-либо приводила мужчин в нервное состояние.

По вышеуказанным причинам у меня оставалось много свободных часов, когда я поднимался наверх и бездельничал в петлях топселя – одного из многих аккуратных укромных уголков в оснащении судна – и, пристально вглядываясь в даль синего безграничного моря, задавался вопросом, не исчезла ли та неизвестная земля, до которой мы были обречены дойти. Или в состоянии некоторой задумчивости я бродил туда и сюда, скользя, замирая, от одной мачты до другой, взбираясь наверх, до самых верхушек мачт, или появлялся на концах переключков, исследуя всё и везде, где удавалось задержаться. Это походило на лазание по могучему старому дубу и отдых на его ветвях.

Для моряка корабельные канаты – предмет изучения. И для меня каждый верёвочный узел «Парки» представлял интерес. Причудливый фасон его покровов, его стоячих воротников, стремлян, петрулиней, фламандских узлов, прокладок – вся диковатость его оснащения демонстрировала определённые следы его происхождения.

Но, возможно, мои приятные часы были теми, что я провёл, растянувшись на груде старых парусов у передней мачты, лениво дремля под лёгкой качкой судна.

Часто я спускался в каюту, в пятидесятый раз исследуя шкафчики и купе в поисках новых любопытных объектов. И часто с мерцающим фонарём я входил в непреходящую полночь, как в старые хранилища и катакомбы, и проползал между влажными боками бочек, через которые проникал в самые удалённые места.

Иногда, пролезая змеёй по ним, я освещал различные удалённые укрытия Аннэту, где уютно прятались разные вещи, которыми она была поражена. По правде говоря, немалая часть корпуса оказалась складом товаров, украденных из собственных внутренностей. Я обнаружил лихую береговую кепку капитана, скрытую в полой сердцевине верёвочной катушки, закрытой в наиболее трогательной естественной манере кучей старых верёвок, а поблизости, в бочонке, несколько целых рулонов набивного ситца, героически связанных вместе шнурами столь крепко, что такими узлами можно было удержать грот-мачту.

Рассеянный свет, который, когда люк бывал открыт, падал вниз, в эту часть трюма, освещал огромный торец деревянного пня, укороченного, как Карл Первый. И здесь была циновка, явно распостёртая для отдыха: открытие, которое часто помогает разгадать загадку. Нередко Аннэту внезапно пропадала; и хотя от бушприта до кормы её громко призывали появиться поскорее и снять беспокойство с её взволнованных друзей, дама оставалась пропавшей, тихой и невидимой, как дух. Но в её собственное предпочтительное время она загадочно появлялась или была внезапно замечена спокойно бездельничающей в баке, как будто у неё впереди имелась целая вечность. Бесплезно было спрашивать: «Где вы были, милая Аннэту?» Ответ оказался бы совсем не милым.

Но теперь проблема была решена. Здесь, находясь в этой тихой бочке, Аннэту имела привычку сворачиваться подобно змее, лежащей под камнем.

Стерегла ли она таким способом свои секреты, словно часовой, ходящий вокруг склада с товарами; выполняла ли она здесь епитимию, как монахиня в своей келье, или пришла к этому необъяснимому чудачеству под влиянием воздуха, сказать было невозможно. Может, у вас будет своё объяснение?

Воистину, её пути были подобны путям непостижимых пингвинов в строительстве их непостижимых гнёзд, которые потрясают всю науку и превращают мудреца в дурака.

Изумительная Аннэту! Кто сможет тебя понять?

Глава XXX II

Xiphias platypterus

В какое-то время одиночество в нашем путешествии было скрашено событием, которое стоит описать.

Начиная с бегства с Острова Жемчужных Раковин «Парки» сопровождали косяки рыбок, приятно оживлявших море и плававших вокруг корабля. Но напрасно Ярл и я искали в их рядах маленькую, стальной синевы рыбу-пилота, так долго эскортировавшую «Серну». Но поскольку «Серна» находилась теперь высоко и сохла на палубе «Парки», наши умные маленькие курьеры-докладчики выписывали свои восьмёрки глубоко в морской воде, несясь впереди возле киля.

Но не рыба-пилот интересовала нас.

Однажды утром наше внимание было привлечено к сильному волнению в воде. Косяки рыб бросались туда и сюда и выпрыгивали из воды в предельном страхе. Самоа объявил, что это их смертельный противник, рыба-меч, должно быть, находится где-то рядом.

И здесь позвольте мне сказать, что из всех хулиганов и хвастунов, храбрецов и флибустьеров, и Гекторов, и стражников, и странствующих рыцарей, и пограничных разбойников, и ассасинов, и бандитов, и галантных солдат, и бессмертных героев, которые плавают в морях, индийская рыба-меч является, безусловно, самой удивительной, и я предлагаю посвятить эту главу специальному описанию этого воина. В выполнении чего я не последую примеру всех летописцев и историков, моего друга Тацита с Пелопоннеса и других, которые когда-то уделяли много места для биографий выдающихся разрушителей; с целью, без сомнения, поддержания их статуса деятелей мирового значения.

Итак, рыба, здесь рассматриваемая, является существом отличным от меч-рыбы, часто посещающей Северную Атлантику; намного удлиняющей путь каждого и ускоряющей скорость кораблей. Кроме того, так называемая индийская рыба-меч отличается от своего вышеупомянутого тезки. Но морякам в Тихом океане она обычно известна как рыба Билла; в то время как тем, кто любит науку и чёткие имена, да будет известно, что среди образованных натуралистов она называется диковинным именем – *xiphias platypterus*.

Но я отказываюсь для своего героя от всех этих его фамилий и заменяю его намного лучшим одним моим собственным, а именно – Кавалер. И Кавалер этот обладает хорошими правами и титулом. Истинный вассал смуглого принца Эдварда в те славные дни, когда все господа были известны своими мечами; тогда как в настоящее время, исключая рыбу-меч, они, главным образом, известны своими высокими полированными ботинками и ротанговыми тростями.

Доблестный, отважный и бойкий Шевалье – наш герой,двигающийся со своим длинным толедским мечом, постоянно выставленным вперёд. Положитесь на него, он будет сражаться рядом с вами рука об руку, у его костистого лезвия никогда не бывает ножен. Он сам отказался от них при рождении; да, в тот момент он впрыгнул в Сражение из Жизни, как и мы все, смертные, сами при рождении голые и неодетые. Всё же мы сами, скорее, являемся ножнами для наших душ. И привлекательность души гения ярче, чем привлекательность меча Саладина. Но сколько времени отведено их стальному сну, поедающему сначала сами ножны, а затем и разъедающему всё остальное до ржавчины цвета жареного картофеля? Видели ли вы когда-либо пригорки из старых испанских якорей и якорные запасы древних галеонов у залива возле Кальяо? Мир наполнен старыми оружейными башнями, ветхими венецианскими арсеналами и ржавыми старыми рапирами. Но истинные воины полируют свои славные лезвия яркими утренними лучами и опоясывают ими свои храбрые филеи, и наблюдают за пятнами ржавчины

на оружии своих противников, и при помощи множества крепких ударов и выпадов сохраняют металл блестящим и хорошо отточенным, словно копьё северного сияния в Гренландии.

Искры от кремня – наш разгневанный Шевалье. Он обижается на киль любого судна, пересекающего ему дорогу, и немедленно проделывает в нём отверстие; с одним безумным желанием вонзает он своего чистого Андреа Феррару до конца, нередко ломая свой короткий меч у рукояти, храбро оставляя своё лезвие в наиболее важных частях тела своего противника. В случае с английским кораблём «Гончая» лезвие проникло через самую твёрдую часть его корпуса, наклонную, полностью пройдя через медные пластины и древесину, и вышло на несколько дюймов из неё. По возвращении судна в Лондон оно было тщательно распилено и выставлено в оригинале, как окаменелость, в полной сохранности. Но то было сравнительно безопасное нападение отважного Шевалье. Судно «Руссо» из Нантакета испытало большие трудности. Ему нанесли почти смертельный удар: его противник забрал своё лезвие. И только под лязг насосов судну удалось дойти до таитянской гавани, «прилечь на кровать» (войти в док) и при помощи хирурга залечить свою рану смолой и паклей. Это судно я встретил в море вскоре после бедствия.

В каком оружейном складе наш Шевалье восполняет потери после одного из своих злобных сражений, сказать нелегко. Но ему, оказавшемуся в списках безоружных и разоружённых, очень трудно будет рассчитывать на милосердие какой-либо подлой акулы, с которой он может повстречаться.

Сейчас, видя, что наши товарищи-путешественники, маленькие рыбы-спутники, были очень измучены и сокращены в численности вторжениями упрямого Шевалье, стряпавшего себе из них обильный завтрак, я решил за них вступить и захватить врага.

Акульим крюком и лесой я с успехом вытянул своего храброго джентльмена на палубу. Он совершил резкое приземление, упёршись о доски своим жилистым хвостом, в то время как на полтора ярда далее перед его глазами простиралось его ужасное лезвие.

Как победитель, я был наделён правом на плавники побеждённого; поэтому, быстро разделав его и отпилив толедский меч, забрал его как трофей. Лезвие было трёхгранным, немного вогнутым с каждой стороны, как штык, и приблизительно трёх дюймов в основании, сходящееся на нет остриём. И хотя оно закалено было не в Тахо и Гвадалквивире, но всё же, как показывает его поверхность, волнистое зерно и водянистые чешуйки характерны для закалённых лезвий Испании. Это был ароматический меч, как дерево калиф, выделяющее специфический мускусный аромат при трении. Не сильно отличающийся от стали Тахо или Дамаска, он был нестигаем, как ствол винтовки Крокета, и потому, без сомнения, смертелен.

Долго провисевший, подобно рапире, в изголовье моего гамака, был ли он так же знаменит, как хорошее острое лезвие храброго Баярда или другого рыцаря? Рыцарь, возможно, убил с десятков врагов или пять десятков, но оружие, мной сохранённое, несомненно, разрезало и пронзало их тысячами.

Глава XXX III

«Отард»

И вот ещё небольшой инцидент.

Однажды днём, в одиночку из любопытства проникнув в трюм, я неожиданно получил доказательство, что злополучный капитан «Парки» был человеком здравого рассудка и самого взыскательного вкуса. Короче говоря, я обнаружил ароматную бочку славного старого коньяка «Отард».

Сейчас я не хочу говорить легкомысленно о какой-либо вещи, непосредственно связанной с неудачливым капитаном. Но, с другой стороны, стоит ли изображать безутешного скорбящего, который среди других скорбящих повязал бы траурный креп о своём умершем друге Джо Миллере? Годится ли? Но позвольте это пропустить. Я нашёл «Отард» и пил его, сочтя его, кроме того, самым приятным по вкусу и аромату, радующему душу. Мой следующий импульс состоял в том, чтобы разделить мой приз с моими товарищами по плаванию. Но здесь разумней будет предусмотреть события. От морских монархов, своих предков, мой Викинг унаследовал одно из их кардинальных достоинств, а именно отвращение ко всем винам и спиртным напиткам; но поскольку он давно не видел выпивки, то немедленно выпил бы всё, что было бы ему предложено. Будучи терпеливым, как Александр Великий и другие монархи, Ярл был склонен к долгому ожиданию. И хотя в море он был более трезв, чем Пятый старейшина при Монархе, так только потому, что находился тогда вдали от искушения. Но, обнаружив слабую сторону моего Викинга, я искренне полагаю, что она не может унижить его ни в какой оценке благо родного человека. Только подумайте, сколько людей походит на него, начиная с Александра Великого, и особенно среди его собственного класса; и, умоляю, взгляните на то, что большинство его собратьев с широкой душой по той же самой причине являются самыми склонными к возлияниям, и потому, будучи пьяными, они пребывают в более весёлом настроении, чем другие.

Касаясь Самоа, учитывая отсутствие его мнения относительно воздействия спиртного на подчинённых, я заключил, что, наряду со своими другими тайнами, покойный капитан очень мудро держал свой «Отард» при себе.

И при этом я не сомневался, что Уполуану, как всем полинезийцам, спиртное очень сильно ударило бы в голову и, выпивши, он стал бы тяжёл на подъём более, чем Шварцвальдский боров. А что касается Аннэту, то я боялся даже думать, что «Отард» может воспламенить в ней ярость более жестокую, чем та, что преследовала Ореста.

Хорошо, что я тогда подумал об опасности разглашения моего открытия; подумал о тихих, коварных, вездесущих опасностях того путешествия, всех обстоятельствах, очень плохих, вызванных проникновением опьяняющего напитка в моих компаньонов, и решил отказаться от него вообще.

Настолько впечатлённый всем этим, я на мгновение почти решил перевернуть бочку на её помосте, удалить пробку и вылить её содержимое, дабы смешать с грязной водой, державшейся на дне судна.

Но нет, нет: растворить морскую воду с двойной дистиллированной душой драгоценного винограда? Да разрази меня гром!

С другой стороны, он мог бы играть роль в лечебных целях, и сам Парацельс одобрил каждый стакан, выпитый за здоровье. В конце концов, я решил позволить ему оставаться там, где он и был найден, посещая его иногда в одиночку для осмотра. Но посредством совета всем капитанам судов позвольте мне сказать, что если ваш запас коньяка и будет выставлен на виду в недобрый час аварии, то спасение окажется в вашем запасе духа – лучшей оснастки спасательной шлюпки.

Глава XXX IV

Как они держат курс

В момент установки «Серны» на бригантину мы, как я полагаю, уже прошли как минимум двести лиг к западу от точки, где тогда находился оставленный «Арктурион». Хотя насколько далеко, а также в какую сторону, к северу или к югу от экватора, я не могу сказать ни с какой абсолютной уверенностью.

Но то, что мы не удалялись на значительное расстояние от линии экватора, казалось очевидным. И самой звёздной ночью не обнаруживалось никакого признака видимости противоположных полярных созвездий, хотя мы часто просматривали северный и южный горизонт в их поисках. Насколько вид неба возле линии горизонта зависит от географической широты, мог сказать только человек, долгое время эти небеса изучавший.

С учётом моего предположения относительно нашей долготы, на которую я только что здесь сослался, и учитывая тот минимум пути, который нам удалось проделать на «Парки», нам теперь оставалась какая-то сотня лиг под парусом, и мы увидели бы страну, которую искали. Но не было никакой возможности сказать, сколько именно времени мы могли бы продолжать плавание, не видя землю. Успокаиваясь, лёгкие бризы и потоки делали каждый расчёт сомнительным. Не имелось никакого точного метода оценки нашего продвижения на запад, кроме того, что называют Точным расчётом, – с ежечасным вычислением узлов, – как и того, что исходные данные были взяты от воображаемого отклонения от нашего курса из-за океанских потоков, которые время от времени в этой части Тихоокеанского региона обладают очень большими скоростями. Сейчас во многих отношениях мы не могли не чувствовать себя в большей безопасности на борту «Парки», чем на борту

«Серны». Чувство опасности притупляется с увеличением числа тех, кому эта опасность угрожает. Тот, кто готов отчаяться при опасности в одиночестве, мужает сердцем в присутствии товарища. Во множестве товарищей – больше самообладания и взаимного утешения.

Однако на бригантине было много источников беспокойства и беспокойств, неизвестных мне на китобойном судне. Правда, теперь у нас между палубой и бездной имелось пятьсот славных досок на каждой планке нашего маленького жизнерадостного корабля. Но «Парки» требовал большой заботы и внимания; особенно ночью, когда бдительное наблюдение было обязательно. При безответственности на нашем китобойном судне мы, возможно, подошли бы близко к мелководью или рифам, а потому подобная небрежность или безрассудство теперь могли бы оказаться фатальными для всех нас.

Хотя в радостном солнечном свете, проплывающем через сверкающее море, меня мало беспокоили серьёзные предчувствия, в часы темноты они выглядели иначе. И предчувствия, словно губка водой, подпитывались небрежностью Ярла и Самоа в период их ночных вахт. Несколько раз я был охвачен смертельной паникой и внимательно рассматривал тёмный горизонт, когда, пробудившись от дремоты, обнаруживал рулевого, в чьих руках в то время были сосредоточены наши жизни, стоящего спящим у румпеля, подобного скульптуре дракона с открытым от удивления ртом, которая была грубо вырезана на нашем носу.

Сам я, побывавший на борту других судов и много раз дремавший у руля, злился оттого, что пребывал в почти полной неспособности извести эту беспечность в моих товарищах. Мне казалось, будто объяснение последствий данной ситуации должно стать достаточным, чтобы предотвратить подобное поведение на борту нашего судна.

Облик Самоа, спящего на вахте, был почти ужасен. Его большие опаловые глаза были полуоткрыты, и отражённый свет от нактоуза мерцал между его веками, как языки пламени. И венцом зрелища были его гигантский рост и дикие черты лица.

Напрасно я протестовал, просил или угрожал: случайная сонливость моих товарищей-путешественников оказалась неизлечимой. С этой целью я напомнил своему Викингу, что сон в ночных вахтах на таком судне, как наше, сильно отличается от подобной беспечности на борту «Арктуриона». На его борту наше местоположение в океане было всегда известно, и наше расстояние от земли тоже; и если морякам ночью разрешалось быть сонливыми, то главным образом потому, что капитан хорошо знал, что можно обойтись без чрезвычайной осторожности.

Хотя во всём остальном Небожитель показал себя как самый верный союзник, но только в этом вопросе он оказался либо упрямо тупым, либо безумным. Или, возможно, снова оказавшись на двухпалубном судне, подобное которому укачивало его раньше, он был убаюкан обманчивой безопасностью.

Для Самоа его сонливость была сонливостью одного удара во сне, приносящего мечту или смерть. Он казался нечувствительным к опасности, которая нам угрожала. Часто я с сожалением отсылал сонного дикаря вниз и принимался самостоятельно рулить до утра. В дальнейшем я считал обязательным для себя дневной сон, чтобы легче было стоять и смотреть ночью; хотя и Самоа, и Ярл должны были регулярно стоять на вахте по четыре часа каждый.

Уже было упомянуто, что Аннэту тоже стояла за штурвалом; но это было только днём. И, отдавая должное леди, я должен подтвердить, что в этом она показала себя с лучшей стороны. Поскольку, несмотря на постоянное самолюбование лицом сирены в стекле нактоуза, который смутно очаровывал её взгляд, Аннэту оказалась самой дисциплинированной среди всех остальных, кто стоял у рулевого колеса. Действительно, она гордилась своим заданием, всегда готовая к своей очереди, с изумительной точностью вычисляя приближающиеся часы, когда подходила их очередь. Её хронометр был и нашим – солнцем. Ночью им, должно быть, была одна из звёзд, для чего она часто пристально глядела на особую часть неба, как будто через телескоп в обсерватории.

Вследствие некоего странного рассуждения она тешила себя понятием, что тот, кто стоял за штурвалом бригаантины, и являлся капитаном в течение этого периода. Действительно, она давала себе полную свободу за штурвалом: экстравагантными жестами отдавала неразборчивые приказы о поднятии парусов или выкидывала за борт что-нибудь, чтобы увидеть, как быстро идёт корабль. Всё это очень развлекало моего Викинга, которого несколько раз охватывал смех, настолько громкий и здоровый, что нельзя было не отметить такие случаи занесением их в хронику.

И всё это говорится про Аннэту для того, чтобы предварить то, что далее будет сказано. Наблюдение за сонливыми Ярлом и Самоа, которое так часто ночью удерживало меня вне моего гамака, вынуждало меня отдыхать днём, когда я как раз предпочитал всю бодрствовать, и поэтому я решил позволить Аннэту стоять вахту по ночам; она несколько раз просила меня об этом, чтобы дистанцироваться от сонливого супруга, одновременно воздерживаясь от всяческих размышлений о Ярле, к которому она в последнее время прониклась чрезвычайным расположением.

Теперь Калмычка выстаивала свои первые ночные часы с восхищением, если не сказать с превеликим бдением. Для простого управления судном не требовалось использование её достаточно активного ума. Иногда и внезапно у неё возникала потребность бросить румпель, чтобы схватиться за поручень, конец которого вёл вниз, в каюты, где она подкрепляла себя глотком или двумя воды и кусочком булочки, а затем продолжала стоять у руля, глядя далеко вперёд и преисполнившись важности от своей службы. При любом необычном колебании парусов или сильной тряске палубы я свистал всю команду. Найдя Аннэту такой неутомимой, я с готовностью побудил её выстаивать по два часа за Ярла и Самоа, и, когда она стояла у руля, я разрешал себе дремать на груди старых парусов, распостёршись каждый вечер на квартердеке.

Небожитель же часто убеждал меня «свёртывать паруса» каждую ночь, дабы остановить движение судна до утра; этим планом он, возможно, хотел гарантировать спокойный сон для всех. Но, как оказалось, такой курс был бы чрезвычайно неблагоприятным. Если не двигаться по воде, быстрые течения, с которыми мы столкнулись, непрерывно стали бы нести нас в восточном направлении, поскольку, вопреки нашему предыдущему опыту, они, казалось, недавно полностью изменили своё направление; явление, безусловно, необычное около линии экватора в Тихом океане. И оно оказалось тем, что продлило наш проход на запад. Даже при умеренном бризе я иногда полагал, что импульс ветра немного больше встречного движения потоков, и настолько, что с большим количеством надутых парусов мы в действительности оказывались стоящими в одной и той же точке океана.

Экваториальные течения Южных морей считаются самыми таинственными из глубинных тайн. Откуда они прибывают, куда идут, кто знает? Скажите нам, какой скрытый закон регулирует их поток. Независимо от теории, которая приписывает им почти обязательное направление с востока на запад, вызванное восточными ветрами с экватора и сопутствующими действиями полярных потоков, эти течения всегда переменчивы. Невозможно наверняка знать период их изменений или предсказать его.

Но, однако, трудно объяснить определённую причину океанских потоков в любой части мира одним из благотворных эффектов, что кажется достаточно очевидным. И хотя обстоятельства, на которые здесь ссылаются, возможно, известны каждому человеку, то его можно будет расспросить, наделены ли они вообще той важностью, которую заслуживают. Объяснение здесь основано на постоянном смешении и очистке морской воды из-за течений.

То, что океан, согласно популярной теории, обладает специальным очищающим реагентом в своих солях, должно быть подвергнуто некоторому сомнению. Не может явно отрицаться, что те самые соли, что могли бы испортить его, не являются результатом оживлённой циркуляции внутренних его частиц внутри потоков. Морякам известно, что морская вода, оставленная в ведре в тропическом климате, очень скоро становится совсем отвратительной и не имеющей никакого сходства с дождевой водой.

Но я не строю теорий. И, возражая вышеупомянутому заявлению, позвольте мне добавить, что упомянутая порча морской воды, оставленной в ведре, может возникнуть в немалой степени из-за присутствия разложившихся в ней фрагментов животных.

Глава XXXV

Ах, Аннэту!

Чтобы открыть всё полностью, я должен ещё раз осудить Аннэту за её мелкое воровство и за то, к чему привело это воровство. По простоте моей души мне казалось, что дама, которой польстили более, чем она заслуживала, должно быть, была уверена, что я оставил её в покое, поскольку уже направил её на путь истинный и уберёг её от воровства. Но нет. Она была одержима неким множеством бесов, постоянно вредящих окружающим, к их, бесовской, собственной отдельной радости, и немногие из множества её шуток приносили пользу ей как в настоящем, так и в будущем.

Однажды пропала вьюшка лага. Позвали Аннэту. Она пришла, но сказала, что ничего об этом не знает. Ярл провёл целое утро за изготовлением замены, и спустя несколько дней мы случайно натолкнулись на потерю: вещь скрывалась на грот-мачте.

В другой раз, обнаружив, что небольшое судно тормозит при повороте, как будто кто-то под водой дёргал его назад, мы провели серьёзную экспертизу, чтобы узнать, что случилось. Когда поискали, то нашли верёвку, ловко привязанную к одному из звеньев цепи под главным створом правого борта. Верёвка что-то тянула за кораблём на глубине. После вытаскивания с глубины длинного троса с тяжёлой корзиной там был обнаружен крепкий деревянный ящик, который при вскрытии явил нам различные ножи, топоры и обухи топоров.

Вызванный к этому зрелищу Уполуан утверждал, что трижды он отбирал такой же ящик из рук Аннэту.

Итак, здесь находилось четыре человека, закрытых в этом небольшом дубовом судне, и в настоящее время у них имелись общие интересы. Какой нормальный смертный мог бы объяснить это воровство без повода и причины? Это походило на чистейшую кражу вещи из одного кармана и перекладывание её в другой. К чему тогда это могло бы привести, в конце концов?

Да вскоре и привело, к общему утешению, а именно к отделению компаса от нактоуза; поэтому мы вынуждены были заменить его тем, что был у нас на «Серне».

Это сделал Ярл, который первым обнаружил это последнее и опасное воровство. Аннэту стояла у руля на закате, он пришёл, чтобы сменить её, и, надеясь узнать, как наши дела, был поражён ужасной пустотой на месте нактоуза.

Я вскочил на ноги, разыскал женщину и железным тоном потребовал компас. Но её лицо оставалось невозмутимым, каждое слово опровергалось.

Дальнейшее милосердие было бы безумием. Я вызвал Самоа, рассказал ему, что произошло, и подтвердил, что нет иного способа обезопасить нас, кроме как по ночам лишать свободы его супругу. С этим он тайно согласился, и в тот же самый вечер, когда Аннэту спустилась на бак, мы заперли за ней люк во избежание её бегства. Она долго кричала, но безрезультатно. И каждую ночь эта сцена повторялась, и дама выкрикивала свои мольбы более энергично.

Где-то мы уже намекнули, что Аннэту иногда строила глазки Ярлу. Поэтому я был немало удивлён, когда её поведение по отношению к нему решительно изменилось. Частенько до этого, подтягивая с нами оснастку, она хитро щипала его, а затем смотрела в другую сторону, невинно, как ягнёнок. Теперь же она могла отказать в помощи при работе с оснасткой и перекашивала лицо после ополаскивания водой из деревянной бадьи, если мой Викинг ранее рисковал отпить воды оттуда. В другое время, когда честный Небожитель поднимался на палубу, она высмеивающе кричала и показывала свой язык, сопровождая всё это определённо недвусмысленными и чрезвычайно неприличными жестами, вызванными глубоким презрением, с которым она к нему относилась.

Всё же Ярл никогда не уделял внимания проявлениям её невоспитанности и терпеливо пропускал и прощал их. Когда же он спросил о причине исключительного поведения дамы, я ответил, отведя взгляд, что она в последнее время очень интересовалась моим Викингом, но не встретила взаимности.

Несомненно, Ярл, который был во многом философом, невинно предполагал, что со временем леди простила бы и забыла его. Но что знает философ о женщинах?

Отвращение Аннэту к нему стало столь долгим и настолько серьёзным, что честный старый моряк не мог её более выдерживать и, как самый добродушный мужчина, когда-то совершенно беспристрастный, оказался накрытым целиком ужасным тайфуном страстей. Он предложил немедленно отстранить женщину от всех дел и утопить, но настаивал на этом недолго.

Идея убийства заразителна. Сначала я почти ухватился за это предложение, но быстро отклонил его. Ах! Аннэту, невыносимая Женщина! Спасите меня, боги, от того, чтобы снова быть запертым на судне с таким шершнем.

Но что же делать с нею? И вот ещё что. До настоящего времени она продолжала выполнять обязанности, назначенные ей с начала путешествия, а именно те, что были из кулинарного раздела. От этого она была теперь отстранена. Её вертел был сломан. Мой Викинг торжественно утверждал, что он ничего больше не съест из её стряпни из страха быть отравленным. Да я сам почти верил, что в шалунье сидело преступное намерение приготовить нам бульон с беленой.

Но что сказал Самоа обо всём этом? Относительно вопроса кулинарии, доверяя нам, как и раньше, он был всё же слеп к замышляемым, но ещё не содеянным грешкам своей супруги. Всё так и обстояло. И так же был слеп сам Велизарий относительно интриг Антонины!

Есть свидетельства, что когда ему доложили о связи благородной дамы с молодым человеком Теодозиусом, то её введённый в заблуждение супруг обвинил сплетников в том, что это они и наградили его рогами.

Однажды, охваченный внезапным желанием смягчить очередную кражу, Самоа гордо сообщил, что не встречал леди более добродетельной из всех существ её пола.

Но, увы, бедная Аннэту, зачем говорить больше? И, вспоминая о тяжёлой судьбе, которая так скоро настигла тебя, я почти раскаиваюсь в том, что уже сумел слишком искренне тебя изобразить.

Глава XXXVI «Парки» теряет душу

Долгий штиль мы пережили в лодке, а затем Бог послал другой штиль на бригантину. Он был душным и долгим.

В этом горячем штиле мы лежали неподвижные и застывшие, как командор Перри на полюсе. Солнце играло своими лучами на гладкой поверхности моря, как на леднике.

В конце второго дня мы подняли глаза и смогли созерцать нижний слой ползущего голодного облака, расширяющегося, как армия, фланг за флангом, перед восточной частью горизонта. Ярл немедля и с тревогой указал на него.

Здесь стоит сказать, что если в течение многих дней и недель экваториальные широты Тихого океана остаются самыми спокойными и самыми солнечными, то, когда штормы действительно приходят, они приходят полные сил, за короткий срок расходуя себя взрывом своего сконцентрированного гнева. Они налетают, как мамелюки: с энергией и издалека.

Оставался целый час до заката, но солнце уже было почти совсем затенено. Казалось, оно, усталое, погружается посреди холодной скифской степи в туманную почву. Над штормовым облаком мелькали зловещие фрагменты вихрей, стремительно наступающих и отступающих: застрельщики Аттилы, брошенные впереди его гуннских кибиток. Ниже прерывистая тень скользила вдоль поверхности воды. Как только мы присмотрелись, облако приблизилось, ускорив свой подход.

Со всей поспешностью мы продолжили сворачивать паруса, которые, будучи пока в спокойствии, свободно висели в гитовах. И потому мы стали искать на палубе бака швабру или большое весло, дабы с их помощью попытаться повернуть нос бригантин к линии шторма.

Шторм, казалось, собирался настигнуть нас; но мы не чувствовали бриза. Бесшумное облако накрывало нас; его надвигающаяся тень снижалась к явственно торчащему молочно-белому гребню на поверхности океана. Но теперь эта линия растущей пены прибывала, катясь на нас, словно отряды белой конницы – под командованием безумного Сорвиголовы Мюрата в кивере с султаном; лилась, наступая вперёд, непрерывным пенистым каскадом, который, завиваясь, падает на гладкое море перед ним.

Однако пока не было никакого дуновения воздуха. Но внезапно, как удар кулаком, и прежде, чем наши паруса оказались в безопасности, ошеломлённое судно, накренившись, оказалось в безвыходном положении: ревущий поток промчался в высоте с его наветренной стороны, и капли морской воды упали на палубу, темнея, как капли запёкшейся крови.

Это происходило в шуме и тумане, крушение штанг и верёвок и ужасное смешение картин и звуков; что касается момента, то мы оказались в горячем сердце бури; наш такелаж, как натянутая арфа, гремел громче взрыва ярости. Мачты покраснели и качались, сбросив свои блоки в море. И, как сражённый бизон, лежащий на равнине, чернел корпус бригантин с космами морских водорослей и пеной по бокам.

Отчаянно цеплялись мы за перила фальшборта. И тогда, громче морского рёва, раздался острый раскалывающий звук – стук топора лесоруба с лесоповала в Норвегии. То был храбрый Ярл, который раньше всех схватил со стойки против грот-мачты топор, всегда там находившийся.

Подтяните вытяжные шнуры к встречному ветру! – закричал он и снова вонзил свой топор в мачту.

Ему сразу же повиновались. И после сокращения третьего вытяжного шнура из пяти он крикнул нам, чтобы мы остановились. Засунув за пояс свой топор, он поднялся к наветренной стороне. Поскольку он сжимал направляющую, повреждённая мачта выглядела в паре с ней как орудие. Небольшое пятно обозначало место, где произошёл облом. Оставшиеся вытяжные

шнуры разошлись. От сильного порыва ветра оба эти савана бешено взлетели в воздух, и один из больших блоков на их концах ударил Аннэту по лбу; она разжала руки, державшие поручень, и, съехав наискось через палубу, была проглочена водоворотом под нашим бортом. Самоа завопил. Но уже не было времени, чтобы носить траур; ни одна рука не смогла бы достать её, чтобы спасти.

Стоящими остались грот-мачта, связанная с фок-мачтой; когда же мы немедленно всё исправили, то с течением времени были спасены благодаря нашему спасителю – августейшему Викингу.

Первый порыв бури закончился. Но вдали в попутном направлении ветра виднелась ровная, белая линия её начала, входящая в океанскую пену. Повсюду вокруг нас море кипело, как десять тысяч котлов, и через вихри, волны и качку наше почти затопленное судно пробиралось с большим трудом; каждый удар по корпусу воспринимался как удар по крышке гроба.

Мы терпели крушение. С порывами ветра мы подняли наш повисший бом-кливер в воздух и выволокли его на сторону, свободную от разрушенных фрагментов мачт. От них мы поспешно отделались и, чтобы освободиться, обрубали оснастку, которая их удерживала.

Вскоре худшая из бурь прошла. Но море бурлило. Гонимая порывами ветра вода, с её безумной, рвущейся пеной, превратилась в огромные, очень широкие и долго катящиеся лавины; белые сливки на их гребнях смотрелись как снег в Андах. Уже скоро мы висели, балансируя на их бровях, тогда как изборождённый океан повсюду выглядел как склоны вершины Чимборасо.

Несколько часов спустя волнение спало. Море успокоилось, подул устойчивый бриз, и открылось ясное, звёздное небо. Таков был шторм, что пришёл после штиля.

Глава XXXVII

Они опять берут «Серну»

Установили насосы. Опустили грузила и нашли «Парки» кровоточащим каждой порой. Словно весной, морская вода, чистая и прозрачная, прибывала, пузырясь, как ручьи в Саратоге. Кораблю приходил конец. Но, держа обе руки на насосах, мы не сомневались, что он уже не продержится до рассвета, до которого нам не хотелось бы покидать его.

Паузы использовались для ремонта разрывов шлангов насоса и подготовки «Серны» к нашему приёму. Как только море позволило, мы спустили её за борт и, пустив её плыть за кормой, собрали в ней запасы воды и провианта вместе с другими разными вещами, включая мушкеты и мачете.

Вскоре после рассвета сильные толчки и грохот под ногами показали, что вода, быстро прибывая и удерживаясь назло всем усилиям по её откачке, вытолкнула более лёгкие бочки вверх к палубе, которую они принялись подпирать.

Теперь, вследствие увеличения числа пустых ёмкостей в трюме, плавучесть корабля возросла, но малейшая опасность затопления судна напрямую – полностью наводнённого – оставалась, поскольку его палубы скоро оказались бы в воде, а многие из составляющих его древесных пород, таких как индийский тик, определённо являлись более тяжёлыми, чем вода. Этот фактор в совокупности с жемчужными раковинами на борту противодействовал плавучести бочек.

Наконец долгожданное солнце появилось; тонущий «Парки» тем временем опускался ниже и ниже.

Все вещи, находящиеся в готовности, мы продолжили загружать с борта тонущего судна, как с причала.

Но не без некоторой демонстрации любви к нашей бедной бригаантине.

Для моряка судно не просто части механизма, а существо из мыслей и мечтаний, с жизненными инстинктами. Положите руки на вибрирующий руль – и вы почувствуете, что он пульсирует. Я любил суда, как их любят мужчины.

Оставление бедного «Парки» походило на расставание с чем-то судьбоносным. Оно было встречено достойно и смело. Со всеми этими мыслями Небожитель, Самоа и я оказались в лодке, быстро усевшись в неё, пока судно не успело затонуть и увлечь нашу лодку за собой в образовавшийся водоворот, в котором корабль обернулся уже дважды. Но, вопреки воле волн, с последним взмахом фрагментов его порванных саванов и тряской палубы Ярл вогнал свой топор в расколотый пень грот-мачты и только тогда присоединился к нам.

Мы медленно отсалютовали и поплыли дальше.

Но спустя десять минут после этого корпус, сотрясаясь, повернулся в воде, пошёл кругом ещё раз, приподнял свой острый нос, как утопающий человек поднимает руки, долго выпускал кипящий воздух и ушёл вниз.

Многие из его старых досок были уже дважды разрушены, однажды он был выброшен на океанский пляж; теперь же погрузился в самый глубокий склеп с костями утопленных судов и утонувших людей.

Снова на плаву в нашей раковине! Но уже не с тем бесстрашием, с которым мы уходили от палубы «Арктуриона». Смелость приходит импульсивно и в течение какого-то времени ведёт немногих или лишённых предчувствия. Но, укрепляя вас, ужас меняет вашу суть. Так и теперь. Я отплывал от «Арктуриона» с крепким сердцем, но когда я уходил от утопающего «Парки», то почувствовал, что моё сердце утонуло вместе с ним. При попутном ветре мы уже держали курс на запад, надеясь впервые за много дней увидеть землю.

Глава XXXVIII

Море в огне

Ночь после нашего бегства с «Парки» была ознаменована незабываемым и удивительным зрелищем.

Задремав на днище лодки, Ярл и я были внезапно разбужены Самоа. Сначала мы увидели, что океан окрасился в бледно-белый цвет, переливавшийся по всему пространству золотыми крошками искр. Но блистающая вода отбрасывала мертвенный свет на лодку так, что мы казались друг другу призраками. Для многочисленных наших преследователей наш след за кормой предстал в виде линии стремительно двигавшейся светящейся пены, в то время как тут и там под поверхностью воды следы акул обозначались яркими зеленоватыми линиями, пересекавшими друг друга не раз и не два в каждом направлении. Вдалеке пятнами, разбросанными на море, как созвездия на небе, светились неисчислимые медузы в окружении маленькой, круглой, сияющей рыбки, встречающейся только в Южных морях и Индийском океане.

Внезапно, когда мы уже присмотрелись, вдали высоко в воздух вырвалась ярко блестящая вспышка, сопровождаемая знакомым глубоким звуком дыхания кашалота. Вскоре море повсюду вокруг нас хлестало фонтанами огня, и огромные тела, отражающие яркий свет своими боками, внезапно и резко подняли свои головы над водой и, встряхнув искрами, обозначили место, куда из глубины к фосфоресцирующим волнам поднялось их огромное стадо.

Пар, вырывавшийся ввысь, был намного более сияющим, чем любая из частей моря, что объясняется, возможно, изначально большим прибавлением яркого света жидкости к более яркому блеску моря при её проходе по дыхалу и выбросу из него.

Мы пребывали в большом страхе, так как левиафаны, не имея какого-либо порочного намерения, могли бы уничтожить нас, просто коснувшись нашей лодки. Мы хотели бы держаться в стороне, но они были повсюду вокруг нас. Однако мы были в безопасности, поскольку смотрелись похоже на них в бледной морской воде, и специфическое свечение, которое исходило от нашего кия, казалось, сдерживало их. Очевидно, внезапно обнаружив нас, многие из них погрузились с головой в воду, выбросив свои пламенеющие хвосты высоко в воздух, и покинули эту часть моря, ещё ярче засверкавшего от их бурного погружения.

Курс их оказался таким же, что и наш собственный: они двигались на запад. Удалившись от них, мы опустили наконец вёсла и потянулись к северу. Одновременно нас настойчиво преследовал один одинокий кит, который, должно быть, принял нашу «Серну» за родственную рыбу. Назло всем нашим усилиям, он приближался всё ближе и ближе, тщательно тёрся своим пламенеющим боком о планшир «Серны», повсюду оставляя длинные полосы глянцевого прозрачного вещества, которое тонкой паутинкой выделялось из его тела.

В ужасе от невиданного зрелища Самоа сжался. Но Ярл и я, пользуясь близким и товарищеским отношением к китам, при помощи вёсел отодвинули от этого ухажёра лодку: метод, которым часто пользуются в рыболовстве.

Близость кита возродила в этом рослом пронизательном Небожителе весь энтузиазм его отважного призвания. Однако, тихий по своей природе, чистокровный китобой не предаётся большому азарту в этой игре. И это убеждённое спокойствие воспрепятствовало тому, чтобы Ярл бросил свой гарпун: охота была бы безумием при существующих обстоятельствах и, конечно же, несуразной выходкой. Но «О! Как раз для броска!» – закричал мой Викинг. И «Где теперь наше старое судно?» – добавил он, вспомнив его.

Но, к моей большой радости, монстр наконец отбыл, примкнув к своему стаду, чьи высокие фонтаны пламени всё ещё виднелись на удалённой линии горизонта, переливаясь там, как прерывистые сполохи северного сияния Авроры.

Море сохраняло свою яркость в течение приблизительно трёх часов, которая по истечении половины этого периода начала исчезать; и за исключением случайного слабого усиления, последовавшего после быстрого смётывания рыбы под водой, явление наконец полностью исчезло.

Прежде я видел несколько случаев морского фосфоресцирования в Атлантике и в Тихом океане. Но ни один из них не шёл в сравнение с тем, что происходило той ночью. В Атлантике поверхность океана начинает светиться очень редко, за исключением гребней волны, и оно главным образом появляется там во время влажной тёмной погоды. Примите во внимание, что в Тихом океане все подобные случаи, предварительно изученные под моим наблюдением, были отмечены участками зеленоватого света, не сопряжённого с ужасающей бледностью моря. Дважды у побережья Перу я был согнан с моего гамака тревожным полуночным криком: «Все наверх! Поворачиваем судно!» И мы стремительно бежали по палубе, глядели на море, белое как саван, по причине чего мы и занимались промерами и наблюдением.

Вообще-то, моряки любят чудеса и любят рассказывать о них. И от многих старых товарищей по плаванию я слышал различные мудрёные объяснения рассматриваемого явления. Отклоняют, правда, лишённое философского смысла и правдоподобия экстравагантное мнение одного из моих навигационных друзей – не меньшего философа, чем сам мой Викинг, а именно: то, что фосфоресцирование моря вызвано волнением среди русалок, золотые кудри которых, растрёпанные и взъерошенные, действительно освещают воду в это время; и я должнаю делать запись более достоверных теорий.

Фарадей мог бы, возможно, приписать явление необычным электрическим свойствам атмосферы, и исключительно только этому. Но тут моему учёному другу резко возразили бы многие умные моряки, которые частично приписывают его присутствию большого количества гниющих фрагментов животных, которых в море, как хорошо известно, имеется достаточно.

И, казалось бы, весьма разумно предположить, что это означает, если сама жидкость оказывается заряженной свечением. Вытяните ведро воды из фосфоресцирующего океана, и оно всё ещё сохранит следы огня; но, постояв некоторое время, свечение скоро спадает. Затем вылейте его на палубу, и это уже – поток пламени, вызванный его возобновлённым возбуждением. Освободите ведро, и цепкие искры останутся на его дне и стенках, и каждая палка будет казаться зажжённой.

Но, в конце концов, это кажущееся воспламенение моря не может быть полностью произведено находящимся в нём неорганическим веществом. Есть многие живые рыбы, которые фосфоресцируют, и при определённых условиях резкий выброс светящихся частиц должен, в основном, способствовать результату. Но рассмотрение этого обстоятельства как самого верного среди различных разновидностей акул, каракатиц и многих других крупных существ, имеющих плавники, несметного числа микроскопических моллюсков, как хорошо известно, роящихся в глубинах, могло бы считаться почти достаточным объяснением появления свечения в морской воде. Но это только предположения; вероятные, но сомнительные.

После научного объяснения приходит сантиментальное. Французский натуралист утверждает, что ночное сияние светлячка преднамеренно предназначено для привлечения противоположного пола; то есть ловкое насекомое зажигает своё тело, как маяк любви. Итак: взгромоздившийся на край листа и ожидающий её подхода Леандр, который, трепеща своими крыльями, распространяет аромат цветов, а некое насекомое Геро может зажечь факел для своего утончённого джентльмена.

Но, увы, трижды опасны для небольших бедных рыбок огни моря, чьё сияние открывает их врагам и освещает путь к их гибели.

Глава XXX IX

Они присоединяются к незнакомцам

После ухода с «Парки» у нас установилась спокойная погода, перемежавшаяся лёгким бризом. И, скользя по морской глади, ещё недавно покрытой бурной пеной, я не смог избежать собственных раздумий о том, насколько удачно сложилось, что буря настигла нас на бригантине, а не на «Серне». Хоть она и обладала высоким достоинством и как китобойная шлюпка по размеру была сопоставима с морским ботом, тем не менее в серьёзном шторме чем больше ваше судно, тем в большей вы безопасности. Почему-то тысяча беззаботных душ, находящихся в линкоре, насмеются над самыми ужасными ураганами, хотя в действительности они могут находиться в меньшей безопасности в своей Трое с деревянными стенами, чем те, кто спорит с бурей в клипере.

Но мало того, что я поздравлял себя со спасением от гибели, но также и с перспективой на будущее. Для штормов, происходящих так редко в этих морях, один его приход – почти верная гарантия очень спокойной погоды на много недель, которая должна установиться.

Теперь день следовал за днём, и никакой земли. И постоянно казалось, что вдруг мы, должно быть, проплыли мимо самого отдалённого возможного западного предела цепи островов, которую мы искали; это потаённое подозрение твёрдо сидело во мне. Однако я не мог не подпитывать скрытую веру в то, что всё сложится хорошо.

На девятый день мои опасения прошли. В сером цвете рассвета была замечена крепко спящая крачка-глупыш, взгромоздившаяся на пик нашего паруса. Эта чудачка была верна своей сути любопытной домашней птицы, имя которой происходило от её сонливости. Её оперение было белоснежным, её клюв и лапы были кроваво-красными; последние были похожи на небольшие панталоны. В хитрой попытке изловить птицу Самоа ухватил три хвостовых пера; встревоженное существо улетело с криком и оставленными перьями в его руке.

Плывя дальше, мы часто пересекались с путями огромных низко пролетавших стай других диких птиц, главным образом тех разновидностей, которые редко улетают далеко от земли: крачек, фрегатов, моллинье, рифовых голубей, болванов, чаек и т. п. Они затмевали небо; их крылья шумели так же непрерывно, как одновременно опадавшие десять тысяч листьев. Как будто из-за шор просматривался морской берег, покрытый галькой. На нём находилось несметное число птиц с более широкими крыльями. В это время высоко над всеми взлетел в воздух смелый «водолаз», или морской бумажный змей, обладающий действительно замечательной силой зрения. Мало кто из летучих рыб в воде ощущает её на высоте, которая может быть почти четырёх футов. Спирально спускаясь и крича, головой вперёд водолаз бросается вниз, врежаясь в воду, и, на мгновение целиком исчезнув, наконец выныривает; его добыча уже крепко схвачена его когтями. Но когда он уносит её наверх, на смелого бандита сразу нападают другие хищные птицы, стремящиеся вырвать у него его добычу. И вы видите, что рыба, выхваченная из его когтей, уже падает в воздухе, пока снова не оказывается пойманной в самом процессе падения своим стремительным преследователем.

Оставляя эти достопримечательности за кормой, мы вскоре подобрали слизистую шелуху кокосового ореха, плывшую среди зелёных уток. И вскоре после этого увидели две или три ветви дерева и одинокий ствол пальмы, который, когда мы приблизились, выглядел будто совсем недавно начавший своё бесконечное путешествие. Как только полдень миновал, тёмно-красная дымка, опирающаяся на западный горизонт, была почти затемнена. Однако мы сомневались, что позади этой тусклой драпировки качались ветви деревьев.

Мы были теперь в приподнятом настроении. Самоа временами мурлыкал какую-то свою языческую частушку, а Ярл был в десять раз более полон решимости вместо своего прежнего спокойствия; его глаза исполнились ожиданием и пристально гляделись вдаль с нашего

судна. Внезапно, затенив лицо рукой, он на мгновение остановил свой пристальный взгляд, а затем, вскочив на ноги, произнёс, растягивая слова: «Вижу корабль!»

Откинутый к самому дальнему краю неба, он выглядел небольшим пятнышком, мелькающим каждый раз, когда мы приподнимались на гребне волны. Он был похож на одну из множества птиц, показывающую через раз своё оперение: словно летящая вниз к морю молочно-белая крачка.

Но скоро мы больше не замечали птиц. Пятнышко оставалось пятнышком, явно парусом, но слишком маленьким для судна. Было ли оно шлюпкой, возвращавшейся с охоты на кита? Далеко ли за кормой находилось судно, которому она принадлежала, и было ли оно покрыто туманом? Так казалось вначале.

Однако мы со спокойствием ожидали более близкого подхода незнакомца, уверенные, что в течение некоторого времени он был бы не в состоянии заметить нас вследствие того, что мы находились в том месте, которое моряки называют

«поляной солнца», или в той части океана, на которой лучи солнца вспыхивают со специфической интенсивностью.

Поскольку парус был почти полностью развёрнут, отсутствие у него белого блеска вынудило нас усомниться, было ли оно действительно китобойным судном. Теперь же он казался жёлтым, и Самоа объявил, что это должен быть парус некоего островного судна. И точно. Незнакомец оказался большим двойным каное, которое используется полинезийцами для плаваний между отдалёнными островами.

Уполуан теперь настаивал на встрече, к которой Ярл не был расположен. Оценив ситуацию, я распорядился зарядить мушкеты, затем установили парус к ветру – мы устремились вслед за каное, идя теперь под прямым углом к нашему предыдущему курсу.

Здесь стоит упомянуть, что от различных весёлых тканей и других вещей, приготовленных для обмена капитаном

«Парки», я получил разительно улучшенный костюм для себя, создав его свободным, расцветочным и восточным по виду. Я был похож на Эмира. И при этом мой Викинг не забывал следовать моему примеру, хотя и с несколькими собственными модификациями. С его длинными запутанными волосами и гарпуном он был похож на морское божество, что появляется на корабле, впервые пересекаящем экватор. Татуированный Самоа носил ещё и клетчатую юбку, и тюрбан, напоминая одного жёлто-коричневого леопарда, хотя все его пятна находились в одном месте. Помимо этого нашего одеяния для чрезвычайных ситуаций, мы могли бы выложить и показать на нашей шлюпке нанкинские водолазные шаровары и шелка.

И вот уже в полной красе показалась пара огромных неуклюжих носов, грубо вырезанных и идущих по воде со значительной скоростью; огромный парус растягивался, удерживая ветер, словно сумой. Корабль оказался полным мужчин; и от противоречивых криков, которые долетали до нас, и по резко изменившемуся курсу каное стало ясно, что мы произвели немалую сенсацию. Они, казалось, не определились, каким курсом следовать: то ли заняться встречей, то ли избежать её; считать нас друзьями или врагами.

Поскольку мы подошли ещё ближе, отчётливо видя их лица, то громко приветствовали их, приглашая свернуть их паруса и позволить нам остановиться у них. Но никакого ответа не получили; их смятение усилилось. И теперь, в пределах менее чем двух длин судов, они уже неслись прямо наперерез к нам, пристально глядя на нас со смешанным любопытством и страхом.

Их судно было приблизительно тридцати футов длиной, состоящее из параллельно отстоящих приблизительно на один ярд пары каное, очень узких, по всей длине соединённых крепкими поперечными древесными брусками с шагом в четыре планшира. На эти бруска была установлена платформа или возвышение, вполне сухое; а на корме – арочная каюта или шатёр,

позади которого были установлены два весла с широкими лопастями, заканчивающихся грубыми акульими хвостами, которыми судно управлялось.

Мачта, державшая жёлтый парус, представляла собой изогнутый ствол, косо поставленный в мачтовом створе, зелёная кора которого всё ещё не была очищена. Тут и там имелись небольшие пучки мха. Высокий, крючковатый нос этого каноэ, в котором стояла мачта, напоминал грубый алтарь, и повсюду вокруг него было разложено множество разных фруктов, включая кокосовые орехи, уже очищенные. Эти орехи как бы формировали своего рода пределы алтаря.

Передний бим, пересекая планширы, простирался приблизительно на двенадцать футов вне описанного возвышения; и через одинаковые интервалы были закреплены крепкие тросы, ведущие к верхней части мачты и отвечавшие за работу парусов. Бриз теперь посвежел; и, дабы перевесить уходящую в воду подветренную сторону судна, пятеро мужчин стояли у этого длинного бима, удерживая пять парусов. Однако они не уравнивали давление паруса, и вследствие противоположного наклона двойного каноэ эти живые статуи были подняты высоко над водой; их внешность поражала страстным нетерпением и очевидной опасностью их положения, поскольку безумные брызги от водореза летели прямо на них. Внезапно островитяне бросили своё судно по ветру, в то время как мы подняли наши вёсла, боясь потревожить их своим приближением. Но, приветствуя их снова, мы сказали, что являемся друзьями и у нас есть дружеские дары для них, если они мирно разрешат нам подойти. Как я понял, там раздался мощный шум; пока же я предложил Ярлу и Самоа сесть на вёсла и очень плавно приблизиться к незнакомцам. После чего, среди шумов и криков, некоторые из них поспешили к самой дальней стороне от возвышения, заняв положение с выгнутыми руками вдоль голов, как будто для прыжка в воду; другие угрожали нам дубинами и копьями, и среди них был один старик с бамбуковой решёткой на голове, формирующей своего рода деревянную площадку для его волос, установленную как тент, с заплетённой позади неё широкой петлёй.

При этой демонстрации враждебности Самоа бросил своё весло и поднял мушкет, прицелившись в старика, который, по его мнению, казалось, угрожал нам из пустого хвостовства. Но я быстро отвёл дуло его мушкета и запретил малейшие знаки враждебности, приказав моим компаньонам, однако, сохранять бдительность.

Мы уже прекратили грести, но после нескольких минут шума в каноэ островитяне побежали к рулевым вёслам, развернули судно по ветру и быстро поплыли прочь от нас. Со всей поспешностью мы подняли наш парус и также налегли на вёсла, скоро настигнув их и обнаружив закрытую общину.

Глава XL Родитель и сыновья

Видя бесполезность отрыва, островитяне снова остановили своё каноэ и ещё раз осторожно приблизились; я крикнул им, чтоб они не боялись, а Самоа, состязаясь в эксцентричном юморе, утверждал, что он знает каждого из них с младенчества.

Мы сблизились до двух или трёх ярдов, затем взяли паузу, которая несколько ослабила их тревожность. Привязав красный китайский носовой платок к середине лопасти нашего длинного весла, я замахал им в воздухе. Раздались живые аплодисменты и много диких восклицаний.

Всё ещё размахивая флагом, я шепнул Ярлу, чтобы он подвинул лодку вплотную к каноэ, что и было ловко сделано, приблизив точку, где я стоял, ещё ближе к островитянам. Тогда я бросил им кусок шёлка, и островитянин, который поймал его, сразу же вручил его воинственному старику с петлёй, который, усаживаясь, развернул его перед собой, в то время как остальные толпящиеся быстро отвели взгляд от необыкновенного подарка и перевели его на ещё более необыкновенных дарителей.

Этот старик был их главой. И ещё Самоа утверждал, что он должен быть жрецом страны, к которой принадлежали островитяне, и что судно не могло быть никаким иным, кроме как одним из их священных каноэ, предназначенным для какого-то религиозного путешествия. Все эти выводы он сделал исходя из вида алтаря, формы носа корабля, а также того, что на борту совсем не было женщин.

Склоняя старого жреца к примирению, я забросил в каноэ другой шёлковый носовой платок, во время чего Самоа громко воскликнул, что нас только трое мужчин, и вполне миролюбивых. Тем временем старый Аарон, крестообразно связав эти два шёлка на своих плечах, как скобами соединяют шотландские пледы, скрестив ноги, сидел и следил за нами.

Это было любопытное зрелище. Старого жреца, испещрённого иероглифическими символами, как старый пергаментный свиток, уверяю вас, сложнее понять, чем какой-либо старинный манускрипт на санскрите. И его широкий лоб, глубоко изборождённый морщинами, носил отпечаток ещё большей тайны, которую, возможно, не раскрыл бы никакой Шампольон и ни один цыган. Он выглядел старым, как древние курганы: запавшие, хотя и блестящие, глаза и голова, белая, как вершина Монблана.

Остальные были юным и миловидным табором: похожие на золотые ягоды, все они носили татуировку следующего образца: две широкие продольные полосы на груди и на спине, достигающие талии, напоминающие лямки на пехотинце. Их лица были исполнены мимики, а рты были полны прекрасных зубов; их улыбки смотрелись как приоткрытые раковины с жемчугом. Татуированные тут и там в стиле острова Таити небольшими синими круглыми фигурками, усеянными посередине пунктирами красных пятен, их мускулистые коричневые бёдра мало чем отличались по цвету от нежных окороков Вестфалии, обсыпанных красным перцем Кайенны.

Но что изумляло, так это их общее сходство. Были ли они рождены одновременно? Это подобие усиливалось их арочной униформой. Но, как впоследствии выяснилось, они были детьми одного господина; и тем родителем и был старый Аарон, кто, без сомнения, отдыхал на своих сыновьях, как старый генерал на трофеях своих молодых солдат.

Они были детьми многих матерей, и он был их духовным пастырем.

Глава XLI

Схватка

Желание незнакомцев скрыть, кем они были, а также цель своего путешествия продолжалось ещё некоторое время, прежде чем мы смогли получить желаемую информацию.

Они указали на шатёр, как будто он содержал их иллюзорные тайны. И старый жрец дал нам понять, что наша попытка войти в него будет сочтена его осквернением.

Но всё это только пробудило моё любопытство и стремление разгадать тайну.

Наконец я понял.

В том таинственном шатре скрывалась красивая девица. И жрецом Алимой для исполнения варварского обычая она перевозилась с острова Амма к богам Тедайди.

Теперь, услышав о девушке, я уже не ждал чего-то ещё. Добавлю, что эта невидимая жертва расшевелила мою душу, и я горячо поклялся, что её драгоценная кровь никогда не окропит алтарь. Даже если бы мы тонули из-за неё, то и тогда я был бы готов рискнуть и спасти пленницу. Но всё же никакого, даже тихого, сигнала беды не доносилось до нас из шатра. Оттуда нельзя было услышать ни единого звука, ни случайного шелеста циновки. Было ли возможно, что человек, которого собирались принести в жертву, мог продолжать оставаться безразличным к своей судьбе?

Но поскольку я отчаянно решил добиться освобождения девушки, то решил просчитать все наши возможности. Я совсем не желал кровопролития, хотя силы были не на нашей стороне.

Старый жрец казался полным решимости препятствовать тому, чтобы мы высадились на его судно. Но с адекватной решимостью идти другим путём я осторожно переложил лук из «Серны» против площадки каноэ так, чтобы предоставить наименьшую возможность для враждебного проникновения в нашу шлюпку. Тогда Самоа с ножом в ухе и я с мачете ступили на возвышение, оставив Ярла в верхней части лодки вместе с его гарпуном и тремя заряженными мушкетами, лежащими рядом. Ему было строго приказано сопротивляться малейшему движению к нашему судну.

Когда мы взошли на каноэ, островитяне медленно отступили, иногда серьёзно перешёптываясь – все, кроме старого жреца, который всё ещё оставался сидеть, представляя собой неустрашимый, хотя и обеспокоенный, фронт. К нашему удивлению, он жестом предложил нам присесть, что мы и сделали, заботясь, однако, о том, чтобы не упускать из поля зрения Ярла.

С надеждой на появление добрых чувств я развернул рулон набивного ситца перед жрецом, обратив его внимание на нанесённую идеализированную иллюстрацию, представляющую несколько сотен юнг, одновременно занятых работой на сотнях элементов снастей огромного судна. Поглядев на них, он знаком дал мне понять, что когда-то давно сам поднимался на корабельные мачты. Сделав этот намёк, жрец помрачнел, и его лицо приобрело свирепое выражение, как будто какое-то потрясение было связано с этим воспоминанием. Но скоро оно пропало, и старик весьма резко повеселел.

В то время, пока мы так вот сидели вместе, вся моя душа была полна мыслей о пленнице и о том, как лучше всего достичь моей цели; я часто пристально поглядывал на шатёр, когда внезапно заметил движение среди незнакомцев. Почти в тот же самый момент Самоа, глядя прямо на Алиму, своим обычным тоном предложил мне принять во внимание, что тучи сгустились. Едва было произнесено это предупреждение, как вооружённые резными дубинками островитяне полностью окружили нас. Тогда старый жрец поднялся и заявил, что мы оказались полностью в его власти и если мы не поклянёмся отбыть в нашу лодку немедленно и не досаждать ему больше, то нам придётся худо.

«Уходите, и будете живы, останетесь здесь – умрёте!» Пятнадцать к трём. Безумно противоречить его власти.

А красавица была под угрозой.

Нож, прежде свисавший с уха Самоа, уже оказался в его руке. Ярл не способен был без нас отстоять лодку, а несколько островитян тем временем рванулись к нему. Времени на раздумья не оставалось. Всё произошло быстрее, чем это рассказывается. Они приближались к нам, чтобы выкинуть нас с каноэ: грубый старый жрец оттолкнул меня, угрожая своим кинжалом из острого рыбьего позвонка. Толчок и угроза! Прежде чем я осознал это, мой мачете сделал быстрый выпад. Проклятие вырвалось из его рта, красная кровь брызнула, он зашатался, изумлённо повёл глазами и свалился в море, как подрубленный. Вопль проклятий поднялся в воздух. Дикая крик донёсся из шатра. Среди создавшейся мёртвой тишины среди толпы мы оба уже бежали к лодке. Запрыгнув в неё, мы увидели Ярла, борющегося с двумя островитянами, в то время как остальные всё ещё были на возвышении. Гнев и горе сломили их.

Одним ударом своего мачете я сразу же разрубил верёвку, которая удерживала нас у каноэ, и с Самоа, напавшим на этих двух островитян, и с помощью Ярла мы быстро справились с ними, уложив их на дно лодки.

Небожитель и Самоа связали пленников, я быстро поднял наш парус, и, расправив его, мы быстро отошли от каноэ. Незнакомцы вызывающе грозили нам своими копьями, некоторые вскидывали их, как будто желая метнуть, в то время как другие хватили их за руки, как будто пытаясь воспрепятствовать этому, чтобы не подвергнуть опасности жизни своих соплеменников на «Серне».

Начавшиеся неблагоприятно, некоторые события часто приводят к успешным результатам: будучи далеко от всех реальных шансов спасения пленницы, совершённый нами рывок, необходимый для спасения Ярла, только приблизил успех нашего невероятного предприятия. Сделав пленниками двоих незнакомцев, я решил сохранять их как заложников, с помощью которых мы смогли бы реализовать свои планы без дальнейшего кровопролития.

И здесь надо отметить, что некоторые туземцы были ранены в драке, в то время как все три их противника получили лишь несколько ушибов.

Глава XLII

Раскаяние

Во время драки ни один мушкет не выстрелил. Первый, схваченный Ярлом, дал осечку, и, прежде чем он смог схватить другой, противник приблизился настолько, что уже невозможно было спустить курок. Его гарпун стал для него всем. И действительно, нет ничего лучше стального лезвия в бою. Оно появляется, охотно работает и никогда не устаёт. Ваш меч – это ваша жизнь и жизнь того вашего противника, которому он угрожает, и того, кто также сжимает его в своих руках. Он прикроет быстрее, чем шомпол; и работа сталью – игра без какого-либо перерыва. Есть вещи не менее смертельные, чем пули; и штык, дополняющий тонкий ствол, откуда вылетает заряд, более надёжен, чем порох.

Связав наших заключённых и уложив их продольно через сиденья лодки, мы гребли за каное, подавая миролюбивые знаки.

Замечу, что если и есть какая-либо вещь, способная обеспечить прилив сил в слабеющие вены, то это – вид побеждённого противника, обладавшего большей боевой готовностью, но которого некая потребность вынудила подчиниться вам. Не все победы триумфальны, не все завоеватели – герои.

Когда мы приблизились к каное, стало ясно, что горечь от утраты их господина снова охватила разум оставшихся в живых. Поднимая руки, они проклинали нас и время от времени выпускали из груди низкий, пронзительный вопль, характерный для их чувств. Как и прежде, слабые крики слышались из шатра. И всё это время тайна висела над морем и над злополучным каное.

От этого вида словно железная булава упала на мою душу; будто проклятый колокол зазвонил в моём ухе! Именно из-за меня случилась та смерть, что вызвала пронзительные вопли, которые я теперь слышал. Этой рукой я превратил живого человека в мёртвого. Раскаяние тяжело свалилось на меня; и тут же я спросил самого себя, неужели смертельное дело, которое я совершил, перевешивает добродетельную причину спасения пленника от рабства; или основа поступка в том, что я участвовал в этом фатальном хулиганстве ради некой другой эгоистичной цели: романтических отношений с красивой девицей. Но, отогнав эту мысль, я поклялся быть человеком. Не я ли спаситель девы? Кто так не считает, тот ниже меня по духу.

Мрачно глядя перед собой, Ярл тем временем угрожал нашим заключённым своим оружием, чтобы запугать их соплеменников. Затем честный Ярл отвёл свой гарпун. Но, потрясая своим ножом в воздухе, Самоа всё же бросил вызов незнакомцам, и от этого мы не смогли его удержать. Его языческая кровь кипела.

Стоя на носу лодки, я уже уверял незнакомцев, что всё, что нам нужно, – это дева в шатре. Пленники – наша собственность, они будут возвращены в целости. В противном случае они должны будут умереть. С криками они вскочили на ноги и принялись размахивать своими дубинками; но, завидев гарпун Ярла, дрожащий у сердец наших пленников, быстро отступили, согласившись наконец пойти на выполнение моего требования. Тогда я запрыгнул на помост и с него указал островитянам на линию около борта, приказав им отойти за неё. Затем призвал их одного за другим сложить оружие; они побросали его в шлюпку.

«Серна» теперь была пришвартована к корме каное, и, покидая Ярла, пообещав защитить его, как и прежде, Уполуан присоединился ко мне на палубе. Выполнив все предосторожности – заложникам, всё ещё остающимся у нас в лодке, связали руки и ноги, – мы сочли себя полностью в безопасности.

В компании Самоа я стоял перед шатром, как будто возле могилы.

Глава XLIII

Внутри шатра

Из-за щелей в ограждении в шатёр проникал воздух, но не взгляды. Имелось также круглое отверстие с одной из сторон, довольно узкое, в которое можно было всего лишь просунуть руку, но и оно было частично закрыто изнутри. Плотное покрывало из ивовых прутьев, тщательно привязанное шнурами к основной части шатра, закрывало вход. Когда я разрезал эти швы своим мачете, раздался гул голосов от островитян. Они тотчас же закрыли свои лица, и интерьер открылся только моему пристальному взгляду.

Передо мной сидела красивая девушка. Её руки свисали. И, как лики святых в храме, она печально выглядывала из-под своих длинных, прямых волос. Низкий вой вырывался из её губ, и тело её дрожало. На её щеке блестели слёзы, а на груди переливался розовый жемчуг.

Моя мечта? Белоснежная кожа; синие, небесного цвета глаза: словно узница замка Голконды. Я застыл на мгновение, как очарованный, в то время как медленно и с опаской и всё так же пристально глядя пленница ещё сильнее сжалась в своём платье из полупрозрачной ткани. Отступив на один шаг, я встал, частично опустив занавес палатки, чтобы видеть и слышать Самоа, который остался снаружи, в то время как девушка, отступившая и присевшая в самом дальнем углу, была полностью скрыта ото всех глаз, за исключением моего.

Скрестив свои руки на груди, я молча стоял. В своей душе я не мог связать это таинственное существо с оливковыми незнакомцами. Она, казалось, была существом другой расы, другой породы. Это ощущение было настолько сильно, что я неосознанно обратился к ней на своём родном языке. Она начала слушать и, наклонившись, слушала внимательно, как будто до неё доносилось эхо смутных воспоминаний. Когда я снова заговорил, отбросив назад её волосы, девушка бросила проникновенный изумлённый взгляд. Но вскоре она опустила взор и, наклонившись ещё раз, продолжила слушать меня с прежним видом. Наконец она сама медленно пропела несколько музыкальных слов, отличных от языка островитян; но, хотя я не знал, что они значили, они в чём-то показались знакомыми.

Будучи в нетерпении узнать её историю, я расспросил её по-полинезийски. Но с большой серьёзностью она договорилась со мной, чтобы я обращался к ней как прежде. Скоро поняв, однако, что, не постигая значения слов, которые я использовал, она, казалось, просто была тронута чем-то приятным в их звуках. Я ещё раз обратился к ней по-полинезийски, сказав, что горю желанием услышать её историю.

После сильного колебания она подчинилась, всё ещё вздрагивая при каждом звуке извне, в глубине души также беспокоясь относительно моих непонятных планов.

Этот рассказ в тот момент был отрывочным и скомканным, а потому ниже будет представлен в той форме, которая передаст всю его полноту.

Столь неземной была история, что сначала я мало понял её и был почти убеждён, что несчастная дева представляла собой образец некой безумной красавицы.

Она объявила себя более чем смертной, дева с Ороолия, острова Восхищений, где-то в райском архипелаге Полинезии. На этом острове, ещё младенцем, она обладала некой мистической властью: силой и энергией от Аммы, места её рождения. Имя ей было Йилла. И едва воды Ороолия омыли её оливковую кожу и окрашенные золотом её волосы, как однажды, прогуливаясь в лесу, она была заманена в ловушку из ветвей виноградной лозы. Вовлекая её в свои сети, лоза мягко превратила её в один из своих цветков, оставляя её сознательную душу сложиться под прозрачными лепестками.

Здесь и повисла Йилла в трансе, тюрьме, не имевшей никакого розового оттенка. Затем, когда её дух собирался вырваться прочь из распустившегося цветка, цветок был сорван со сво-

его стебля и перенесён мягким ветром к морю, где он попал в открытые створки раковины, которая в тот момент была вынесена на берег острова Амма.

Знаменательные эти явления стали известны жрецу Алиме, кто в момент открытия этой жемчужной шкатулки вынул содержимое, распустившееся в ожившем воздухе, и обнаружил слабый силуэт позади тёмно-красных облаков. Внезапно вспыхнув, рассвет выпустил в воздушную даль плывущий розовый туман. Из его уплотнившегося сгустка наконец появилась прежняя сияющая молодая Йилла, в каплях влаги и с розовым жемчугом на своей груди. Хранимая как богиня, замечательная девочка теперь оставалась в священном храме Аро, укрытом в лощине, никогда не созерцаемая глазами смертных и оберегаемая от них Алимой.

Луна сменялась луной, и, наконец, четыре дня назад Алима пришёл к ней с вестью: духи Ороолия призвали её вернуться прежним путём к Тедаиди, побережье которого журчало у моря очаровательными ручьями, которые, вытекая к морской воде, текли между синими водными отмелями и, закручиваясь в бурунах, погружались в неведомые глубины. В этот водоворот Йилла и должна была спуститься на каноэ, попав прямо в тайный колодец Ороолия.

Глава XLIV

Вдаль!

Рассказанная моим собственным языком история девушки имеет к нашей истории непосредственное отношение. Все эти описанные вещи не были прошедшими событиями; она просто воспроизвела их как воспоминания своего детства и своей судьбы, всё ещё продолжавшейся. И конечно же, мистический ореол рассказу придавало моё знание особенностей практик островного духовенства и увлечение мечтами, которые затуманивают разум многих из его жертв.

В скрытых целях, связанных с их священническим превосходством, жрецы этих стран часто прячут простых младенцев в своих храмах, ревниво изолируя их от всего общения с миром, и хитростью вводят их в заблуждение, растя в самом диком тщеславии.

Таким способом изолированные, их ученики почти теряют связь с людьми при постоянном удовлетворении своих ангельских грёз. Во многих случаях они становятся вдохновлёнными оракулами, и тут уже к ним иногда обращаются их приверженцы; при этом они никогда не показываются адептам и всегда скрыты от взглядов в укромных нишах храмов. Но в каждом случае их конец бесспорен. Обманутые некоей сказкой о посещении Райских островов, они привозятся туда в качестве сакральных жертв и погибают при полном неведении своих родных.

Но всё это было скрыто от меня в тот момент. Йилла была настолько прекрасна, что казалась действительно божественной, и вследствие этого я вполне мог бы поверить в её мистические легенды.

Но вместе со страстным ликованием я оказался бы освободителем этой прекрасной девы; тем, кто не замыслил никакого вреда и, увлечённый мечтой, переносился к её судьбе на побережье Тедаиди. Но тогда смерть Алимы, который был её опекуном, казалось, тяжело давила на моё сердце. Я радовался, что послал его к его богам и не милая Йилла, а сам мерзкий жрец утонул в море и пошёл на дно, покрытое морским мхом.

Но хотя его тело погрузилось глубоко, его призрак оставался в мелководье моей души. Поэтому если поверхность пенилась ликованием, то дно пребывало в размышлениях. Поразмыслив, я счёл свои побуждения к содеянному в момент гнева вовсе не безумными, пусть даже эти побуждения были прикрыты доброй отговоркой, оправдывающей самого себя. Но я отвлёкся.

Свою историю девушка часто прерывала своими вопросами относительно меня самого. Откуда прибыл я, такой белый, – с Ороолиа? Куда я шёл – на Амму? И что произошло с Алимой? Поскольку она была встревожена резнёй, то не знала, что она могла означать; и ещё она слышала, что имя жреца упоминалось в плаче островитян. От этих вопросов в течение какого-то времени я пытался уклоняться; я только побуждал её представить меня в качестве доброго полубога, который прибыл из-за моря от её собственного бога Ороолиа. И во всё это она должна была поверить. Такому, как я, который был у неё перед глазами?

Её глаза всё ещё странно глядели на меня, а уши ловили акцент моего голоса.

Во время этой сцены незнакомцы начали выказывать признаки нетерпения, и голос с «Серны» неоднократно призывал нас к ускорению наших действий.

Мой план созрел моментально. Единственным препятствием, с которым предстояло столкнуться, была опасность взволновать Йиллу при внезапной переноске её в наше судно. К этому событию я теперь и стремился её подготовить. Я сообщил девице, что Алима был послан по большому поручению в Ороолиа, предоставив моей заботе и опекунству прекрасную Йиллу, и потому необходимо было перенести её шатёр в моё собственное каноэ и ждать там Алиму.

Эту новость она встретила с предельным беспокойством, и, не зная, как можно было бы опередить её недоумение, я счёл целесообразным успеть перенести её на «Серну» в тот момент, когда она всё ещё будет подавлена известием о моём намерении.

Готовясь её похитить, я информировал Ярла о своей идее, а затем приказал не медлить!

Основание шатра было присоединено к лёгким стволам бамбука, и привязанные к его верхним углам четыре шнура другими своими концами привязывались к возвышению. Как только нож Самоа рассёк все узлы, мы подняли лёгкий шатёр и быстро перенесли его на «Серну»; островитяне издали дикий вопль, в котором утонули слабые крики девочки. Но мы не обратили внимания на шум, а даже сбросили фрукты, свисающие с носа алтаря! Сделав это и подняв наш парус, мы отплыли прочь – «Серна», палатка, заложенники и всё остальное. Увидев стремительное удаление нашей кормы от их опустевшего каноэ, островитяне ещё раз воздели руки и заголосили проклятия.

Отойдя на подходящее расстояние, мы остановились, чтобы выбросить за борт тех, кого мы удерживали, и Ярл приступил к освобождению заложников.

Тем временем я вошёл в шатёр и разными способами попытался успокоить девушку. Занявшись этим, я услышал сильный всплеск: наши пленники уже плыли в морской воде, возвращаясь на своё каноэ. Мокрые от влаги, они затем были встречены своими братьями с дикарской нежностью.

От каких-то слов, сказанных бывшими пленниками, остальные дикари внезапно, казалось, вдохновились надеждой на месть; ещё перед тем, как поднять своих товарищей из моря, они снова бешено затрясли своими копьями. Скоро в большом шуме и беспорядке они установили свой матовый парус и вместо того, чтобы плыть на юг, в Тедаиди, или к северу, к своему дому в Амме, принялись идти прямо за нами, по нашему следу.

На носу каноэ устроились три воина с копьями, приготовленными для метания, время от времени поднимавшие вопли.

Они решили преследовать меня? Заполнив пространство за нашей кормой, они продвигались, лая, как собаки на охоте. Йилла дрожала от их криков. Моё собственное сердце тяжело билось от непреодолимого страха. Тело Алимы, казалось, плыло спереди; мстители бушевали позади.

Но скоро эти фантомы отстали. Стало ясно, что язычники тщетно преследовали нас. Наша быстроходная «Серна» оторвалась от их судна. Всё дальше и дальше от кормы отдалялось зловещее каноэ; в последний раз оно уже казалось пятнышком, а когда большая выпуклость моря выросла перед ним, оно больше не показывалось. Самоа поклялся, что оно, должно быть, затонуло и погрузилось на дно. Но, так или иначе, у меня на сердце посветлело. Я не видел в море никого, кроме нас, помня, что наш киль при плавании не оставлял за собой следа. Позвольте орегонскому индейцу, идущему по следу врага через чащобу, ежевику и шиповник высоко в горах и внизу в долинах, приблизиться к воде, как он сразу начинает без толку нюхать воздух.

Глава XLV

Воспоминания

В процессе вызволения нежной Йиллы из рук островитян сказался наш опыт. Но что делать теперь? Здесь, в нашей авантюрной «Серне», была девица, более прекрасная, чем утренний свет; так считал не только я, но и мои компаньоны. Кроме того, её грудь всё ещё тревожно трепетала, её мысли всё ещё путались.

Как подавить эти опасные грёзы? Как мягко рассеять их? Но был только один путь: увести её мысли ко мне, как к её другу и спасителю, который лучше и мудрее, чем жрец Алима. Это не могло произвести большого эффекта, но всё же поддержало бы легенду о моём божественном происхождении со счастливого острова Ороолия и таким способом продолжало бы подпитывать в её сердце таинственный интерес, под воздействием которого она вначале воспринимала меня. Но если открытие истины со стороны освободителя привело бы её к осознанию его неким холодным незнакомцем из Арктической Зоны, то какую симпатию смог бы он вызвать? И, следовательно, можно ли ей было ради душевного спокойствия держаться только его одного?

Когда я повторно вошёл в шатёр, она снова спросила, где сейчас Алима.

– Думай не о нём, милая Йилла, – вскричал я. – Посмотри на меня. Разве я не так же бел, как ты? Ты заметила, что, начиная с ухода с Ороолия, солнце хоть и окрасило мои щёки, но всё же не так, как твой? Разве я смугл, как темнокожий Алима? Они унесли тебя от твоего острова в море, когда ты была ещё ребёнком, а потому ты не запомнила меня там. Но я не забыл о тебе, милая Йилла. Ха! Ха! Разве не трясли мы вместе с тобой пальмы и не бегали за орехами, катаясь вниз по речной долине? Разве мы не ныряли в гроте на побережье и не подходили оба к прохладной пещере на холме? В моём доме в Ороолия, дорогая Йилла, у меня есть локон из твоих волос, срезанный прежде, чем все они стали золотыми: маленький тёмный локон, свёрнутый кольцом. Как твои щёки тогда изменили цвет с оливкового на белый! И как забыть тот час, когда я натолкнулся на тебя, спящую среди цветов, с розами и лилиями на щеках. Всё ещё не помнишь? Не узнаёшь мой голос? Тот малыш в твоих глазах видел меня прежде. В них отражаюсь я теперь, словно в двух озёрах. Всё прошлое – тусклая пустота? Подумай о времени, когда мы бегали вверх и вниз по валу, где зелёные виноградные лозы обвивали большие рёбра выброшенного на берег кита. О, Йилла, маленькая Йилла, ведь так это всё и было? Я навсегда забыт? По всему широкому водному миру я искал тебя: от острова к острову, от моря к морю. И теперь мы неразделимы. Алима ушёл. Нос судна продолжит лобызать волны, пока не достигнет берега в Ороолия. Йилла, подними глаза.

Призрак Алимы исчез: прекрасная Йилла была моей!

Глава XLVI «Серна» меняет курс

Благодаря усердию моего Викинга, к сумеркам наша «Серна» снова была приведена в нормальное состояние. И с множеством хитрых морских стыковок лёгкий шатёр был установлен на своём месте; паруса были зарифлены.

Затем мои товарищи расспросили меня относительно моих планов: изменились ли они после последних событий. Я ответил, что нашей целью всё ещё остаются острова в западном направлении.

Но от них мы долго и постоянно дрейфовали всё утро, так что теперь уже не было видно никаких их очертаний. Но нос «Серны» продолжал сохранять прежнее направление.

С наступлением темноты мои товарищи улеглись и крепко заснули, оставив меня у руля.

Как же мягок и как мечтателен бывает свет в особые часы! Лучи солнца, исходящие из-за золотых закрывающих облаков, приходят к вам подобно блеску света позади решётки. И лёгкий бриз, пропитанный специфическим бальзамом срединных земель Тихого океана, был ароматен, как дыхание невесты.

Таково же было и это зрелище, настолько зачаровывающее, что рука Йиллы в моей руке казалась вовсе не рукой, а касанием. Видения мелькали передо мной и во мне, что-то звенело в ушах, весь воздух дышал спокойствием.

И сейчас же новая мысль тронула моё сердце. Я размышлял о том, как безмятежно мы могли бы и дальше так же скользить вперёд, совсем отдалившись от всех забот и беспокойств. И о том, сколько всего разного могло бы ожидать нас на любом из берегов этого окольного пути. Нами не ощущалось никакой тревоги в ароматном море; уверенность в близости земли придавала чувство безопасности. Мы имели вполне достаточные запасы провизии на несколько дней вперёд, а благодаря языческому каноэ ещё и изобилие фруктов.

Кроме того, зачем было заботиться теперь о зелёных рощах и солнечном берегу? Не стала ли Йилла моим берегом и моей рощей? И моим лугом, моим мёдом, моей мягкой тенистой виноградной лозой и моим песчаным валом? Из всех вещей, желанных и восхитительных, разве не все у меня в наличии? Вполне достаточно – и никакого берега не нужно. Один поворот руля – и наш лёгкий нос повернёт к мистической земле песен, солнца и виноградной лозы: к легендарному Югу.

Когда мы плыли вперёд, блаженная Йилла, пристально глядя вниз на морскую воду, выразила желание вместе со мной погрузиться в неё и бродить в её глубинах. Но я встревожился, мысленно увидев дрейфующее окоченевшее тело жреца. Снова привязался прежний призрак; снова чувство вины своей кровавой рукой схватило мою душу. Но я рассмеялся. Разве Йилла не была моей собственностью, спасённой моей рукой от беды? Ради неё я сам рисковал своей жизнью. Поэтому прочь, прочь, Алима!

Когда следующим утром, начавшимся с дремоты, мои товарищи созерцали солнце с перекладыны вместо кормы, как прежде в этот час, то нетерпеливо спросили меня: «Куда теперь?» Но очень кратко я дал им знать, что после ночных раздумий отнёсся к этому важному вопросу с должным вниманием и решил идти к островам Тедаиди вместо земли на западе. Но это их не рассердило. Но от желания сказать простую правду меня удерживала некая тёмная мысль, вертевшаяся некоторое время: у меня пропало желание пристать к берегу.

Но не я ли объявлял Йилле, что нашим предназначением был феерический остров, о котором она говорила, а именно Ороолиа? Всё же тот берег был чрезвычайно отдалён, и приложение усилий для его достижения на построенном руками судне было настолько очевидным безумием, что следовало задаться вопросом: действительно ли я питал мысль об этом?

Далеко же занесло «Серну», как бродячее облако в небе, улетевшее неизвестно куда.

Глава XLVII

Йилла, Ярл и Самоа

Пришло время сказать, как Самоа и Ярл отнеслись к таинственной Йилле и как Йилла отнеслась к ним.

Как красавица страшилась чудовища, так и девица сначала избегала моего однорукого компаньона. Но, видя мой интерес к дикарке, он отреагировал довольно скоро. И в соответствии с тем любопытным законом, в котором при определённых условиях самые уродливые смертные превращаются из отвратительных в дружелюбных, Йилла потихоньку принялась рассматривать Самоа как своего рода безопасного и добродушного гоблина. Откуда прибыл он, её не заботило, как и то, какова была его история или каким образом его судьба была связана с моей.

Может быть, она считала его существом случайного происхождения.

В наше время каждая женщина – укротительница мужского зверинца, поэтому Йилла вовремя сумела принудить Самоа отказаться от ужасного украшения в его ухе и убедить его заменить чем-то иным безделушку в его носу. С его стороны, однако, всё это было условностью. Он предусмотрел возможность возврата обоих предметов на прежнее место в подходящих случаях.

Но если так радостно девица веселилась с Самоа, то чем отличались его чувства к ней? Судьба, к которой она была предназначена, и каждая неназванная вещь в ней заставляли его с его соплеменниками относиться с суеверием к существам с её цветом лица, который приписывал им более чем земное происхождение. Когда ему случалось приблизиться к ней, он выглядел робким и странно неловким, имеющим сходство с неуклюжим сатиром с разрисованными рожками, медленно виляющим своим хвостом, смущённо присевшим перед неким сияющим духом.

И это почтение было самым приятным для меня. Bravo! Главная мысль: оставайтесь язычником навсегда. Но больше, чем для меня самого, после различных явлений Йилла стала идолом для обоих.

Но что же мой Викинг? Про доброго Ярла я с огорчением скажу, что старомодный интерес, который он проявил к моим делам, принудил его рассматривать Йиллу как своего рода злоумышленника, Аммонитовую сирену, кто мог бы победить меня, сбив с пути истинного. Это мнение время от времени вызывало его филиппики; но это было только негодование, говорящее о его преданности, и потому я молчал.

Бесхитростная, как ещё не раскрывшийся полевой цветок, Йилла казалась неспособной к восприятию противоположных точек зрения, с которых она рассматривалась нашими компаньонами. И, как истинная красавица, казалось, лелеяла предположение, что такому человеку, как она, невозможно предоставить опровержение её собственной неотразимости для всех. Её многое удивляло во внешности моего Викинга. Но больше всего она была поражена характерной татуировкой на руке замечательного моряка – нашим Спасителем на кресте, – выполненной синими чернилами; с короной из шипов и тремя каплями крови ярко-красного цвета, падающими одна за другой из каждой руки и ноги.

От этого честный Ярл весьма сильно возгордился своим украшением. Оно стало единственным кусочком его тщеславия. И, как леди, надевшая перчатку на свою руку, чтобы хвастаться прекрасным бирюзовым кольцом, он неизменно носил этот рукав своей рубахи подвёрнутым, чтобы лучше продемонстрировать татуировку.

И Йилла во все стороны вертела рукой Ярла, пока Ярл не прекратил это занятие из опасений вывиха. Ну неужели такое дикарское уважение не смогло бы взволновать сердце ищущего художника!

В конечном счёте через Уполуана она примирилась с Небожителем при условии владения его картиной по её собственному непреложному праву. В собственной простоте картины содержалось мало смысла, но её, как пейзаж во фреске, невозможно было удалить.

Глава XLVIII

Подводная свита

Чтобы не пропустить большого интересного происшествия, мы должны будем представить здесь описание любопытной свиты из рыб, которая настигла нашу «Серну» спустя день или два после расставания с каноэ.

Сильное бурление и вспенивание за кормой объявило об её подходе. Скоро мы обнаружили, что стали ядром или эпицентром скопления невероятного множества существ, имеющих плавники, в основном нам неизвестных.

Во-первых, далеко впереди нашего носа плыли шлемовидные Серебряные головы; бок о бок, шеренгами, словно солдаты. За ними плыл бонитас со своими вспыхивающими синими боками. Далее, третьим отдельным полком, извивался и вкручивался в воду, как архимедов винт, дрожащий изогнутый хвост, сопровождаемый, в свою очередь, неприметным спинорогом – так называемым из-за своих странных спинных плавников, стоящих на его спине и забавно искривлённых, как будто недоразвитых. Далеко за кормой из воды поднимались бесконечные батальоны желтоспинок, по-военному отполированных.

И над несущим нас парусом парили птицы: по крылу в небе на каждый плавник в море. Но позвольте морским птицам лететь; вернёмся к рыбе.

Её численность была удивительной; огромная, как мириады женских слёз из-за вероломного любовника. Вдали, по обе стороны, они плыли длинными линиями, бок о бок; вода изобиловала их стадами. Морская саранча, возможно, собиралась напасть на некую провинцию Нептуна, покрытую пушистой зеленью. И покорными и бесстрашными были они, как первые рыбы, которые плавали в Евфрате, почти не избегавшие человеческой руки, отчего Самоа поймал многих из них без приманки и снастей.

Они сформировали приличный эскорт, загребая впереди наших обросших ракушками бортов, как будто они были с нами с самого начала; ни один не испугался нашего судна, возвышающегося над водой, ни в малейшей степени не сожалел о потере товарища от руки Самоа. Они смыкали ряды и плыли дальше.

Как невинно, но как всё же бессердечно они смотрелись! Если бы доска выпала из нашей лодки и мы погрузились бы на дно, то, поверьте, наша весёлая свита уж точно отдала бы должное нашим останкам!

Но, тем не менее, у нас появилась компания; такая же дружелюбная, как и доставляющая удовольствие; помогающая самому Самоа в его охоте и Йилле, хлопавшей в свои ладоши, когда сияющие существа одновременным поворотом своих серебристых животов заставляли целое море пылать, словно полированный щит.

Но что случилось с нашим бедным маленьким бонитасом за кормой, который так тяжело плывёт, хлопая открывающимися пурпурными жабрами? Что там с ним, плетущимся позади? Это запутанная морская водоросль зацепилась за его плавники. Но забитый пловец напрягается, чтобы не отставать от своих товарищей. Но его отставание их мало заботит. Они уже далеко; всякая рыба за себя, и всякая рыба для Самоа.

Наконец бедный бонитас больше не виден. Бесчисленные плавники плывут дальше, а одинокие отстающие теряются позади.

Странные рыбы! Весь долгий день они были на нашей стороне, а ночью при бледных лучах луны блестели и сияли ярче кристаллов и зеркал, нежели при ярком золотом свете солнца. До чего же красиво они плывут, всю свою серебряную жизнь снуя туда и сюда между своими длинными рядами, касаясь своими носами и чистя их о знакомых. Никакого траура они не носят ни по бонитасу, что остался далеко за кормой, ни по безжалостно убитым Самоа. Нет, нет, одно ликование, подозрительное ликование и забавные шалости, лёгкие сердца и лёг-

кие плавники, весёлые спины и весёлые души. Отплывают, отплывают! Все мои весёлые плавники. Давайте бродяжничать в воде, давайте последуем за этой рыбой-монстром с обросшими ракушками боками, этой странной с виду рыбой, вылезавшей высоко из воды, идущей без плавников. Что это за рыба? Что за лёгкое колебание? Действительно ли мы слышим дыхание морского монстра? Да ведь он заострён по обоим концам; два хвоста, так или иначе; у него нет ни глаз, ни рта. Какая любопытная рыба! Какая смешная рыба! Но ещё смешнее те дальние существа, что повыше, что находятся в пустоте позади, вцепившиеся в монстра, как змеевидные угри, которые цепляются и погружаются за меч-рыбой, нашим ужасным врагом. Но как любопытны эти угри! Они считают себя такими же симпатичными, как и мы? Нет, нет; наверняка они созерцают наши подвижные плавники, нашу пёструю и красивую чешую. Бедные, бессильные существа! Как им, должно быть, было жаль, что не они, а мы – водные бродяги и морские старатели. Отплывайте; весёлые плавники, отплывайте! Позвольте ему погрузиться, тому, кто остановился; продолжайте путь, сойдитесь и сомкните ряды. Позвольте ему утонуть, если он не может идти в ногу. Для нас нет отстающих:

**Мы как рыбы, мы как рыбы, мы весело плывём,
Мы не ищем друзей и врагов,
А с плавниками и без хвостов
Через моря мы идём.**

**Рыбы, рыбы, жабры красны,
Даже кровь нас не тревожит порой:
Нашей добычей довольны мы,
Нас много, и каждый – герой.**

**Нас не заботит всё, что вокруг,
Наша цель – неизвестный фантом:
Нам нравится плыть, море – наш друг,
Мы плывём, не виляя хвостом.**

**Мы странно смотримся со стороны,
Но мы для спокойствия ходим со свитой:
Тень её падает на буруны,
И мы плывём под её защитой.**

**И если смотреть на плывущих угрей,
А также на летящих птиц,
Пройти мимо них надо нам поскорей,
Вдали мы не видим границ!**

**Мы как рыбы, мы как рыбы, мы весело плывём,
Мы не ищем друзей и врагов,
А с плавниками и без хвостов
Через моря мы идём.**

Ну что скажешь теперь, моя прекрасная рыба? Что встревожило твои длинные шеренги и перемешало всё в сумятице чешуи и пены? Не бери в голову этого долговязого парня с копьём, что устроился на корме. Оружие далеко, весёлая рыба, и дай нам мгновенье-другое

прислушаться к твоим дурным стихам. Но нет, нет! Их пение было закончено. Мрачная смерть в виде всадника следовала за ними.

Как же они изменили свою хвастливую мелодию! Как же они окружили сурово критикуемую лодку! Как же они пожалели, что они не оказались в ней, хвастуны! И как же все они забились в страхе!

А всё оттого, что здесь и там раздавался ужасающий звук стремительного движения под водой, означавший испуганную рыбу, учувшую копьё нападающего в мелководьях на косяки всадника, пронзающего их своим оружием. Отступив и стряхнув её, кавалер пожирает добычу, затем нападает снова. Окружив в отчаянии лодку, бедные рыбы инстинктивно скопились у поверхности воды и взбирались друг на друга, как мужчины поднимаются на цыпочки в толпе. Они так цеплялись за нас из-за воображаемой безопасности в нашем присутствии. Зная это, мы сами почувствовали немалую тревогу, боясь, как бы всадник не пробил ударом копья нашу лодку, схожую с его добычей, преследуя рыбу, метавшуюся возле бедной «Серны». Свёрнутый жакет был приведён в полную готовность быть втиснутым в первое же проделанное отверстие, а в то время, как тысяча плавников явственно хлопала по нашим тонким доскам, мы ощущали достаточно сильную нервозность, как будто шагали по тонкому, потрескивающему льду.

Позже, к нашей немалой радости, враг уплыл; и снова наша делегация весело плыла под своим эскортом, в десять раз более радостная, чем когда-либо.

Глава XLIX

Йилла

В течение нескольких дней пути, пока наше судно скользит вперёд, окружённое глубиной саранчой, позвольте истории Йиллы течь дальше.

Говорить о её красоте – это не сказать ничего. Она была кристально чистым озером в волшебном лесу: полная света и оттенков, полная мимолётного появления; то тенью в глубине, то солнечным отражением во впадинах; но всё в ней сверкало, менялось и смешивалось воедино.

Но её дикая красота имела склонность к ещё более странному поведению. Когда она часто пристально и искренне смотрела в мои глаза, то создавалось ощущение, будто чистый дух всматривался глубоко в мою душу и видел там некую обратную суть. Я начинал поражаться и спрашивал её, что за чары таились во мне, которые она так внимательно изучала. Часто она просила меня повторять раз за разом некоторые слоги моего языка. Она напевала их для себя, делая паузы, время от времени, как будто стремясь обнаружить, в чём состоит их очарование.

Её акцент чем-то сильно отличался от акцента людей из каное. Чем-то располагающим к себе. Но чем – я не мог понять; но он позволял ей с готовностью произносить все слова, которым я научил её, как если бы она вспоминала давно забытые звуки.

Если всё это наполняло меня удивлением, то насколько же это удивление увеличивалось и сбивало с толку, когда я рассматривал её внешность и её характерные черты.

После приложения различных усилий сопоставить их я предположил, что девица должна быть альбиносом (туллас), которые иногда встречаются среди жителей Тихого океана. Эти люди имеют чрезвычайно тонкую белую кожу цвета лепестков опавшей розы, как у створок раковины. Их волосы золотые. Но, в отличие от альбиносов других стран, их глаза неизменно синие, и они не имеют никакой нетерпимости к свету.

Как человеческий тип, туллас умирают рано. И, следовательно, туземцы верят, что они принадлежат к неким отдалённым сферам и только благодаря оплошности в божьем провидении происходит их появление на земле, откуда, при обнаружении данной оплошности, их торопливо забирают. И это происходит преимущественно на тех островах, где практикуются человеческие жертвоприношения, а туллас считаются самыми подходящими жертвами для алтаря, к перспективе которого их с самого рождения и готовят. Таковы были соображения, объединённые с другими, заставившие меня полагать, что жрец и считал Йиллу одним из этих существ. Столько мистических откровений, однако, содержало её прошлое, что часто я не знал, что и предположить. Но они явно показывали, что у неё не было даже самой отдалённой концепции её реального происхождения.

Но это самомнение о существовании, предшествующем существованию земному, возможно, отражалось в одном из тех божественных видений, проявившихся в лице дремлющего ребёнка. И, искажённые, и повторно отражённые, и постоянно повторяемые ей со многими дополнениями, эти грёзы должны были искренне принять в её сознании оттенок действительности, усиленные убеждённостью из-за мечтательной уединённости её жизни.

Но теперь позвольте её последующей и более вероятной истории быть изложенной так, как время от времени она её пересказывала.

Глава I

Йилла в долине Ардаира

В зелёной долине реки Ардаир, в далёком тихом уголке острова Амма, запертом среди старых серых утёсов, жила девочка Йилла.

Настолько узкой и настолько глубокой была эта речная долина, окружённая со всех сторон крутыми пологими склонами, настолько ярка и зелена была её растительность, настолько обманчивыми были тени, которые играли там, что сверху вся долина казалась скорее озером из прохладного, ароматного воздуха, нежели долиной реки: её леса и травы мерцали в тени, как морские рощи и мхи на дне спокойного моря.

Здесь никто не появлялся, кроме жреца Алимы, который время от времени отсутствовал по нескольку дней. Но когда-то неисчислимое множество людей, громко кричащих, стояло на краю соседних пропастей, и, пересекая эти тенистые дебри, они медленно отступали; их голоса стихали, когда они уходили через большие дальние рощи.

Иногда Йиллу заточали в храм Апо, и отряды мужчин, входящих в долину, окружали его, танцуя там до наступления вечера. В это время гроздьё фруктов, гирлянды цветов и корзины с рыбой возлагались на алтарь, где стоял Алима, одетый в белую таппу, бормочущий что-то про себя, когда подношения укладывались у его ног.

Когда Алима заканчивал эти камлания, Йилла уходила дальше по речной долине, блуждая среди деревьев и отдыхая на берегах реки. И когда она прогуливалась, то глядела вниз на мрачные старые утёсы, покрытые ползущим мхом.

В низинной части долины её высокие склоны, уходя вверх, сближались и нависали над проёмом, почти смыкаясь над его серединой. И большая скала, отколовшаяся и упавшая с одного из них, застряв между стенами, оставалась там неподвижной. Воздушные деревья росли на её поверхности, птицы гнездились в её расселинах, и странные виноградные лозы проросли за её пределами, обвивая вершины деревьев, свиваясь в клубки и волны, как анаконды, греющиеся на свету. Ниже этой скалы находилась высокая стена из тяжёлых камней. Между их щелями проглядывались длинные и покрытые листвой галереи, уходящие вдаль, туда, где море катилось к солнцу. Раздавшись, эти щели дали выход водам ручья, который длинным каскадом лился по скошенным зелёным выступам у подножия стены в глубокий тёмный бассейн, чьи скалистые берега в бесконечных водоворотах имели облик гротескной группы гигантов, погружённых с головой и лениво плещущихся в бассейне.

В этом бассейне Йилла могла купаться. И однажды, появившись там, она услышала эхо голоса и громко отозвалась. Но единственным ответом был шелест веток, потому что кто-то невидимый сбежал вниз из долины. Вскоре после этого камень скатился внутрь долины, и жрец Алима появился перед нею; он сказал, что голос, услышанный ею, принадлежал ему. Но это было не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.